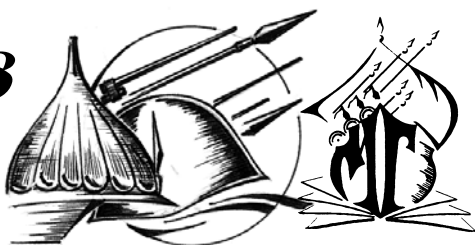

Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2020

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЛЬШАКОВ. Кто владеет нашей страной?	3
Людмила РЯБИЧЕНКО. По ту сторону абсурда	75
Валерий ХАТЮШИН. Коронованный вирус	153
Валентин КАТАСОНОВ. Проект нового мирового порядка	187
Валерий ФИЛИМОНОВ. На пути в «цифровой рай»	195

ПРОЗА

Павел КРЕНЁВ. Белоушко. Повесть	14
Михаил ЕСЬКОВ. Сеанс гипноза. Повесть	87
Владимир ПРОНСКИЙ. Заветная осень. Рассказ	165
Владимир СМИРНОВ. Два рассказа	203
Александр ЛАРИН. Человек-ничто. Рассказ	214

ПОЭЗИЯ

Иван ЩЁЛОКОВ. Берёза, сирень, акация... Стихи	69
Олег ИГНАТЬЕВ. Не страшась измены и обмана. Стихи	142
Николай КОНОВСКОЙ. Крымские строфы. Стихи	146
Николай ПИДЛАСКО. Всё навеки во мне. Стихи	179
Валентина БЕЛЯЕВА. Под шушанье железных колёс. Стихи	183

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Творцы оружия Победы** 217

РУССКИЙ МИР

Владимир АНИЩЕНКОВ. **Проект «Украина»** 224

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Алексей СИНИЦЫН. **Снимем с вируса корону** 229

СИМВОЛ ВЕРЫ

Юрий БАРБАШОВ. **Под защитой веры** 234

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Валерий КИРИЛЛОВ. **Тестирование страхом** 239

Владимир ПРОХВАТИЛОВ. **Правда о коронавирусе** 243

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Станислав ЗОТОВ. **«У меня есть дар»**
(В год 160-летия А.П. Чехова) 248

ЛАРЕЦ

Антон ЧЕХОВ. **Свирель**. Рассказ 261

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы**. Размышления
и воспоминания. Продолжение 268

КРУГ ЧТЕНИЯ

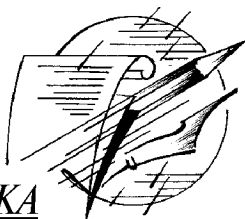
Владимир ПЕТРОВ. **По волнам «Тихого Дона»** 284

Николай ОЛЬКОВ. **200 русских гениев** 286

КТО ВЛАДЕЕТ НАШЕЙ СТРАНОЙ?

Предложение президента признать за русским народом государствообразующий статус было принято, но в весьма лукавой редакции. Так называемые «русофилы» во власти оказались на поверку русофобами и уступили пятой колонне, дружно вставшей на дыбы от упоминания в поправках к Конституции самого слова «русский», вычеркнутого, казалось бы, навсегда еще в 1917 году. Ленина вспомнили с его знаменитой фразочкой: «Русский народ не более велик, чем велик Держиморда!» Вот и выправили поправку. В ней сказано, что русский язык является государственным языком «как язык государствообразующего народа». Конечно, следовало бы записать это положение так: «...как язык государствообразующего русского народа». Но слово «русского» вымарали думские и приглашенные со стороны русофобы вроде Шханазарова, что, конечно, смысл этого положения Основного закона России существенно исказило.

Напомню, что еще в 2001 г. был опубликован один из наиболее детально разработанных проектов давно назревшего закона о русском национальном государстве. Согласно тому проекту Россия, в соответствии с международными

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

стандартами, объявлялась мононациональной страной, а русский народ, составляющий 80% населения России, — государствообразующим народом. Понятие «русская нация» приравнивалось к понятию «русский народ». Авторы проекта 2001 года исходили из того, что «...Русскую нацию (народ) составляют русские, являющиеся гражданами России, и русские, не являющиеся гражданами России, постоянно или временно проживающие за границей, как имеющие иностранное гражданство, так и лица без гражданства». Проект признавал разделенное состояние русской нации (народа) (ст. 6) и факт геноцида русских, который должен быть подвергнут историческому расследованию (ст. 13). Ст. 12 квалифицировала русофобию как преступление против государства и требовала преследования ее в уголовном порядке. Важным положением проекта была ст. 14: «Русский народ как государствообразующий должен иметь во всех органах государственной власти и органах местного самоуправления Российской Федерации квоты, соответствующие его удельному весу в составе населения соответствующей административно-территориальной единицы» («Национальная газета», № 4-5, 2001). Увы, об этом проекте никто и на этот раз не вспомнил.

Важнейшими в работе над новыми поправками к Конституции стали меры по укреплению национальной безопасности России. Путин в своем послании Федеральному собранию 15.01.2020 года предложил:

«...На конституционном уровне закрепить обязательные требования к лицам, которые занимают должности, критически важные для обеспечения безопасности и суверенитета страны. А именно: главы субъектов Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Председатель Правительства, его заместители, федеральные министры, руководители иных федеральных органов, а также судьи не могут иметь иностранное гражданство, вид на жительство либо иной документ, который позволяет постоянно проживать на территории другого государства». Позже глава Совета Федерации В. Матвиенко заявила о необходимости включить в этот список всех тружеников дипломатического ведомства страны. Оказывается, и среди них были люди с двойным, а то и тройным гражданством. Кстати, в предложениях Путина не уточнялось, какой вид на жительство имелся в виду — ПМЖ (постоянный вид на жительство) или ВНЖ (временный).

Напомним, такие ограничения для должностных лиц были введены еще в 2006 году. В.В. Путин не раз обращал внима-

ние на недопустимость сокрытия двойного (тройного и т.д.) подданства. Он подписал Закон о гражданстве РФ (редакция, действующая с 17 октября 2019 года), который вводит уголовную ответственность за сокрытие россиянами наличия у них гражданства другого государства. Документ был принят Госдумой 23 мая и одобрен Советом Федерации 28 мая 2019 года. Запрет этот касается руководителей членов правительства и других федеральных государственных органов, а также судей. Но господа депутаты и госчиновники плевать на это хотели и лихорадочно обзаводились ПМЖ, ВНЖ и собственностью в США и других странах НАТО, где тут же прописывали свои семьи. И никто за сокрытие такой прописки наказания не понес.

«Недостаточное внимание к этой проблеме может дорого обойтись нашему государству. Особенно с учетом нынешней непростой международной обстановки», — сказала Валентина Матвиенко на открытии сессии Совета Федерации 2019 года («РИА Новости»). Можно подумать, что она и слыхом не слыхивала о том, сколько в нашем сенате заседает иностранных подданных, списки которых циркулируют в российских СМИ и соцсетях с 2016 года. Российские сенаторы, правда, начали разрабатывать законопроект, дающий верхней палате право проверять публикации в прессе о несоблюдении законодательных запретов, в том числе запрета иметь второе гражданство. Тем не менее сообщения о двойном гражданстве депутатов Госдумы, Совета Федерации, местных органов власти, сотрудников госучреждений и государственных СМИ продолжают циркулировать. «Нет нужды говорить, — писал «Московский комсомолец», — что граждан «братской Венесуэлы» среди них нет ни одного, зато обладателей «вражеских» паспортов стран НАТО хоть отбавляй».

Замечу, что в ходе дискуссий о вводимых в Конституцию России запретов на иностранное гражданство и виды на жительство никто не выступал с предложениями распространить этот запрет на всех граждан России. Это касается только лиц, занимающих «критически важные для обеспечения безопасности и суверенитета страны» должности. Владимир Путин предложил в своем Послании, что, исходя из того, что «смысл, миссия государственной службы именно в служении, человек, который выбирает этот путь, должен, прежде всего для себя, решить, что он связывает свою жизнь с Россией, с нашим народом и никак иначе, без всяких полутонов и допущений». Такой запрет коснется президента, парламентариев, членов правительства и глав иных федеральных органов, губернаторов, омбудсмена, судей и прокуроров.

Заговорили об этом своевременно, так как в России пятая колонна окопалась не только в «болотной оппозиции», но и в структурах власти. Понятно поэтому, как в этих структурах умудрились одновременно с вполне назревшими и своевременными предложениями Путина по укреплению лояльности государственных мужей России назначить сенатора Андрея Клишаса, главу комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, сопредседателем рабочей группы по подготовке изменений в Конституцию РФ, обсуждавшей путинские поправки. Клишас обзавелся виллой в Швейцарии, где он имеет вид на жительство и счет в местном банке. В ту же рабочую группу вошла депутат Госдумы Ирина Роднина, гражданка США, и спортсменка Елена Исинбаева с ПМЖ в княжестве Монако, где она живет постоянно и в 2018 году родила там сына. Всё это, по меньшей мере, странно.

Предложенные Путиным поправки для обладателей таких паспортов во властных структурах прозвучали как гром среди ясного неба. Те, у кого рыльца по самую макушку в заграничном пуху, явно задержались и даже пытались протестовать против путинского «произвола», но бунт на российском государственном корабле был все-таки подавлен, и данная поправка была утверждена.

В перечень этих запретов не вошел, однако, запрет на владение иностранной недвижимостью. Конституционная комиссия не поддержала поправку о запрете на зарубежную недвижимость, внесенную депутатами Николаем Арефьевым (КПРФ) и Константином Слыщенко («Единая Россия»). Она была отклонена. На каком же основании? Как пишет газета «Ведомости», их поправку провалили, «так как десяткам парламентариев и чиновников пришлось бы отказаться от нее или уйти со своих постов». Об этом «Ведомостям» рассказали собеседники в администрации президента и Госдуме. Поправки, касающиеся национализации элит, — это поправки самого президента, «это его тема», для него важно, чтобы у чиновников не было иностранных счетов и гражданства, чтобы в будущем к власти не мог прийти кто-то, связанный с границей, поясняет собеседник в администрации: «Иностранная недвижимость пока осталась, потому что сейчас она есть у многих политиков и чиновников». Удивительное откровение! Ведь оно означает ни много ни мало, как признание того факта, что весьма значительная часть российской элиты — это иностранные агенты влияния!

Освобождение всех перечисленных выше лиц от запрета на владение зарубежной недвижимостью вызывает в свете

Послания Путина законный вопрос: а неужели владение за рубежом таким имуществом, требующим постоянных вложений и надзора, а также постоянной оплаты их содержания с зарубежных счетов, не ставит российских слуг народа в прямую зависимость от тех государств — членов НАТО, где они приобрели эту собственность?

Загадок в этой истории с иностранным гражданством, видами на жительство и зарубежной собственностью немало. Вот, например, депутат Госдумы Затулин член фракции «Единая Россия», член комитета ГД по делам СНГ и связям с соотечественниками, неожиданно в ходе дискуссий о поправках к Конституции сказал в интервью «Правде.ру»: «Я лично в 1998 году приобрел недвижимость в Испании, но никогда ни вид на жительство не приобретал, ни разрешение на проживание. Владею этой недвижимостью вместе со своей семьей с того времени, указываю ее во всех своих декларациях. Наш закон не запрещает иметь такую недвижимость, извиняться не буду».

О зарубежной недвижимости чиновников, депутатов и других должностных лиц речи в Послании главы государства действительно не было. Но раз Затулин об этом заговорил публично, отметим, что формально, с точки зрения существующих законов, он прав. Тем не менее в Конституции следовало бы учесть, что владение зарубежной собственностью создает неизбежную зависимость российского госслужащего, как и депутата, от властей той страны, где они эту собственность имеют и время от времени проживают с семьей или без, а уж тем более когда их семьи там находятся постоянно с видом на жительство или вторым гражданством, когда их дети там учатся, работают и даже забывают государственный русский язык.

А что уж говорить о членах правительства, других госслужащих и судьях, прикупивших квартиры и виллы за рубежом! С этим придется рано или поздно что-то решать, как бы наши чиновные владельцы иностранных паспортов и зарубежной недвижимости ни апеллировали к своему патриотизму. Объективно не только обладание двойным гражданством, ПМЖ и ВНЖ, счетами в иностранных банках, но и зарубежной собственностью ставит их в положение иностранных агентов влияния. И если они не хотят, чтобы их в этом обвинили, выход есть: сдайте мандаты, господа, вместе с вашими суперокладами, служебными машинами и прочими привилегиями и уйдите с занимаемых вами постов в российском государстве!

Легендарный Козьма Прутков учил еще в XIX веке русского читателя: «Зри в корень». Марксисты учили видеть

в государственной политике прежде всего экономическую подоплеку. Учтя эти советы, мы легко приходим к выводу: двойная-тройная лояльность российских чиновников и депутатов, пустивших корни в странах НАТО, — это прямое следствие рабской зависимости российской экономики от Запада, по сути дела, экономики колониальной. После развала СССР, при активном содействии предательского компрадорского режима предателя России Б.Ельцина, нашу страну завоевали без объявления войны, что и обрекает наш народ по сей день на неисчислимые беды и страдания.

Двойная, а то и тройная лояльность чиновников и депутатов, обладающих в России правом принятия жизненно важных решений, губернаторов, судей, послов и других лиц, ответственных за внешнюю политику нашей страны, а также работников СМИ, которые формируют общественное мнение, представляет собой прямую угрозу безопасности России, что очевидно. Этого даже не пытаются скрывать их покровители за рубежом. Бывший советник президента США по вопросам национальной безопасности, ныне покойный Збигнев Бжезинский, комментируя данные о росте числа российских долларовых миллионеров, разместивших свои капиталы в США, сказал как-то: «Вы в России думаете, что это ваши миллионеры. Нет, они давно уже наши». Сейчас, правда, после введения санкций большинство российские богатеев, опасаясь ареста своих счетов, предпочитают держать их в банках Швейцарии, а также Великобритании и на Кипре. Но и это не помогает. После того, как налоговая служба и разведка США получили доступ к банковским тайнам не только банков стран НАТО, но и всех швейцарских банков, российским дельцам и чиновникам скрыть за рубежом свои капиталы уже практически невозможно.

Так, в марте 2020 года, налоговая служба США инициировала судебные слушания в отношении основателя, акционера и председателя совета директоров «Тинькофф Банка» Олега Тинькова. Его активы были тут же заморожены. У него отобрали и паспорт РФ, и вид на жительство на Кипре. Ему, как еще и американскому подданному, грозит тюрьма в США за неуплату налогов. Нетрудно представить, как легко с помощью подобной угрозы подцепить на крючок любого российского обладателя зарубежных счетов, особенно если происхождение денег на этих счетах вызывает сомнение в порядочности их владельца. Западные спецслужбы и держат на крючке всех российских нуворишей, прописавшихся на Западе, не только потому, что могут в любой момент под тем или иным предлогом арестовать их капиталы, так как по боль-

шей части они ворованные. Но и потому, что вместе со своими грязными деньгами они прописали за границей свои семьи, иной раз даже бывшие, как, например, у пресс-секретаря Путина В. Пескова. Их безопасность — надежный залог верности этих госчиновников западным интересам. И первыми целями в этом случае будут госчиновники и депутаты. Никаких иллюзий на этот счет быть не должно.

История с Олегом Тиньковым имеет и другую сторону. Его задержание вывело на первый план бессменного и миноритарного акционера его TCS Group Оливера Хьюза, находившегося до этого в тени. Между тем именно англичанин Хьюз, бывший руководитель российской Visa, возглавляет «Тинькофф банк» с его основания. А мы-то всё думали, какой этот Тиньков молодец-патриот — выступает спонсором популярнейших программ «Голос» на Первом канале, занимается благотворительностью... И было бы это исключением в России! В своем недавнем интервью с корреспондентом ТАСС Венденко Путин бросил такую фразу: «Мы сами с усами, без всякого Запада и Востока!» Но так ли это?

Статистика показывает с неумолимой ясностью, что Россия находится в тотальной зависимости от Запада. И вся эта история с двойными, тройными гражданствами наших госчиновников, губернаторов, депутатов и их семей, проживающих постоянно на Западе в купленных на «честно заработанные» виллах и замках, — это лишь подтверждение того факта, что в России находится у власти целая когорта иностранных агентов влияния. Приведу некоторые факты.

Депутат Государственной думы Евгений Федоров в интервью телеканалу «Правда.Ру» сказал: «Весь частный бизнес в России, кроме мелкого и среднего, обязан регистрироваться в иностранной юрисдикции и находиться под контролем Соединенных Штатов. Вы не назовете ни одного крупного бизнесмена России, который бы был российским бизнесменом де-юре. Официальный статус любого из них — «управляющий имуществом иностранной компании в Российской Федерации», хотя у него и может быть российский паспорт».

Под иностранной юрисдикцией находится около 95% крупной российской собственности. Россия — единственная страна мира, у которой почти весь крупный бизнес и флот вместе с судовладельцами зарегистрированы в офшорах.

А вот и самые показательные примеры.

— Большая часть фирм, входящих в «Базовый элемент», принадлежит Basic Element Ltd, зарегистрированной на острове Джерси (США). Сама же Basic Element Ltd — 100%-ная «дочка» фирмы F-Finance, зарегистрированной на Британс-

ких Виргинских островах. Бенефициаром ее выступает неизвестный олигарх Дерипаска.

— Владельцем трех предприятий черной металлургии, подконтрольных Абрамовичу (ОАО «Западно-Сибирский металлургический комбинат», ОАО «Нижнетагильский металлургический комбинат», ОАО «Новокузнецкий металлургический комбинат»), является кипрская фирма Vastercroft Ltd, которой принадлежит 70,8% акций.

— ОАО «ХК Металлоинвест» А.Усманова принадлежит кипрским офшорам Gallagher Holdings Ltd (43,7%), Seropaem Holdingst (30%), Coalco Metalist Ltd (20%) и SamInvest (6,3%).

— ОАО «Северсталь» Мордашова владеют кипрские офшоры Astroshine Ltd (20%), Loranel Ltd (20%) и Rayglow Ltd (10,9%).

— ГК «Норильский никель» Потанина и Дерипаски зарегистрирован в кипрских офшорах как Gershvin Investments Corp. Ltd, Bonico Holdings Co Ltd, Montebella Holdings Ltd, которым принадлежит 47,8% акций.

— Кипрскому офшору на 99,8% принадлежит крупнейшая угольная компания СУЭК Рашевского.

И этот список можно продолжать. Например, на Кипре зарегистрирован «Уралкалий» Рыболовлева и «Мечел» Зюзина, а компании «Альфа Групп» — в Люксембурге, Нидерландах, на Британских Виргинских островах и в Гибралтаре.

Как видим, офшорам, в основном кипрским, принадлежат наиболее конкурентоспособные и прибыльные российские предприятия промышленности — значит, всё опять по Бжезинскому: «Вы думаете, что они ваши, а они давно уже наши». О каких же тут «усах» говорит Путин? Наши-то, российские «усы» давно сбиты и сданы в офшоры.

«На первый взгляд, за большинством офшорных фирм, фондов и трастов стоят вроде бы российские собственники, — пишет в «РБК daily» экономист Иван Никитчук. — Но насколько они «российские»? Достаточно просто пройтись по наиболее громким именам и фамилиям, и мы увидим, что многие из них уже давно имеют вид на жительство в какой-нибудь западной стране или даже гражданство этой страны. Пока что они сохраняют и гражданство Российской Федерации. Но представим себе, что завтра они от него откажутся. И тогда к защите от российской власти интересов хозяев «Росстали», «Росчугуна», «Росникеля», «Росалмаза» и т.д. подключатся президенты США, Англии, Франции, Германии, Италии, Испании, Израиля... и их бравые парни в разноцветных беретах. Догадываются ли об этом наши правители? Должны — ведь, кажется, они не глухие или слепые. А может быть, они с оли-

гархами заодно? Об этом говорит хотя бы тот факт, что в конце 2008 года правительство утвердило список из 295 стратегических предприятий, которым оно обещало в условиях разразившегося кризиса поддержку их устойчивости, используя кредитные инструменты, другие меры, такие как государственные гарантии, субсидирование кредитных ставок, реструктуризация задолженности, госзаказ, таможенно-тарифная политика...»

По той же схеме в России уже обещана господдержка этим уже не нашим фирмам в ходе явно надвигающегося на мир глобального экономического кризиса.

Ведущие экономисты России уже давно пришли к выводу, что РФ — экономически оккупированная страна. Экс-директор НИИ статистики, доктор экономических наук, профессор Василий Симчера в своем интервью рассказал о том, какова, по его мнению, реальная картина российской экономики: основные фонды изношены более чем на 80%, доля предприятий с участием иностранного капитала в стране достигает 70%, а пропасть между богатыми и бедными слоями населения составляет 44 раза — почти втрое больше, чем по официальным оценкам.

Вот отрывок из этого интервью:

«— Некоторые чиновники называют вас предателем за критику значительно заниженной оценки национального богатства России. Официальные данные — 4 триллиона рублей. Вы считаете — 40 триллионов.

— Четыре триллиона — это самые скромные оценки остаточной балансовой стоимости основных фондов и материальных активов. Без интеллектуальных и финансовых активов. Но последние сейчас оцениваются в мире гораздо дороже, чем величина материальных активов и природных ресурсов. А оценка в 40 триллионов долларов включает их в стоимость.

Второе — все знают, что балансовая стоимость любой квартиры в разы меньше, чем ее рыночная цена. Это применимо и к предприятиям промышленности. Власти выгодно занижать реальную цену. Ведь покупающая любые госактивы сторона — это власть, сплетенная с олигархией. Они оценщики, и они же покупатели. Но если государству понадобится что-то выкупить обратно, то цена будет уже совершенно другая.

— Доля иностранного капитала в российской промышленности по декларируемым данным — 20%, а фактически — 75%. То есть 75% экономики России принадлежит иностранцам?

— Номинально почти все наши предприятия оформлены на резидентов с российскими паспортами. Схема подмены проста. Берется зицпредседатель Фунт, на него регистрируется фирма с уставным капиталом в 10 тысяч рублей. Скупаются акции предприятий. Но, на самом деле, за его «Рогами и копытами» стоят западные игроки. Так что если распределять принадлежность российских активов по форме собственности и по собственникам, то даже не 75%, а все 80% принадлежат иностранным владельцам. Но это не фиксируют официальные отчеты. Отчитываются только о первом уровне собственников, как в королевстве кривых зеркал. Но тогда возникает вопрос: а в интересах чьей экономики принимаются решения именем правительства?»

Это интервью датировано 2016 годом. С того момента колонизация России шла еще более ускоренно... С тех пор мало что изменилось.

Вывод о том, что мы живем в экономически оккупированной стране, вновь подтвержден данными о росте числа миллиардеров в России, прописанных, как и их компании, за рубежом, и о росте численности бедных и безработных россиян. Вместе с миллиардерами стран НАТО они безнаказанно грабят Россию, прикрываясь авторитетом российских властей, попустительствующих этому грабежу и обрекающих нашу великую державу и ее народ на участь колониальной, а по сути дела, экономически оккупированной страны.

Ясно, что дальше так продолжаться не может. «Конституционный переворот» Путина, как называют сейчас всю эту операцию по внесению поправок в Конституцию, был вызван, как очевидно, его стремлением покончить с тотальной зависимостью от Запада. И первоочередной задачей он поставил национализацию российских элит, которые за 20 лет его правления, и не без его попустительства, стали считать себя не столько гражданами России, сколько «гражданами мира» со всеми отсюда вытекающими последствиями. Именно так позиционирует себя дочь пресс-секретаря Путина В.Пескова, живущая постоянно в Париже. Но если Пескова-младшая еще несмышлениш по возрасту, то госчиновники и депутаты, олигархи и нувориши рангом пониже, прописавшиеся за границей и получившие там гражданство или ПМЖ, — это весьма влиятельная сила в современной России, особенно если учесть финансовый потенциал и возможности непосредственно влиять на экономику и политику России и их зависимость от Запада. Путин остро почувствовал, что этот коллективный Брут стоит за его спиной с кинжалом

наготове и может ударить им в любой момент. Поэтому и поспешил и с поправками, и с обнулением.

Путин, однако, не решился на кардинальный вариант ликвидации этого коллективного Брута вместе со всеми потенциальными заговорщиками. Для того, чтобы освободить нашу страну от иноземного ига и колониального рабства, ему следовало бы незамедлительно потребовать от российских олигархов и менее крупных предпринимателей перевести все их активы в юрисдикцию Российской Федерации, а затем национализировать прежде всего жизненно важные для России отрасли, заставив одновременно с этим всех депутатов, судей и чиновников отказаться от зарубежной собственности и вернуть проживающие за границей семьи на Родину. Путин, к сожалению, предпочел такой революции эволюцию, понадеявшись на мирный исход давно назревшего конфликта. Не исключено, что именно поэтому он пошел на обнуление прежних своих президентских сроков с тем, чтобы провести национализацию элит поэтапно за те годы, что ему отведено еще жить и править. В результате его затею с обнулением осудили и правые, и левые, и центристы.

Заигрывание с компрадорской элитой — огромный риск. Этот коллективный Брут может в любой момент нанести свой роковой удар Путину в спину. Напомню еще раз о судьбе Николая II, страстотерпца: он пошел на компромисс со своим либеральным окружением, тотально сориентированным на Запад, в результате он потерял трон, а затем жизнь свою и своих близких.

БЕЛОУШКО

ПОВЕСТЬ

Волк — не соперник и не враг человеку. Он — наш собрат, с которым мы призваны делить землю.

Л. Дэвид Мич

Волков считают свирепыми созданиями, но редко кто задумывался о том, что волк всего лишь защищает то, что ему дорого.

Неизвестный автор

Это логово было для Волчицы запасным. Длинная яма, вырытая под висячим над землей толстым стволом ели, больше года пустовала. Она потеряла уже все волчьи запахи, и лесные обитатели перестали опасаться этой черной дыры. Ночевали в ней, пережидали непогоду или просто прятались и ежи, и змеи, и зайцы. Беременная Волчица пришла сюда, к этому своему бывшему жилищу, и обнаружила там спящего косога. Она учуяла его издали и подошла тихонько с «подветра». Тот сладко спал, ничего не подозревая, под накрапывающую весеннюю капель. Для опытной матерой зверюги не стоило большого труда подкрасться и сцапать сонного зверька. Только и успел он издать судорожный короткий плач. Заяц был виноват сам: слишком глубоко залез в нору и не предусмотрел варианты отхода. В мо-

ПРОЗА

мент смертельной опасности у него оказался только один путь — в пасть Волчицы. И этот короткий, последний в своей жизни путь он совершил...

Зайчишка попался кстати: волчья самка вот-вот должна была разродиться новым пометом, она остро нуждалась в накоплении свежих сил, так необходимых для родов, для многотрудных забот по выращиванию нового волчьего выводка.

Волчица не собиралась растить своих детенышей именно на этом месте. У нее было другое логово, которое она считала более надежным и безопасным. Волчья самка пришла сюда, чтобы проверить, можно ли в случае опасности спрятать и здесь родившихся у нее щенков.

Она лежала на небольшом, пологом пригорке, грызла пойманного зайца и разглядывала окружающий лес. Вокруг bushesеваля распахнувшаяся, разметавшая повсюду молодую зелень весна. Все деревья, вся природа источали острые запахи проснувшегося леса. Сквозь молодую листву пробивались брызги солнечного света и падали на ее глаза. Волчица шурилась и медленно, сосредоточенно, скалясь в звериной улыбке, наслаждаясь ароматом свежего мяса, грызла своего зайца.

В недалекой дали пел звонкие песни лесной ручей. Пошумливал в елочной хвое и в ветках склонившейся над ней берёзы бодрый ветерок. Разгуливал по лесу недавно начавшийся месяц-май.

Через неделю, как раз в середине мая, народились детёныши — маленькие мохнатые комочки, еле ползающие, однотонные, почти черные волчата — пять штук. Они лежали разрозненно и попискивали. Мать-Волчица тщательно вылизала их, каждого по отдельности, потом сгребла в одну кучу — так её детям будет теплее — и улеглась на эту живую горку животом. Но не придавила их, а как бы прилегла сверху и согрела своим теплом, создала для питомцев необходимые условия. Слепые волчата только и делали, что спали, а потом копошились под нею, расталкивали друг друга и жадно высасывали из неё молоко, звучно хорякая и чмокая, сильно дергая и больно покусывая соски. Волчица терпела эту сладкую боль: так терпят её все лесные матери.

Самец все время был рядом с ней. Он внимательно, с бесконечной нежностью, разглядывал своих детей. Когда щенки выползали из-под Волчицы, он неумело, но старательно принимался вылизывать их спинки и животики. И Самец и Волчица следили за тем, чтобы в логове сохранялась чистота и с тщательностью убирали своими шершавыми языками

все лужицы и кучки, оставленные их питомцами на территории логова, а также и то, что появлялось под их хвостиками. Это тоже обыкновенная повседневная забота родителей всего лесного звериного населения.

Потом Семец уходил на охоту и приносил Волчице свою добычу. Когда его долго не было, самка голодала, но всегда терпеливо ждала его возвращения. Она любила главу своего семейства, ведь и у волков, и у их близких родственников — собак тоже есть сильная привязанность друг к другу, которую люди называют любовью. Ясными и промозглыми весенними ночами она не спала, а с тоской слушала, как по-свистывает ветер в верхушках деревьев, как далеко-далеко в человеческих жилищах, деревнях, тявкают собаки — извечные враги волчьего племени.

Как и всегда, тревожил её страх.

Мало чего может бояться в лесу волчья самка. В этом родном для неё мире, мире природы, у неё мало врагов — разве только Медведь. Но он никогда не нападает первым. Как истинный, полновластный хозяин леса, он добродушен и ленив. Зачем ему бегать за волками? Все-равно ведь не поймает. А если и произойдет встреча лоб в лоб, любой волк, быстрый и хитрый, вцепится ему в морду и своими стальными челюстями и клыками прокусит её насквозь. Медведь знает это и никогда инициативно не воюет с волками. Только, если волки нападут на медвежат...

По-настоящему Волчица боялась только Охотника. Ей часто казалось, что это страшное, безжалостное существо вот-вот прокрадется сюда, к ней и к её детям и начнет выбрасывать смертоносный, громоподобный огонь из своей толстой железной палки — все волки знают про неё. И её детки превратятся в мертвые, неподвижные комочки...

Волчица ждала и ждала Самца, она прислушивалась к тревожному лесу и всё вглядывалась в дневную и ночную даль.

Наконец, под большой елью, той, под которую всегда нырял её Семец, уходя на очередную охоту, шевельнулись лапы. Он вернулся!

Пришел к ней и приволок добрую часть загрызенной им овцы. Впервые за долгий период она наелась теплого мяса! Семец ласкался к ней, радостно лизал её морду, терся боком и шеей, тихонько поскуливал от нежности.

Через день он снова ушел и больше уже не вернулся. Волчица со своим выводком осталась одна.

Из глубины густого можжевельового кустарника Семец долго наблюдал за деревенским овечьим стадом, которое изо

дня в день паслось на травостоях, раскинувшихся по пологому склону угора, лежащего вдоль озера.

Напасть на какую-нибудь отошедшую от стада овцу он не решался, потому что невдалеке, на пригорке, постоянно посиживал пастух в грязной и помятой, приплюснутой кепке и всё посматривал вокруг, всё посматривал...

Когда пастух в первый раз отлучился от овечьего стада, волк не решился напасть. Было неясно, когда он вернётся. Вдруг это случится неожиданно, и пастух выставит вперед свою железную палку и из неё выплеснется смертельный огонь, погубивший уже множество сородичей. Его долго не было, и овцы паслись одни. Но когда человек ушел и на другой день, Семец смело прыгнул в стадо и быстро перегрыз горло крупному барану. Тот не смог убежать, потому что был среди овец, своей толчеей они помешали ему.

Семец отволоч барана подальше от стада и отгрыз у него заднюю ногу вместе с частью холки. Тушу спрятал в кустах, а мясо унес в логово к своей Самке.

Через день Семец вернулся. Прислушиваясь и принюхиваясь, прокрался к кустам, уловил плывущий к нему дух бараньего мяса и шагнул в темную сень нависших над землей веток.

В этот момент одновременно с громом выстрела в его тело впился заряд крупной картечи. И убил его.

Деревенский мужик, опытный охотник Иван Печурин сидел на пригорке, курил сигарету. Ружье лежало на коленях. Напротив, в трех шагах, лежал на земле убитый им волк.

«Здоровенный какой! — размышлял промысловик, — хорошо, ветер не подвел: задувал куда надо, не подошел бы зверюга так близко».

Позавчера его нашел председатель сельсовета Шмыгин и сообщил новость: объявился волк, который напал на деревенский скот.

— Надо бы, Иванушко, кокнуть его, — попросил, — а то ведь повадится, гад, овечек всех и перережет. Укорот надоть дать ему...

Надо, так надо. Печурин взял своего старого охотничьего пса, верного помощника Иртыша и пошел к месту выпаса стада.

Он быстро определил место схрона волка, откуда тот напал на овец. Среди можжевельных зарослей была примята травка, а в ней кусочки линялой волчьей шерсти — явная лёжка! Здесь серый хищник отлеживался, отсюда наблюдал, отсюда и прыгнул...

А вот след и от бараньей туши, которую волк тащил в кусты, вот кровавые дорожки. Собака сразу обнаружила и саму тушу, спрятанную в можжевельовой гуще. Без задней ноги.

Долго размышлять не пришлось. Понятно, что волчара вернется за своей добычей — ему ведь надо мясо в логово доставить к волчице своей и к выводку, у такого матерого волка сейчас должно вырастать потомство. Конец мая — самое время! Щенки еще слепые должны быть. Мать с ними. Вот он ради них и старается. Ради них и погиб.

Печурин докурил сигарету, вмял каблуком в подрастающую траву окурков, взгляделся в убитого волка, подумал:

«Вот ты лежишь тут мертвяком, а детки твои резвятся сейчас с мамкой, тебя ждут. А ты и не придешь к им больше... А они тебе и спасибо не скажут за это, твои детки. Забудут, да и всё...»

Он всегда был маленько сентиментальным, хороший охотник Иван Печурин, и у него самого была дочь, уехавшая в город и вспоминающая родителей только лишь когда ей требовались денежки. А так, обычно, ни слуху от неё, ни духу. И от всех мыслей, связанных с этим, ему было грустно.

Но был Иван и простым деревенским мужиком, а значит был сугубым реалистом. Деньги — где их взять! И вот Печурин, как глава семейства и добротный охотник, приноровился добывать их охотничьим промыслом. Осенью — капканы на ондатру. Неплохой от них приработок. Зимой — капканы на куницу — тоже дело прибыльное. Иногда волка брал, сейчас вот тоже удалось... Волк — это дорогой трофей, очень неплохо оплачиваемый...

Он сидел и размышлял, что теперь надо будет срочно искать логово, где прячутся волчата. А те в одной цене с взрослыми волками идут. Иван стал было прикидывать, сколько же денег можно сорвать за выводок? Да если штук шесть-семь щенят.. Считал-считал, сбился со счета, но однозначно получалась хорошенькая сумма. Можно будет много чего приобрести и для дочки и для хозяйства... Ему давно, например, надо поменять лодочный мотор «Вихрь» — «двадцатипятку» — на чего-нибудь более свежее, современное. Например, на японскую «Тошибу» или же «Ямаху» — все их нахваливают. Мужики, у кого такие моторы имеются, сказывают: износу им нету! Завод — с полоборота! И тяга сильнее, и скорость. Ладные движухи!

Иван выкурил еще сигарету и понял окончательно: надо искать логово, надо!

— Ну, чего Иртыш, пойдем с тобой копейку добывать? — спросил он у кобеля, снующего вокруг убитого волка, скалящегося на него и злобно взирающего.

А тот будто бы всё понял, даже башкой своей кобелиной кивнул, и пошли они в деревню за лошадкой, да еще за телегой.

В мае почва только-только оттаяла, ручейками ушла в озеро ровга — ледяная корка, всю зиму сковывавшая землю. И земля размякла, превратилась в сплошную жижу. Не пройти по ней, не проехать. Только лошадка с телегой и может прокандыбать. Убитый матерый волк был тяжел, одному человеку с ним не справиться. Лошадь будет в самый раз.

Под вечер этого же дня Иван привез волка в деревню и бросил в амбар. Уже с позднего вечера амбарчик этот окружили собаки и всю ночь остервенело лаяли. Из всех пазов, из дверных щелей на собак веяло смертельным их врагом, и они заходились в лютой ненависти в вое и лае, погрызли у амбара деревянные углы. Не давали спать, и Печурин дважды за ночь выскакивал на улицу с палкой, разгонял собачонок, но так и не разогнал.

Его всю ночь волновали мысли о новом моторе и о том, что надо снаряжаться и идти в лес, искать логово...

Вокруг Волчицы ползали её дети — полторанедельные волчата. Они были еще слепыми, но уже совали свои мордочки во все дырки, уже начинали заигрывать друг с другом и все искали её соски, вместе с молоком высасывали из неё силы.

Прошли четверо суток, но Семец не возвращался. Еда, которую он принес несколько дней назад, закончилась. Волчица была голодна. Семец, такой близкий для неё, никогда не отлучался на столь долгое время. Где он, что с ним? Без его поддержки трудно будет вырастить потомство, которое все время хочет есть и пить, которое надо будет воспитывать в строгости и выучке. Из волчат надо будет вырастить умелых волков, способных охотиться и добывать пищу.

Повсюду тревожно шумел весенний лес. По ночам Волчице не спалось. Ей всё время казалось, что из кустов, из-за деревьев выйдет кровавый и страшный Охотник с оскаленным ртом и с огнедышашей палкой и убьет её беспомощных деток.

Она внимательно и тщательно принюхивалась ко всем запахам, наполняющим лес, прислушивалась к окружающим её звукам — не крадется ли к логову Охотник, чтобы успеть спрятать волчат в укромном месте. Но днями всё задувал и задувал резвый ветер, раскачивал деревья и кусты. От этого весь лес был в движении. Разве можно было что-то различить и почуять, когда всё шумело и шевелилось и когда ветер разбрасывал по сторонам и уносил все запахи.

А в вечернюю и утреннюю зарю на всех окрестных болотах оглашенно орали влюбленные тетерева — и урчали, и

чуфыкали, и шумно дрались, хлопая друг о друга крыльями. Сквозь этот лесной гомон не пробивались никакие другие звуки.

Волчица, голодная, встревоженная отсутствием верного и надёжного друга, сильно утомилась за эти дни. Она устала в своем ожидании и вынужденной неподвижности, в постоянном беспокойстве за слепых еще волчат. Кроме того, голод сократил выработку материнского молока. Детенышам стало его не хватать, и они начали громко поскуливать, требуя у матери еды.

Через несколько дней она осознала, что силы совсем оставляют её. Очередным утром она вылизала волчат, мордой своей сбила их в одну кучу и отправилась на охоту.

Она всегда умела выслеживать длинноухих зверьков — зайцев, обладающих любимым для неё мясом, душистым и нежным. Вот и сегодня, этим ранним утром, она скоро отыскала заячий след, уходящий на дневную лёжку.

Найти его, спящего, не составило особенного труда для опытной Волчицы. Она быстро разобралась в петляниях зверька. Вот он прошел по травянистой низинке, вот вернулся по своим же следам... А вот и смётка — резкий прыжок в сторону. Может, другой волк и потерял бы здесь зайца — след-то оборвался. Но Волчица быстро отыскала то место, куда приземлился прыгнувший заяц. Теперь она знала: скоро будет сама лёжка. Только обнаружить её надо заранее...

След шел прямо к густому вересковому кусту. Волчица догадалась: он там!

Осторожно и бесшумно ступая с подветренной стороны, она подкралась к кусту, подняла голову и замерла. Сейчас нужно подождать и просто разглядеть в толщине куста любое шевеление, любой намек на присутствие там зайца. Нужно определить точку, в которой он находится...

Через несколько секунд она сделала последний прыжок. Заяц не успел даже шевельнуться...

Волчица вернулась к логову полная новых сил, облизываясь, отфыркивая пух заячьей шкурки, прилипший к пасти.

Время шло, пришли новые дни. Её дети-волчата скоро уже начали открывать глаза, стали узнавать её воочию даже на расстоянии и ковыляли на слабеньких своих ножках, поскуливая от радости, прямо к ней, к своей матери. Это радовало Волчицу — любая мать рада, когда дети её развиваются и растут здоровыми. Скоро, совсем скоро будут отказываться от молока и станут требовать мяса, ведь они растут волками.

Но сытость не утолила тоску по Самцу, который так и не вернулся.

Ночью, когда её дети дружно спали, посапывая, прижавшись мордочками к материнскому теплому животу, она смотрела на блеклые желтые звездочки, висящие на темно-сиреневом небе, подсвеченном упавшим за горизонт солнцем. Она не спала, а только тихо-тихо поскуливала, изнывая от изнуряющей тело непереносимой тоски. Над ней в ночном воздухе летали и позванивали легкими крылышками белые мотыльки. Такие же мотыльки кружились над ней и её Самцом, когда он уходил на последнюю охоту.

Посреди ночи Волчица не выдержала. Она уселась на землю и, задрав голову к ночному небу, завывала, словно желая, чтобы окружающий логово лес разделил её печаль по Самцу, чтобы вернул его к ней. И еще хотела она, чтобы услышал её плач в дальних далях, в тех потаенных, скрытых от всех глаз чашобах её потерявшийся Семец, отец их волчат, красивых пушистых комочков, уже увидевших мир. Услышал бы и откликнулся. Вернулся бы к ней, чтобы им вместе обустроить логово и вместе поднимать детей.

Она долго так плакала, но лес ничего не ответил ей.

Через пять дней Иван был готов к поиску волчьего логова. Он изготовил свежие патроны, оснащенные картечью и круглыми свинцовыми пулями — таким пулям он доверял больше, чем всяким там «жаканам» и прочей дребедени: круглая пуля летит, куда прицелишься, а цилиндрические формы вихляются в воздухе и постоянно мажут. Проверено! Снарядил полный патронтаж: волчье логово — не шутка! Все эти боеприпасы — для волчицы, потому как ясно, что по волчатам стрелять не придется, с ними разберется собака...

Работа по логову — дело кропотливое и, как правило, долгое. Поэтому положил он в рюкзак запас еды, чайник, смену белья и запасные портянки — если придется ему промокнуть до нитки. Сейчас, по весне, шагать он будет по разводьям, где воды по пояс, да и лес тоже мокрый, наверняка сапоги наберут воды, а вся одежда отсыреет.

Иртыш уже заждался у крылечка. Иван только нос высунул из входной двери, а кобель — поглядите на него — уже волчком извивается перед ступенями, изнывает, вертит хвостом, словно колесом. Откуда они, собаки, загодя понимают, что хозяин в лес собрался? Вечная загадка! Не показывал сборы, даже и слова не сказал про лес, про охоту, и вот тебе, пожалуйста, кобелина давно ждет. Бросился к Ивану с объятьями.

— Ну, ты это, погоду, погоду, — урезонивал его охотник, да всё без толку: собачьей радости не было предела.

У Печурина был какой-никакой опыт поиска волчьих жилищ. Основных примет в таком деле было несколько: логовища всегда располагаются около проточной воды — ручья или речки. В проточной воде меньше, чем в застойном озере всякой заразы. Волки сильно пекутся о том, чтобы их потомство было здоровым. Второе: волки устраивают свои обиталища на небольших возвышенностях в скрытых от постороннего глаза, сухих, как правило, песчаных местах среди лесных завалов, в холмистой или овражистой местности: волчата должны вырастать в чистоте и безопасности.

Иван Печурин знал все эти тонкости и долго глядел на карту и соображал, где же спрятано волчье логово? Перебрал в памяти километров двадцать квадратных, пока не выбрал наиболее подходящую территорию. Самое главное, что она располагалась не очень далеко от того места, где он подстрелил волка. Тот не стал бы отходить от своей волчицы и волчат на большое расстояние.

Он изучал свою замызганную, затертую в рюкзаках походную карту, сидел по вечерам за столом, мычал, водил по карте пальцем, пока всё не сошлось. Вот тут, рядом с Оксеньиным ручьем, видал он песчаные пригорки. Места глухие, мало кто туда заглядывает, просто незачем. Ни пожень там нету сенокосных, ни рыбы в ручье, ни грибов тоже толком не водится, ни ягод. Вот люди туда и не ходят. В эти места он и отправился с собакой своей, с Иртышом. Пошли они вдоль ручья, вверх по течению. Начали путь прямо от озера, в которое ручей впадает. По левую сторону тянулись бугристые места, поросшие толстым сосняком и ельником. Где-то в их глубине, в самом их чреве, волки, скорее всего, и построили свое логово. Справа ширились березовые да ольховые урочища, по земле стелился корёжистый, кустарниковый, в основном можжевеловый стланник вперемежку с ивняковыми подрадьями.

Иван с собакой шли по левой стороне. Задача у них была только одна: обнаружить подходы волков к ручью. Ясно ведь, что любая живность пьет воду. И волкам в логове как без воды? Раза два-три в сутки должны они наведываться к водопою. Особенно волчица, у которой щенки ежедневно высасывают много молока. А молока без воды не будет.

Волка-самца нет, его Иван уже оприходовал. Ну, значит, одна волчица логово стережет. Она одна и на водопой ходить должна. И должен быть ее след к водопою и обратно... А уж когда найдется он, дальше всё будет просто. Следочки эти сами приведут к волчьему дому. Для этого взят на охоту Иртыш...

Около трех километров двигались они вверх по течению, углублялись в лес. Кобель был на длинном ремешке и вышагивал впереди, принюхиваясь к множеству запахов, бьющих в его ноздри, и шныряя по сторонам. Иван пристегнул его на ремень, чтобы Иртыш не бросился за каким-нибудь случайным зайцем или вылетевшей птицей и не удрал в лес, не испортил бы охоту. Или, не приведи Боже, почует собака волчицу, рванет к ней... А та в бирюльки играть не будет — живо загривок перекусит. Ни одна собака волка одолеть не сможет. Секунд пять и всё! Нет собачки...

Наконец Иртыш резко уткнул морду в траву, шумно задышал, дернулся сначала к воде, закрутился на одном месте, а потом потянул Ивана в сторону от ручья — в лес. Охотник разглядел: собака вышагивает по волчьей тропе — тут волчица ходит на водопой.

Волчица издалека почуяла человека. Рядом с ним была собака — извечный враг волков, древняя предательница их рода, давным-давно перешедшая на верную службу лютому врагу всей лесной живности — двуногому существу, убивающему волков при помощи железной палки. Ветер принёс волчице запахи этих двух смертельных ненавистников волчьего рода — собаки и человека. К ним примешивался и запах страшного их оружия.

Судя по приближающимся запахам, враги шли к ней! Волчица поняла: ей надо быстро спасти детей! Охотник застал её врасплох.

Она схватила первого попавшегося, ближнего к ней детёныша, у которого с рождения одно ухо было белым, за загривок и побежала с ним в сторону запасного логова. Добежав до ручья, Волчица решила: надо оставить его здесь, иначе она не успеет унести из опасного места остальных детей. Волчица спрятала белоухого волчонка внутрь смородинового куста и вернулась к логову.

Она опоздала. Глядя из-за укрытия она увидела страшную картину.

То, что увидела Волчица, осталось в ее памяти на всю оставшуюся короткую жизнь.

Собака находила в траве и под деревьями спрятавшихся волчат и по очереди, одного за другим прокусывала им спинки. Хватала пастью поперек тельца и сжимала челюсти. Косточки у волчат, рожденных и вскормленных ею, хрустели. Детки её коротко жалобно взвизгивали и умолкали. Собака умертвила всех. Волчата лежали на траве безжизненные, неподвижные.

Она смотрела на собаку, на это смертельно ненавидимое существо. Её следовало разорвать, надо было распороть ей брюхо. Изгрызть её морду..

Но совсем рядом стоял, а потом подошел к собаке Охотник, держа в руке наизготовку железную палку. Он снял с плеча мешок и, переходя от одного лежащего в траве волчонка к другому, поднимал и складывал в него её детенышей. Волчица не могла напасть на человека — он бы убил её из своей страшной палки. Тогда погиб бы последний оставшийся в живых детёныш.

Из глаз Волчицы вытекали слезы: она только что потеряла своих детей. Неслышно, ползком, она развернулась и, пригибаясь, добралась до места за деревьями, где можно было подняться на лапы, и стремглав добежала до ручья, до того места, где был спрятан её последний сыночек, единственный, оставшийся в живых.

Волчица снова мягко прикусила шерстку на его загривке и понесла через ручей.

Волчи повадки сродни человеческим, когда волк уходит от погони. Она довольно долго брела по дну ручья вверх по течению. Она знала: если просто пересечь ручей, то собака быстро отыщет её след на другой стороне ручья. Поэтому она вышла на противоположный берег не сразу, а за двумя излучинами. Вышла и направилась к запасному логову.

Там лежала она в норе под толстым комлем старой, давно упавшей ели и, вылизывая шерсточку оставшегося в живых детеныша, чуткими ушами слышала, как на другой стороне текущего в дальней низине ручья шуршала в траве и фыркала бесполезно ищущая её собака и как омерзительными, булькающими звуками, приглушенно что-то ей приказывал смертельный враг всех волков — Охотник.

Проклёвывались над горизонтом очередные рассветы, и затем полыхали кроваво-красными и розовыми пожарами над утренней землёй. Медленно выползал из-за черты горизонта большой пылающий шар, разносил вокруг тепло, согревал остывшую за ночь землю и деревню, пробуждал спящих в ней людей. Дни сменялись днями.

А белоухий детёныш волчицы подрастал и скоро уже крепко стоял на лапах. Мать-волчица начала кормить его свежим мясом. Для него она выследила и убила почти всех зайцев в округе, разорила многие утиные гнезда на соседнем озере, что просвечивало своей тускловатой водой сквозь лапинья елок и сосен, растущих вокруг логова. Приносила в пасти целые яйца, осторожно держа их на мягком языке, аккуратно клала их на

землю перед мордочкой сыночка. Тот бережно захватывал маленькой пастью яйцо, запрокидывал голову и, шурясь от удовольствия, прижимал яйцо языком к нёбу. Скорлупа трескалась, и нежная, пахучая мякоть заполняла рот...

Сытый волчонок носился по утрамбованному матерью песку, азартно взлаивал, догонял свой хвост, воевал с хвостом матери — дергал его и кусал. Мать терпела.

Волчонок подрастал. А Волчица страдала от того, что с ним не играют погибшие её дети...

Однажды мать ласково вылизала его шерстку, подняла зубами за загривок и уложила в нору под комель дерева. Своей мордой как бы слегка утрамбовала его там и сказала:

— Лежи здесь тихо и жди меня.

И белоухий волчонок лежал в этом укрытии, лежал долго...

Волчица пошла в сторону деревни. Она не могла туда не пойти — там жила эта мерзкая человеческая служанка, собака, погубившая её детенышей. Волчица была обязана ее загрызть. Таков старый закон волков: враг должен быть убит, иначе он придет снова и убьет тебя самого.

Перед деревней она, прячась в кустарнике опушек, в лесных выступах, обошла деревню стороной, вышла на околицу так, чтобы ветер задувал от домов к ней. Она легла на пригорок прямо перед жилищами людей в прилесном кустарнике, в невысокой траве. Положив голову на лежащий поперек толстый сук и прижавшись всем телом к земле, как всегда в момент охоты, — слилась с лесом. Волчица всматривалась в деревенские дома, ловила плывущие к ней запахи, была невидимой и неслышимой для всех, кто обитал в них, кто проходил по улицам и проулкам.

Она вышла на охоту.

Не на человека она охотилась сегодня. Волчица знала: ей никогда и ни за что не победить его. Этот противник умнее, хитрее и опаснее всех волчьих врагов. Кроме того, ей нельзя быть побежденной, потому что в лесу её ждет детеныш, который погибнет без неё. Она была оскорблена вероломством и наглостью этой людской рабыни — собаки, предательницы волчьего племени, живущей здесь, в этих человеческих жилищах. Её и надо было отыскать сегодня и растерзать.

Лежала Волчица долго. И выследила, в каких домах скрываются собаки. У всех собак разные голоса, разный лай. Волчица хорошо в этом разбиралась, потому что волки сами умеют не только выть, но и лаять, и у каждого тоже различаются голоса. В лесу, на огромных его просторах обитали многие волчьи стаи, но для неё не было секретом, где какой живет волк, самец или самка, друг или враг. Достаточно было поси-

деть в тишине у логова и послушать лес. Вот и сейчас без большого труда она определила, в каких домах живут собаки, кобели они или суки, и где собака молодая, а где старая.

Но все они не нужны были сейчас Волчице. Ей требовался лишь один тот старый кобель, который приходил в её логово вместе со своим хозяином. То, что это был кобель — в этом у неё не было сомнения: собачьи кобели и суки, как и волчьи, пахнут по особенному, их нельзя спутать. Тот кобель оставил свой острый паховой запах около её жилища. Он запомнился ей, хорошо запомнился! Но пока встречные порывы легкого ветра, гонимые из деревни, не приносили нужного запаха. Волчица лежала и волновалась, ей смертельно было необходимо перегрызть горло ненавистному врагу.

Солнце уже спряталось за деревьями, густой стеной опоясавшими дома с закатной стороны. Там, куда оно ушло, во всю небесную ширь растеклась по небесам красно-желтая и сиреневая краска, схожая с полыханием лесного пожара. Волчица всегда побаивалась такого неба. Ей казалось, что огненный шар, уткнувшийся в лес, зажег деревья, и огонь придет к ней, к её логову, погубит её саму и детей.

Но в этот момент она не думала об огне. Ей нужен был только тот старый кобель. Мысли о нем подавляли всё остальное. Волчица его выжидала.

Лаяли в деревне собаки. Вполне умиротворенно переговаривались люди. Посвистывал в проулках вечерний ветерок. Над деревней висел легкий гул неспешной жизни. Всё потихоньку умолкало. Волчица знала: так всегда бывает, когда люди уходят спать.

Наконец деревня окончательно уснула, и она уже стала терять надежду. И тут справа от Волчицы в крайних деревенских домах хлопнула какая-то дверь и послышался дробный топот по настилу крыльца и по ступенькам выбегающей на улицу собаки. И сразу же — звонкий лай. Выскочившая из дома на улицу собака всегда громко лает. Она дает всем знать: это я появилась! Собственной персоной! Всех попрошу помалкивать! Таковы нравы у этих собачьих коротышек.

Было понятно, что собака долго, целый вечер сидела в доме взаперти и тут вырвалась на свободу в неурочный ночной час.

Волчица сразу узнала голос того кобеля, причинившего ей столько горя. И запах! Ветерок принес и тот самый кобелиный дух, который она запомнила как самый омерзительный запах, встречавшийся ей в жизни. Она не смогла бы перепутать его ни с каким другим.

Она поднялась и пошла. Крадучись, протянулась вдоль деревни, по опушкам, по маленьким балкам, через неширо-

кие ручьи, укрываясь среди кустарников и тонких осин. Поднялась на ноги напротив крайних домов, из которых только что доносился лай того кобеля. Стоял вполне просвеченный вечер середины лета, но собаки около домов не было видно. Обзору мешал забор, изготовленный из жердей, воткнутых в землю, расположенный над землей наискосок. Его надо было преодолеть. Волчица нашла проем между жердями и не без труда проползла на другую сторону забора. Опять прикинула к земле, опять слилась с травой и серым бурьяном, замерла и, потихоньку двигая головой, огляделась.

Как раз в это время из среднего дома, что стоял напротив, донесся грубый шорох. Ей стало понятно, откуда он идет — из черной горловины лаза, идущего под дом. Оттуда показалась голова крупной собаки. Волчица узнала её сразу! Это был тот самый кобель, который расправился с её щенятами. Она знала, что делать.

Волчица, распластанная на земле среди дворовой травы, была невидима для него. Глядя прямо на кобеля, она лежала и ждала удобной секунды, чтобы напасть. А тот, ничего не подозревая, начал подпрыгивать, потягиваться, разминая кости и мышцы после долгой отлёжки рядом с диваном хозяина. Он огляделся вокруг, чтобы кого-нибудь увидеть и полаять на него, чтобы в очередной раз хозяин убедился, что пёс верен ему и готов всегда служить верой и правдой.

Кобель глядел вокруг, но никого не было рядом... И вот глаза его встретились с глазами Волчицы. Волчица внимательно смотрела на него холодным взглядом убийцы, разглядывающего свою жертву перед тем, как её казнить.

Залаять Иртыш не успел. Волчица сделала только два прыжка, на которые затратила не больше двух секунд. Единственно, что успел кобель сделать — нырнуть под дом в обычный свой лаз, но Волчица схватила его за заднюю лапу, выдернула в мгновение ока из-под стены и выбросила наружу. Тут же она схватила кобеля поперек морды, развернула его тело лапами вверх и вцепилась в горло. Ей хватило нескольких мгновений, чтобы вырвать гортань своего смертельного врага...

Потом Волчица схватила уже мертвую собаку за ухо и подтащила к крыльцу. Оставляя на ступеньках густые кровавые полосы, проволокла наверх, положила собачий труп на верхнюю площадку, перед самой дверью.

Когда она уже ночью вернулась к логову, её белоухий волчонок встретил ее с радостным визгом, бросился к ней ласкаться. Затем припал к соскам...

В эту ночь Волчица в первый раз за много дней крепко уснула.

Иван Печурин просыпался рано. Привычка эта с самого детства. Батяка его, покойный Федот Михалыч так учил сына: «Раньше глаза потрёшь — больше сделаешь!»

Так оно и есть! Вот сегодня надо сетки браконьерские потрясти, а это означает, что на дорке надо на три километра вдоль берега скатать. Там, в укромном местечке, между двух каменистых бакланов сетки заныканы. Три промёта. Сети натодельны — «тридцатки», «сороковки», да «шестидесятки» — все проверенные, как говорится, в боях, все уловистые, крепкие, «морские». И выставлены как надо: на глубинках, в лудистых проливинах. Уловистое место! Два дня уж как заметаны сетки. Надо ехать прямо с утра, а то, не дай-то Бог, капшаки — эти маленькие бандиты-креветки — налетят тучей и попортят всю рыбу. Если сеть с пойманной семгой сутки пробудет в воде не проверенная — считай, не увидишь эту семужку, один скелет и поймаешь.

Да ещё рюжа стоит на навагу напротив дома, потрясти надо, рыбку вынуть. Водорослей наверняка набило немало, вытрясти их из кута следует. После шторма нанесло...

Доски опять же на повети лежат, для замены крыши на амбаре приготовлены. Обстругать тоже надо, боковинки снять, чтобы народ на смех хозяина не поднял...

Многодельно всё, а рук не хватает. Так и идет день за днем...

Он поднялся на кровати, сел на краешек, глянул в окошки. Там «шерстил», разбрасывал синюю рябь упругий ветер — «побережник», как всегда шустрый, но дельный, рыбный ветерок.

Жена Антонида тоже запросьпалась, заворочалась, сбросила с груди одеяло. Спросила:

— Чего, Ваня, вставать будешь, али как?

— Угу.

— А чево ты в таку рань? Спал бы ишшо да спал.

— Нельзя мне, делов много...

Сходил в уборную, сполоснул физиономию, положил ломтиками в рот и вяло сжевал парочку вчерашних недоеденных за ужином жареных сижков, хлебнул холодного, тоже вчерашнего чайку, накинул на плечи брезентовую, до крайности замызанную, но всё же любимую и удобную куртку. И наконец вышел на крыльцо.

Увиденное его поразило.

Потрясенный, растерянный, он не смог стоять на ногах. Ноги его подкосились, ладони поползли вдоль стены, и Иван тяжело плюхнулся на крылечную ступеньку. Его Иртыш, донельзя изувеченный, а теперь вот просто дохлый пёс с вывалившимся наружу языком, с растрепанной, всклокочен-

ной шерстью лежал перед ним. Иван, ошеломлённый, плохо чего соображая, глядел в пустоту. Постепенно к нему стала возвращаться невероятной тяжелой реальность.

«Кто это сделал? Зачем?»

В голову не приходило ничего путного. Тупо глядя перед собой, он стал звать жену. От потрясения громкость в голосе появилась не сразу, и жена какое-то время его не слышала.

— Тоня-яя! Тонюшка-а-а!

— Чево ты там, чево? — наконец отозвалась она, видно уже на повети.

— Подь-ко сюды, подь-ко.

И вот всю деревню просквозил резкий истошный женский крик. Антонида стояла у распахнутой входной двери и кричала, что есть моченьки.

Иван с трудом поднялся на скрюченных ногах и кое-как завел жену в дом.

— Давай-ко, не удивляй людей, — сказал он ей.

Они сидели рядышком на кухонной деревянной лавке, уже немного остепенённые, отдышавшиеся, и размышляли:

— Кака-така сволота собаку нашу затряхнула? Вроде не вредил он народу особо... — ломал голову Печурин. — Не кусал народ за ноги.

И еще его брало сомнение:

— Не собаки ли его так покусали, што помер он? Можа, поперек где стал? Кобелино дело тако... Вишь, горло вырвано...

Но Аполинарья, жена его, думала-думала и придумала:

— Ну-ко, Ванья, давай-ко с другой стороны на дело ето поглядим.

— С какой такой?

Она нахмурила лоб, отчего во всю ширину его обозначились толстые складки, поглядела на мужа задумчиво:

— Ты волчонков-то сдавал недавно, где ты их взял?

— Как ето где? В лесу, на логови.

— Да, мамашка-та у их была, аль нет? Как думаешь? Ты ведь с Иртышом и ходил на логово на то.

Иван понял, к чему клонит жена, но ему страсть как не хотелось развивать разговор в этом направлении. Всё же спросил:

— Думаешь, она?

Антонида ответила решительно, как о само собой разумеющемся:

— А кто ише? Она и есь — волчица!

Глаза ее стали жесткими и злыми:

— Я бы и сама, ежели кто моих деточек обидел бы... Она приходила, мамашка, Иртыша и наказала... Отомстила...

Это был совершенно новый поворот дела. Новый и очевидно, что верный, суровый и беспощадный. Который, скорее всего, будет иметь продолжение. Осознавать это ни Ивану, ни Антониде не хотелось...

— Во как! — оглушенно и тихо проговорил Печурин.

А жена его сидела на краешке лавки, и было заметно, что колени ее, обнятые цветастым сарафаном, мелко вздрагивали.

— Хорошо, в дом не забралась окаянная. Нас бы с тобой тоже затряхнула. У ей станичче.

— Эт мы бы ишшо глянули, у мня вон дробовка в коридорчике висит, — огрызнулся Иван, впрочем для порядка: хозяин всё же, встретил бы, как положено.

— Стре-етил бы! Пока за пукалкой своей бежал, она бы у тебя все места пооткусывала. И меня бы хватанула за загривок, заразина.

Иван бросил бесполезное дело — ругань с женой. Взял лопату и пошел на морской берег копать яму. Надо похоронить верного кобеля.

Потом, когда закапывал Иртыша, всё думал: «Надо бы прикончить мамашу, а то ведь не отвяжется она, в лес теперь не зайдешь...»

Лето шло к закату. Стало больше холодных утренников, когда лесная сырость с самой рани лежала между деревьями нетронутая и лишь к полудню растворялась в прозрачности воздуха.

В лесу рдел август. Месяц лесных урожаев. Днями лес звенел от криков грибников и ягодников, перекликающихся друг с другом, от трубных звуков журавлей и гусей, жирующих перед перелётом в теплые места на просторах болот и полей, от выстрелов охотников, справляющих свою страсть среди глухариных, тетеревиных и рябчиковых выводовков.

Волчье логово было в стороне от этого шума, но все же громкие звуки изрядно тревожили Волчицу. Она не любила, когда в лесу похаживает много людей. Это были враждебные звуки для неё и для сына-волчонка, как и для всех других волков.

Её сыночек с белым ухом подрастал, и его надо было готовить для взрослой, самостоятельной жизни. А сейчас, четырехмесячный, он уже без прежнего волнения переносил иногда долгое отсутствие матери, ушедшей в лес за добычей. Маленький волчонок вскоре и сам испытал новые интересные ощущения, которые говорили о его взрослении. Ему самому стала нравиться охота.

Однажды поймал мышь, случайно пробежавшую мимо. Он стиснул её зубами, прикусил тело, и вдруг осознал, что у него

в пасти оказалось мясо. Он разжевал это мясо, похрустел мышинными косточками и проглотил. Мясо оказалось вкусным, и ему это понравилось. Оказалось, что вовсе не обязательно дожидаться матери, чтобы съесть то, что она приносит ему с охоты. Можно и самому добывать себе еду.

Он начал самостоятельно ловить мышей, которые обитали вокруг логова. Сначала просто гонялся за теми, которые изредка бегали в непосредственной близости. Почти никогда не догонял, мышки быстренько убегали и прятались в маленьких норках. Он злился, по-детски рычал, пытался лапами раскапывать норы. Но не поймал ни одной.

Чуть позднее волчонок сообразил, что мышей лучше всего искать в корнях кустарников — там они живут, там и прячутся. Он принялся подкапывать кусты ольхи и малины, растущие вокруг логова. Копал под кустом, докапывался до корней и высматривал, откуда начнут выскакивать маленькие, вкусные зверьки.

Когда они выпрыгивали из боковых норок и убегали, белоухий волчонок научился их догонять и мгновенно съедал. Мать приходила и приносила еду, но сынок её был теперь не особенно-то и голоден. Теперь он сам добывал себе пищу.

Мать-волчица осознала, что её детёныш почти уже готов для натаски на серьёзную дичь, и стала брать его на охоту, если та была недалеко от логова и вполне легкая.

Было у неё два местечка, где она заметила спрятавшихся зайчат. Не съела их сразу, а заметила для натаски своего сына на такую дичь. То, что они не уйдут далеко от своих укрытий, она хорошо знала: зайчата прячутся всегда в тех местах, где их оставила мать. Поэтому зайчата сидят в траве крепко и всего боятся, пока не вырастут. И эти заячьи дети, которых обнаружила Волчица, всего лишь дети, им еще рано покидать свои укрытия. Она придет к ним со своим сыном, когда это ей будет нужно...

Она привела белоухого к одному из зайчат, спрятавшемуся в густых зарослях метляка у подножия небольшого пригорка. То, что зайчонок до сих пор сидит там, Волчица определила сразу, разглядев его торчащие ушки среди невысокой травы.

Сейчас она показала сыну, что впереди находится дичь. Для этого стала подходить к зайчишке осторожно, показав, что подкрадывается к кому-то, сделала потяжку. Потом пошла крадучись, на полусогнутых лапах. Шла и поглядывала на сына, побуждая его делать то же самое. Волчонок её понял и тоже начал неумело, но старательно красться, шагая следом за ней. Шагов за десять до зайчонка Волчица легла на

траву. Сын её тоже залег и, волнуясь, повторял движения матери. Потом Волчица осторожно подошла к сыночку и своей мордой слегка прижала его к земле, как бы побуждая лежать на месте и не двигаться. Опять же крадучись, мать обошла зайчонка стороной, и когда между ним и её сыном образовалась прямая линия, поднялась на четыре лапы и открыто пошла на маленького зайца.

Тот какое-то время боялся убежать со своей привычной лежки, хотя уже воочию видел приближающуюся страшную опасность. Зайчат очень трудно выгнать из укрытия: любое заметное движение может быть смертельным для них. Но волк был совсем близко, и зайчонок не выдержал и бросился от него наутёк, запрыгал на тоненьких своих, слабеньких ножках. И побежал прямо на волчонка с белым ухом, побежал от огромной и страшной Волчицы.

Та, конечно, в два прыжка догнала бы маленького зайчишку, если бы неправильно среагировал её сын, или промахнулся бы, или же не сообразил, что следует делать в таких случаях. Но волчий сынок всё правильно сделал. В своём совсем ещё малом возрасте он был уже настоящим представителем волчьей породы. Он преградил дорогу зайчонку и всей мощью маленького тельца прыгнул на него и сбил с ног. У зайчонка тоже были зубы, причем острые. И были лапы, тоже сильные. К тому же и белоухий волчонок был не намного крупнее этого маленького зайца, но он был волчьей, хищной породы, и он победил. Волчий сынок схватил соперника за шею и всей силой маленьких челюстей сдавил её. Он прокусил заячью шею и, кашляя попадающей в пасть кровью, сжимал челюсти все крепче и крепче. Зайчонок затих. Белоухий сын Азатца и Волчицы стоял над ним, оскалив зубки в яростном азарте схватки, порывисто и шумно дышал.

Мать подошла и, продолжая волчью натаску, сделала движение к убитому зайчонке, как бы намереваясь отнять у сына добычу. Тот в азарте злобно зарычал на мать и прыгнул в её сторону с оскаленными зубками. Волчица отступила и покорно опустила голову. Она показала сыну, что он прав и что ему надо будет всегда уметь защищаться и никому не отдавать пойманную добычу.

Мать была довольна своим уроком, довольна и сыном, успешно сдавшим первый экзамен на право быть полноценным волком. Она убедилась, что из волчонка с белым ухом вырастает исправный волк.

Дни бежали за днями, а Иван Печурин, опытный рыбак и охотник, не мог никак придумать, как же ему справиться с проклятой волчицей? Как добыть её?

Время от времени то из одной, то из другой деревни приходили слухи: там волками загрызена овца, там — теленок. Была ли это та самая его знакомка или же нет — определить было трудно. А, значит, устраивать в тех местах облавную охоту было и трудоёмко и бесполезно. Ему нужна была только она — его волчица. Очень уж хотелось Ивану отомстить за загрызенного ею верного и надёжного кобеля Иртыша. Это был вопрос его охотничьей чести.

Печурин давно уже, с самого, считай, детства, изучил и использовал на практике различные приёмы добычи волков

Издrevле люди придумали несколько способов. Самый простой — выследить зверя на тропе, по которой тот выходит на охоту. Эти пути всегда одни и те же. Охотник просто устраивает засаду около тропы и ждёт.

Второй способ — «с подхода». Охотник подкрадывается к волку, которого увидел в лесу или на поле.

Третий способ — охота на приваде. В местах, где водятся волки, кладется мясо (часть туши подохшей коровы или лошади). Промысловики прячутся поодаль и ждут подхода волков.

Способ четвертый — охота с флажками. Место волчьей лёжки обносится шнуром с закрепленными на нём красными флажками, через которые серые хищники боятся перепрыгнуть...

Пятый способ — облава. Загонщики идут и гонят спрятавшихся в лесу волков на «номера» — выставленных в ряд стрелков.

Шестой способ — отравленное мясо, седьмой — охота с самолетов и вертолетов.

Иван перебрал все эти варианты и понял: ни один способ не подходит. Ни самолетов, ни вертолетов у него не имеется, все остальные не гарантируют встречу именно с той волчицей. Другие волки ему были не нужны.

Однако была еще охота с капканами, очень тщательная, умная, и не каждому она под силу, но если всё правильно сделать, то и результативная. К его досаде, не было у него подходящего для волков шестого капканьего номера. Те, что оставались в хозяйстве, все мелкие — на куницу да на ондатру, скобы у них слабые. Они не удержат мощного, сильного зверя. И ни у кого в деревне такого скорее всего нет. Надо ехать в Архангельск, прошерстить там охотничьи магазины и охотхозяйства. Но у него пока что не было на это времени.

Иван одно время предпочитал отраву. Разбрасывал за деревней на волчьих подходах отравленные куски мяса. Затем с собакой искал забившихся в лесные дебри дохлых волков. Но получил страшную ругань односельчан. От отравленного

мяса сдохли почти все деревенские собаки. Они ведь тоже любил свежее мясо... А хороший промысловик Пашка Маревьянин, у которого от этого погибла самолучшая лайка Норка, чуть не убил его. Пришел к нему домой и стал махать громадными кулачищами. Крепко повредил Ивану физиономию.

С тех пор Печурин забросил всякие там «яды» и зауважал охоту на приваде. Волк всегда к ней приходит. Надо только поймать этот момент. Он убил уже четверых...

Теперь таким же образом он пытался добыть и ту волчицу. В местах, где она обитает, — а Иван знал эти места — он устраивал засидки. Вел там себя всегда крайне осторожно. Но хитрая Волчица не появлялась

Он слышал её, когда сидел и ждал. Сквозь лесные шумы различал её подходы, плавные, осторожные. Доносились до него еле слышимые посвисты втягиваемого носом воздуха — Волчица изучала обстановку. Тихий звук её мягких лап, едва различимо шуршащий в траве, долетал к нему с разных сторон. Но она никогда не подходила к приваде, всегда уходила и вновь растворялась в лесу. Что-то не нравилось ей.

В лесной глуши, в логове, укрытом под стволом упавшей старой толстой ели, вместе с единственным своим волчонком прячется от людей матерая Волчица. Здесь нет её погибшего от людей Самца и нет с нею загрызенных собакой детей. Без них Волчице плохо.

По ночам, когда прижавшись к ней, посапывает её единственный детёныш, она долго не может уснуть. Перед закрытыми глазами ее многократно и многоцветно появляется умильная морда нежно любящего самца её — Волка. Он нежно вылизывает ей лапы, щёки её, лоб... Мелькают перед ней её деточки, шустрые и ловкие, которые должны были стать волками, но не стали...

Всё возвращаются ей в память страшные картины, когда собака перегрызает спинки её детей. В эти минуты из глаз Волчицы текут слёзы. Она не понимает причины этой немилосердной, древней вражды человека к волкам. Волчица прекрасно знает, что ненавистное отношение волков к людям основано только на их непонятном, постоянном стремлении уничтожить её соплеменников. Встреча любого волка с человеком, у которого в руках имеется палка, означает смерть для волка. Эта давняя война привела к почти поголовной гибели всех волков, которых она знала.

Очень беспокоит её то, что тот охотник, который пришел тогда к её семье с собакой, погубившей волчат, опять подби-

рается к ней и к её детёнышу. То и дело она обнаруживает в округе его следы. Этот запах она теперь хорошо знает... Отвратительный, пахнущий смертью...

В лесу, недалеко от логова, ей встретился аромат лошадиного мяса. Она не пошла к нему сразу, потому что понимала: это может быть очередной человеческой уловкой. Уже много раз в своей жизни встречала она опасные человеческие хитрости. Волчица сделала длинный круг вокруг источника запаха и в самом деле обнаружила входной человеческий след в этот круг. Запах был тот самый! Если бы она подошла к приманке, Охотник бы убил её.

Ей захотелось убежать от этого опасного места, но любопытство взяло верх над осторожностью. Ей сильно захотелось посмотреть, как он выглядит, её враг? Насколько он силен и опасен вблизи? Как он пахнет, когда совсем рядом?..

И Волчица пошла по следам к нему, к человеку, вооруженному смертоносной железной палкой.

Она нашла его по приближающемуся душному запаху, источнику тошнотворной, омерзительной вони, исходящей от потной человеческой плоти. Как же ненавистен для неё был этот дух, много раз ловимый в лесу её чутким носом! Именно такой запах оставил человек, пришедший к её логову с собакой. Это был он.

Человек сидел на бугорке, спрятавшись со стороны мясной приманки, но совершенно открытый для Волчицы, подкравшейся сзади. Он сидел очень тихо, незаметно для постороннего глаза. Железная палка лежала у него на коленях.

Он ждал её! Волчица это знала. Человек пришел отомстить за свою собаку, которую она убила. Он пришел за ней!

Волчица лежала в траве и глядела на человеческий загривок. Он был голый сейчас, ничем от неё не защищенный, покрытый лишь редкими черными волосами, которые колыхал лёгкий ветерок. Волчице понадобились бы лишь три прыжка, чтобы вцепиться зубами в эту шею, в эту плоть, наполненную кровью. Ей бы ничего не стоило мгновенно изорвать её клыками и убить человеческое существо, принесшее ей столько горя.

Волчица с трудом сдержалась, чтобы не прыгнуть. Её остановил лишь страх за своего белоухого волчонка. Человек может неожиданно оглянуться назад и убить её из железной палки. И тогда сынок её тоже погибнет без матери.

И Волчица ушла.

В город за капканами шестого номера Ивану Печурину всё некогда было съездить. То сёмужья путина, то горбуша

шла, то сенца надо было заготовить на зиму домашней козе Берёзке. Лето — всегда многодельный сезон.

Сейчас стоит сентябрь. Лето с его хлопотами запроходило, и обрушились на Ивана заботы заготовительные. Как ни крути, а грибки-ягодки в кадушках-палагушках должны быть припасены. На всё на это уходило время, и поездка в город всё оттягивалась. Жена Антонида понимала это и временно ворчанья свои прекратила.

Но тут на семью свалилась новая напасть, которая сломала все графики, и жизнь поневоле побежала по новому, неожиданному направлению.

Козу Берёзку задрал волк.

Бедная, чрезвычайно мирная, сугубо домашняя эта животинка, исправно снабжавшая маленькое семейство свежим молочком, тихонько паслась на длинной привязи недалеко от дома, в полях. Там место людное, на виду у всех, и ни у Ивана, ни у Антониды не было даже мысли, что на козочку может свалиться такая беда. Всего четыре дня назад ей поменяли место выпаса, и Берёзка радостно и вольготно осваивала новую территорию, где был хороший травостой. Коза днями выхаживала, привязанная за веревку к колышку и бодро бляла. У Берёзки было хорошее настроение.

И вдруг посреди белого дня из леса выскочил волк, перегрыз козочке горло и потащил в лес. Проходившие невдалеке две женщины замахали руками, истошно испуганно загалдели и разбежались по сторонам. Крупного волка не останвила даже привязанная к колу веревка. Он без труда вырвал кол из земли и утащил Берёзку в лес вместе с колом и верёвкой.

Правда, волочащийся по земле кол запутался в кустах ивняка и крепко застрял в них. Волку пришлось бросить козью тушку прямо у этих кустов. Там её и нашёл Иван.

Посидел он над своей козой и понял: она это! Опять она — Волчица! Почуяла, наверно, около козы его запах. Вот и пришла.

Надо решать её скорее, наделает еще беды, — так решил он.

И дома — тоже концерт. Антонида ревела белугой и топала ногами. Кричала Ивану, что он во всем виноват, что если бы «не жевал соплей, то давно бы угрохал эту суку!» Она почему-то сразу же решила, что именно «та маманька — Волчица» режет их с Иваном скотину в отместку за своих зверёнышей:

— Мамка она, дак мамка и есь! Вот и грызёт в ответку.

А по ночам начала прямо-таки приплакивать:

— Убей ты, Ванька, гадюку ету! Сожрёт ведь нас с тобой! Знамо дело...

Иван и сам понимал: в лес теперь не сунешься, прикокнет! Ни грибины, ни ягодины не собрать... Засобирался в город, в Архангельскую заготконтору. Вызнал, что капканы там имеются, какие надо.

Сентябрь для волка — время сытное. Под каждым кустом можно найти пищу. После весенне-летней благодати развелось в лесу всяческой живности. Молодые утки-несмышлениши, птичья молодежь глухарей, тетеревов, рябчиков, подрастающие кулички... Везде можно без труда подкормиться. Волчье племя разгуливает по лесам и полям с набитой сытью, с лоснящейся шкурой. В эту пору вчерашние птенцы, только-только встав на крыло, почуввав свободу, легкость и азарт первых полетов, начинают с восторгом осознавать, что они теперь самостоятельны, и бесшабашно носятся между кустов и деревьев. Они надеются, что в момент опасности их окрепшие крылья легко унесут их от любой беды или угрозы.

Наша Волчица и не ищет их. Она просто трусцой пробегает по лесу и ловит носом запахи. Она распознаёт их множество на больших расстояниях. Останавливается и поднимает вверх морду. Что-то почуяла. Втягивает в ноздри воздух, замирает... Она словно отчетливо видит, что в полукилометре от неё бродит по земле и шаркает по ветвям, по траве пахучими молодыми крыльями тетеревиный выводок, народившийся этой весной и уже подросший. И оставляет за собой запах, чрезвычайно нежный аромат свежего молодого мяса... И запах этот летит к ней...

Дальше всё очень просто. Волчица также трусцой бежит на этот зовущий молодой аромат. Когда становится понятно, что молодые тетерева уже совсем близко, она ложится на землю и начинает подкрадываться. Осторожно поднимает из травы свою морду и выбирает того, который поближе. Она подкрадывается из-за куста или другого укрытия, из-за того, что ближе и надежнее... Секунду готовится к прыжку... У молодого тетерева совсем нет шансов на спасение.

Белоухий сын Волчицы всё вырослел и очень стремился пойти с матерью на очередную охоту. Но Волчица не брала его с собой. У сына были пока что слабые ножки, чтобы бегать по лесным чащобам и преодолевать огромные расстояния, которые пробегала за охотничий день она, его мать.

И волчонок иногда сутками сидел в логове один-одинёшенек, охотился на птичек и мышей, разглядывал небо и лес. Он набирался сил. Это были его последние дни спокойной и размеренной жизни вдвоем с матерью — Волчицей.

Иван выбирал капкан на складе заготконторы. Заведующая складом, давняя приятельница Печурина Нинель Шорникова, грубая и властная тётка, привыкшая иметь дело с далеко не интеллигентной публикой — охотниками, разговаривала с ним в своей манере:

— Ты, Ванька, будто лифчик жёнке своей подбираешь. Всё тебе не то, да не это. Надёжны капканы, тебе говорю. А не веришь, дак сунь пальчик-то свой, сунь, проверь, как оно работает. Или чего другое запихай. Сможь, аль нет вытащить-то?

Нинель щурилась и широко улыбалась, довольная своей шуткой. Демонстрировала крупные, неровные, тронутые желтизной зубы. Иван понимал: это у неё от курева. И рад был поддержать старую знакомку в разухабистой трепотне:

— Чего-друго Тоне моей ешшо понадобится. А можа и нам с тобой когда-никогда, Нинушка, всяко ведь бывает...

Иван хохотнул и маленько ущипнул Нинель на жирный бочок.

Он брал один за другим с полок капканы, трогал пружины, поглаживал скобы, интересовался:

— Нина, а с зубчиками имеются у тебя? А то вдруг не удержит?

Нинель хихикнула и глянула на Ивана не как на известного на всю область промысловика, а будто на малоохольного начинающего придурка.

— С зубчатой поверхностью скоб или, как ты говоришь, с зубчиками, имеются. Только на медведя они. Ты, Ваня чего, на его пойдешь? Токо у тебя кишка тонка ишшо. Он тебя капканом этим, с зубчиками, по мордам-то и настучит.

И опять хохотнула. Шутит она так, складская душа.

— Вот, бери седьмой номер, в самый раз для волка. Лаврентий Васильевич прошлый раз брал. Поймал две штуки. Грит, хорошо сработал капкан. Аж медаль получил «За трудовую доблесть». За их и заработал, за волков.

— Лаврентий бывалый мужик, а я первый раз капканами...

Иван взял пять штук. И Нинель, старая знакомка, его приободрила:

— Да не робей ты, Ванька! А поймашь, дак пол-литры носи! Посидим, да посудачим...

И она улыбнулась Ивану Печурину добродушно и заманчиво, будто звала его в свои тайные складские тенеты, теплые, сокровенные уголки, скрытые от любопытных глаз. Хорошо улыбнулась...

Весь конец сентября и начало октября Иван искал место, куда бы поставить капканы. Он примерно знал уже, где обитает Волчица, — в темном лесном углу Северьяновой Пале-

нины, рядышком с Оксеньиным ручьем, где нет тропинок, куда почти не заходят люди.

Но это было всё, что Иван мог предполагать о нахождении Волчицы. Где выставлять капканы в таких условиях? Требовалось понимание, где лежат её тропы, где она ходит. Необходим был снег, первая пороша, когда все следы новые, когда можно читать карту следов свободно и точно.

Вовсю шагал по земле октябрь, но снега всё не было. И только к десятым числам начались первые утренние морозцы, схватившие ледяной коркой лесные лужицы. Но не трогали они пока поверхность речек и ручьев. Впрочем, и первый ледок всегда к полудню растворялся во всеобщей осенней размытости леса.

Первый снег выпал как раз на Покров, четырнадцатого октября. Облепил ватными хлопьями деревья, ровными белоснежными покрывалами укрыл всю землю во всю её ширь.

Для Ивана Печурина это был праздник! С раннего утра он подготовился к выходу в лес. Рюкзак с легкой провизией был заготовлен загодя. Знал он, что вот-вот природа подарит снег.

Рюкзак в охапку, ружье — с гвоздя, патронтаж — на пояс. Патроны в нём подобраны тоже загодя. Мелкая дробь на птицу, картечь на волка и, ежели мишка на дороге встанет, и для него — пожалуйста, пара круглых пуль припасена.

Кое-как рассветало, лес окрашивался в розовый цвет восходящего на востоке солнца. На всей белоснежной скатерти только что выпавшего снега постепенно вырисовывались следы птиц и зверья, гулявшего в лесу в ночное и утреннее время.

Первая пороша в лесной чащобе — это удивительная, увлекательнейшая книга для любого охотника. Иван всегда читал её упоенно, с великим наслаждением. Тут прыгала и лузгала сосновые шишки белка, здесь заяц петляет перед уходом на дневную спячку, там прошел степенным шагом крупный лось...

Волчьих следов нигде не было. Но тут, вблизи от деревни, он и не ожидал их увидеть. Иван шагал в сторону Северьяновой Паленины — там было место обитания Волчицы.

Печурин зашел к Паленине со стороны дующего в лицо ветра, и дальше пошел в этом направлении, внимательно разглядывая снежную скатерть, раскинувшуюся вокруг.

След Волчицы появился в самом центре Паленины. Она гигантскими махами гналась за лисицей. Иван не стал проверять, догнала ли её Волчица. Он просто развернулся и ушел домой. Дальше нельзя было шагать и оставлять свои запахи. Волчица не должна знать, что он был здесь.

То, что это был след именно той самой Волчицы, Печурин не сомневался: первоначальное логово, где Иртыш загрыз волчат, находилось отсюда не так уж далеко. У волков всегда запасное укрытие находится довольно близко от первого. Это для того, чтобы можно было быстрее перепрыгнуть волчат в случае опасности. Следы других волков здесь тоже исключены: Волчица безжалостно прогоняет всех, кто может повредить её детёнышам.

Он вернулся домой чрезвычайно довольным собой и результатами сегодняшнего дня. Он теперь знает, в какие места устанавливать свои капканы. Иван подошел к шкафчику, достал из него початую бутылку водки и налил половину граненого стакана. Выпил и крикнул. Закусывать не стал — не хотел заглушать радость. Занюхал хлебной корочкой.

А жена его Антонида, видя такое смелое поведение супруга, перечить ему не стала. Она поняла, что Иван крепко сегодня продвинулся в деле изжития со света этой проклятой вражины.

К постановке капкана Иван Печурин отнесся с необычайной для него, человека, не лишённого некоторого разгильдяйства, тщательностью. Он принес с лесной окраинки наломанных можжевельных, рябиновых и березовых веток, положил их в большой котел, налил воды и в костре на морском берегу всё это прокипятил. Получился густой, пахнущий лесом отвар. Потом в отвар этот уложил капканы, маскировочный халат, носки, перчатки и даже кепку. Долго опять кипятил всю эту амуницию. Так на одежде и на вещах уничтожается человеческий запах перед охотой на хитрое лесное зверьё.

На следующее утро вытер тряпкой, вымоченной в том же растворе, свое ружьё и сапоги.

— Всё, — сказал он жене, — теперь, кажись, всё.

Антонида напоила его чаем и перекрестила.

Он положил в рюкзак завёрнутую в целлофан тушку ягнёнка, слохшего по какой-то причине у соседей и выклянченного Иваном за невеликую плату — литровую бутылку браги, сладкую и ядрёную — Антонида слыла великой мастерицей по подпольному производству этого напитка. И направился в Северьянову Паленину.

Он подходил к месту осторожно и тихо, плавно переступая по лёгкой снежной замяти. Опять ему встретился волчий след, и Иван решил дальше не ходить: есть угроза, что сами видимые на снегу человеческие следы, сам их рисунок, могут Волчицу спугнуть, и она перестанет ходить по этим местам.

Иван выбрал место между двух небольших пригорков. Следы показывали, что в образовавшуюся узость проходит

много обитателей леса. Был там и старый след крупного волка. Тут охотник и выставил свои капканы.

Посреди холмиков он слегка прикопал в снег трупик ягненка. Затем положил на землю и, придавив коленками капканы пружины, установил капканы на боевой взвод. Деревянной лопаткой он на равном расстоянии от привады по кругу выкопал для каждого капкана ямки в снегу — так, чтобы показалась трава: она будет перебивать все остальные запахи. Потом забил в землю вокруг привады три длинных штыря с «ушками» на концах, тоже побывавших в лесном отваре, и забил их по самый дёрн для крепости и для маскировки. Прикрепил к «ушкам» стальные «карабины» с закреплёнными к ним концами тросиков, пристегнутых к капканным скобам. Иван знал, что это надёжная снасть! Еще раз осмотрел поставленные капканы. Как будто всё нормально. Достал принесённый с собой берёзовый веник и тщательно замёл свои наброды, аккуратно выровнял снег над капканами. Наклонился и посмотрел сбоку — нет ли бурдюков? Знал он, что волки опасаются невесть откуда появившихся в их угодьях ямок и холмиков.

Уходя, оглянулся на свою работу и подумал: «Пускай она теперича не попадет в мои капканчики! Попадё-ёт, куды денечче!»

Волчица рыскала по лесу в поисках пропитания. Её волчонок давно уже грыз мясо и кости, но и не забывал высасывать из неё молоко. Это отнимало у неё силы. Для их восстановления требовалась всё новая пища.

Этот запах молодой овцы она почуяла издалека. Откуда он взялся в глухом лесу, в её охотничьих угодьях? Ей было все равно, волки не спрашивают, откуда в лесу появляются те или иные звери и птицы. Им важно только одно: чтобы они появлялись, и чтобы их было как можно больше. Волки нападают на всех появившихся, загрызают и поедают. В этом залог выживания любого лесного хищника.

Она продвигалась против ветра, который доносил до неё этот чудесный запах молодой овцы, и скоро вышла к небольшому мху, давно ей хорошо знакомому. Через недолгое время обнаружила она и источник запаха: аромат исходил из-под снега. И был он совсем рядом. До него оставалось несколько шагов. Что-то отталкивало её от этого места, волчье чутье предупреждало её и подсказывало, что ей не следует близко подходить к этому запаху. Но голод был силен, а там, внутри, лежало что-то нежно-пахучее, что раздражало её обоняние.

Она осторожно подкралась сбоку, внимательно и долго высматривала окрестности, нет ли где-то чего-нибудь настоятельного и опасного? Все было, как всегда.

Тогда волчица обошла заинтересовавшее её место по широкому кругу, обозрела окрестность в поисках враждебных следов и запахов и опять не нашла ничего, что бы могло представлять для неё угрозу.

Она решилась! Волчица настороженно подошла к источнику запаха, еще раз огляделась вокруг, постояла, послушала доносящиеся отовсюду лесные звуки. И шагнула вперед.

Что-то оглушительно щелкнуло у неё под правой передней лапой. Волчицу пронзила сильнейшая, острая боль. Она со всей силы рванулась назад и услышала, как в лапе хрустнула кость.

Нога её оказалась в каких-то тисках, из которых она никак не могла её освободить. Волчица извивалась в надежде выдернуть её из этих тисков, и каждое её движение, каждый рывок сопровождалось страшной, нестерпимой болью. В своих страданиях она судорожно извивалась, лаяла и выла, кричала и плакала. Она грызла сталь капкана, зубы её крошились, но сталь не поддавалась.

Волчица долго сражалась за свою жизнь. Наконец она обессилела и упала в снег. Она лежала на окровавленной, измятой снежной пороше, измочаленная в неравной борьбе с человеческим орудием волчьей смерти — капканом. Из её глаз текли слёзы и растопляли мягкий снег возле головы. Наконец, она с трудом поднялась на ноги. Ей тяжело было подняться, потому что искромсанная, израненная нога не держала её тела, всё подгибалась она, всё подгибалась. От этой боли Волчица теряла сознание, заваливалась на бок и падала.

Ей тяжело далось это решение, но волки сражаются за свою жизнь до конца. Она впилась зубами в свою ногу и, воя от боли, перегрызла её. Окровавленный конец лапы с острыми когтями и мягкими подушечками остался лежать в снегу, а Волчица, немилосердно страдающая, взирая от боли, поковыляла на трех лапах к своему логову.

Белоухий волчонок, её сыночек, как всегда приветствовал её радостным повизгиванием, звал её поиграть с ним, но мать не ответила ему лаской, а только с тяжелым стоном упала возле норы. Потом его мать так и не поднялась. Она долго вылизывала обрубок своей ноги, но та только больше и больше воспалялась и всё сильнее мучила Волчицу.

Сынок её как мог, старался поддержать свою мать. Он охотился на грызунов — мышей и кротов. Однажды поймал белку, неосторожно заскочившую на его территорию. Все эти трофеи приносил Волчице. Но она едва-едва притрагивалась к еде.

У неё началось и стало обостряться заражение крови. Развилась гангрена. Наконец Волчица поняла, что ей осталось жить совсем недолго.

Все животные — и лесные, и домашние знают срок своей смерти. Перед самым смертным часом они уходят от своих хозяев или диких сородичей в лесные тайные места или прячутся в укромных углах, скрытых от человеческих глаз. Волчица тоже поняла, что её час пришел. Это случилось тёмной октябрьской ночью. Она с превеликим трудом поднялась на ноги, шатаясь из стороны в сторону, подошла к своему сыночку, лизнула на прощание его мордочку и ушла от него навсегда.

Волчица ушла недалеко, потому что далеко ей было уже не уйти. Ковыляя на трёх лапах, пошатываясь от боли, сковавшей её совсем ещё недавно сильное тело, неровно ступая, она перешла через Оксеньин ручей, прошла вглубь леса и наконец забилась в чашобу кустов, выстроившихся вдоль старой, заросшей травой пожни, сейчас занесённой снегом.

Там и нашла себе последний приют совсем ещё не старая, хитрая и умная, матёрая Волчица. И лес, старый добрый друг и защитник, который она любила, в котором жила, снова, как и в детстве, дал ей прибежище и покой. На этот раз последний.

А Иван Печурин не находил себе места. Он ведь реально и конкретно добыл матёрого волка — судя по размерам отгрызенной лапы, так оно и было. И вот, пожалуйста! Где он, этот матёрый? Надо ж так, лапу себе отгрыз и где-то спрятался. Как найти? Три дня валил снег, лапу и ту еле нашел. Взялся искать её лишь потому, что сработал капкан, а такой капкан зря не щелкает — что-то должно было остаться. Но что тут разыщешь в такой снежной замяти?

Жена Антонида выступала в своем духе — пилила и бурчала:

— Ничего-то, Ванька, доверить тебе нельзя, всё-то у тебя из рук упрыгиват. Волчицу и ту упустил, хошь и без ноги была. Ускакала от тебя без ноги, безрукого. Она собачку съела нашу, а ты упустил... Хошь бы деньги каки на ей заработал, дак нет!

Иван вяло сопротивлялся, возражал, как мог, хотя против его жены это было бесполезно. Ты ей слово, а она пятнадцать, да все в мишень, в десятку.

— А почему ты, Тоня, считаешь, што волчица была ето? Мож, волк какой проходной?

— Ну-ко, вспомни-ко, где Иртыш наш волчат-то сгрёб? Не в тех ли местах?

— Ну да, там...

— У их што, двадцать мамаш было разве, одна и была. Она и ходила там, окаянна, рыскала. Тебе и попала...

Белоухий волчонок проснулся и не нашел в логове мать. Поискал, обошел всё вокруг, нет её нигде!

В последнее время Волчица, сильно страдающая от боли, всё же была рядом с ним. Сын, как мог, ухаживал за ней, приносил ей пищу, которую мог добыть сам, вылизывал обрубков ноги. Волчица с трудом поднимала голову и в благодарность тоже лизала ему мордочку горячим, сухим языком. Но сегодня она почему-то покинула его и пропала. Волчонку было страшно оставаться одному в холодном, сыром и темном лесу. Как и положено волкам, разыскивающим друг друга, он сделал вокруг логова большой круг и отыскивал след своей матери, уходящий вдаль. Спотыкаясь, постоянно заваливаясь в рыхлый снег то на один бок, то на другой, он побрел по этому следу на поиски матери. Маленькие его лапы не доставали до твердого грунта, и шагать волчонку было трудно. Материнский след привел его к широкой водной преграде. Здесь он бывал иногда раньше: мать приводила его в эти места, когда они гуляли с ней по лесу. В те дни он был в безопасности. Теперь он остался один-одинёшенек, и никто не подскажет ему и не покажет, что же делать дальше? След матери ушел в воду и вел на другой берег. Значит, и ему надо сделать то же самое. И маленький волк ступил в воду.

Лапки его сразу же перестали доставать до дна. Плавать он не умел, и начал бесполезно молотить воду маленькими ножками. Течение понесло его вниз. На повороте ручья волчонку все же удалось прибахаться к другому берегу. Его занесло в висящие над водой и плавающие ветви облепившего ручей ивняка.

В этих ветках он запутался и начал громко повизгивать, стал звать мать на помощь. Так он барахтался, пока какая-то грубая сила не взяла его за шиворот и не бросила в темное, тесное пространство, пахнущее страшными запахами врага всех волков — Человека.

Иван решил, что, в самом деле, надо бы поискать безногую волчицу. Далеко уйти она не сможет — всё же без ноги осталась! Скорее всего, отлёживается в своём логове, зализывает рану, если не сдохла, конечно. Звери часто умирают в таких случаях от заражения крови. И он пошел на поиски.

Идти было легко, потому как во второй половине октября снегов выпало пока что мало. Тем более, началась оттепель, выпавший на прошлой неделе снег малость уже подтаял, был рыхл и не глубок. Он скоро дошел до места, где стоял капкан, постоял рядышком, поразмышлял, куда могла убраться искалеченная волчица? И решил искать её где-нибудь возле

ручья, где, по его предположению, находилось её укрытие: волки всегда живут недалеко от ручьёв. Пресная вода им тоже нужна, как и всем обитателям земли. Иван взял направление на ручей и примерно через полчаса вышел к нему. Оксеньин ручей, обычно шумный, поросший цветами и кустами, выглядел сейчас умиротворённо. Он потихоньку бежал между поникших ветвей ивняка, с которых свисали комки мокрого снега. Вода в нем, окаймлённая темными осенними деревьями, отсвечивала сталью и свинцом.

След волчицы, появившийся со стороны леса, оказался перед ним настолько неожиданно, что Иван присел и, удивлённо вытаращив глаза, уставился на него. Даже пощупал вмятины лап на снегу. Правда ли это она?

Да, она. Ковыляет на трёх ногах, шажки частые, даже очень. Значит брела еле-еле, усталая и измученная.

Удивляться было чему — никогда к Ивану удача не приходила столь быстро. Он всегда долго разыскивал её, ходил за ней, удачей, выслеживал, нащупывал, а она — ветреная девка — кочевряжилась вечно, да отворачивала от него свою физиономию. А тут вот она! Сама явилась! Хорошие деньги он получит. А заодно и закрепит за собой славу знатного охотника. Добыть волчицу — мечта любого промысловика.

«Так тебе и надо! — размышлял Иван. — Это тебе за Иртыша». Он перезарядил двухстволку на картечь с четырьмя нулями. «В самый раз», — подумал. Взял ружье наизготовку и двинулся по следу.

Когда волчица переходила ручей, течение отнесло её метра на три в сторону. «Совсем слабая» — определил Печурин. Он разогнул голенища болотников и перебрался на другой берег. Уже поднялся из воды, как услышал чьи-то всхлипывания.

«Ребенок!» — первое, что пришло в голову. — «Какой ребенок, откуда здесь?» И увидел: под самым берегом в кустах кто-то барахтался и громко повизгивал.

Держась одной рукой за основание куста, Иван спустился, как мог, низко к воде. Другой рукой пошарил в густых ветвях и наткнулся на что-то мягкое и шерстяное. В следующую секунду это существо больно цапнуло его за палец. Печурин вскрикнул от неожиданности, однако же выволок из зарослей вполне уже немаленькое, абсолютно мокрое серо-черное существо, грозно по шенячьи рычащее и агрессивное.

Иван выбрался на берег, поднялся на ноги и выставил перед собой зверька, которого держал в руках. Перед ним во всей красе предстал волчонок, который скалил на своего спасителя острые зубки, норовил укусить и другой палец. Левое ухо у него было совершенно белое.

Но Иван не был на него сердит. Вместе с находкой этого лютого малыша приплыла к нему ни с того, ни с сего немалая декежа. В заготконторе волчонок идет, как взрослый волк. Поэтому Печурин подмигнул зверьку и, растянув синие от прохлады губы в кривоватой улыбке, пробормотал почти ласково:

— Да ла-а! Давай, не крысья на меня, не крысья. А то вон конку башку твою о приклад. Узнашь тогда...

Он развязал рюкзак левой свободной рукой, распахнул его верх и бросил в него волчонок. Тот сразу же затих. С ружьем в руках, с рюкзаком на плечах Иван двинулся дальше по слегка заметному следу волчицы. Размышлял он так: если у зверины этой сохранились какие-то силы, она сможет напасть в любой момент из любого куста или дерева. Волки не любят, когда их преследуют. И держал дробовик крепко, обеими руками перед собой, стволом вперед. След вышел к большой лесной поляне, к густому кустарнику, протянувшемуся вдоль неё, свернул прямо в этот кустарник.

Всё это было опасно. Волчица вполне может прятаться в этой чащобе и выскочить неожиданно. Залегла или прошла ходом через кусты? Надо бы проверить.

Он свернул вправо от кустов, пошёл обходить их стороной. Пройдя метров сто пятьдесят, решил проверить: ушла ли отсюда? Или всё же легла, прячется... Иван пересёк линию кустарника, прошелся вдоль него в обратную сторону. Выходного следа не было. Значит, лежит!

Но понимал он: теперь волчица загнана в угол, будет до конца биться за свою жизнь. Сейчас она особенно страшна.

Держа приклад у плеча, взведя курки, он был готов стрелять в любую секунду. В таком положении, он медленно двигался вдоль кустарника, внимательно высматривал все подозрительные места, бросал взгляд на каждое качание веток.

Внутри широкого, разлапистого можжевельного куста темнело что-то большое и серое. Может, это она затаилась? Полушажками, трусцой, держа мушку ружья на сером утолщении, начал приближаться к нему. Подойдя метров на пятнадцать, разглядел: лежит большой серый зверь. Мех его был всклокочен и растрёпан, колыхался на ветру.

Так-то вот лежащий зверь не может быть живым!

«Сдохла, зараза!» — возбуждённо прикинул Иван и стал приближаться увереннее. Когда оказался в трёх шагах, понял: волчица действительно мертва. Вид её был страшен и теперь — полуоскаленная пасть, вывалившийся из-за острых, длинных, жёлтых клыков сине-красный язык... Она лежала, вытянувшись на взбитом, смешанном с землёй снегу. Видно, билась в судорогах перед смертью.

Печурин стоял над ней и размышлял: что теперь делать? Как доставить домой такую тушу? Такую громадину ему одному домой не унести — килограмм шестьдесят весу. Лошадь с санями сюда не пройдет — лесная глушь, завалы, ручьи-овраги... Снять шкуру, что ли? Хотя волчица уже закоченела, застыла и скрючилась на ночном морозе. Свежевать будет трудно.

Ну, трудно, не трудно, шкуру снимать надо! Отнести домой только её — это совсем другой вес. А в заготконторе шкура всегда идет как доказательство добычи самого зверя.

Тяжело далось Ивану Печурину это свежевание. Прилипшая к туше шкура отделялась с трудом, руки кочене-ли. Неправильно резанул — и вот тебе прорез, а это — минус денежки. Прокопался часа полтора. Свернул, как мог, аккуратно и компактно, засунул в рюкзак. Положил прямо на волчонка. А что ему сделается? В лесу он и не такое терпел.

Антонида встретила радостно:

— Ну, Ваня, всё! Наконец за ум мужик мой взялся. Тапери-ча Люське обновки купим. Зиму девке в городе зимовать, надо чтоб красавица была! Парня, может, сышшет путного под это дело. Надо же: два волка сразу!

Они пошли в сарай, одну половину которого занимал сеновал, а другую — местами всяческий скарб, что в хозяйстве сгодиться может. На этой, наполовину пустой территории они стали доставать содержимое рюкзака.

Волчонок оказался почему-то на самом верху, прямо под завязкой. Каким-то образом вылез из-под шкуры. И как только Иван развязал мешок и сунул вовнутрь руку, тот его опять цапанул. Только теперь за указательный палец. Иван взвыл: особенно неприятно, когда просовываешь куда-нибудь, в незнакомое место, руку, а там внутри, в потаённых углах, тебя за палец хватают. Он выдернул руку и запрыгал перед Антонидой с вытаращенными глазами. Следом серо-чёрной тенью выпорхнул зверёк, как-то быстро сориентировался и шмыгнул под огородную тележку, что на двух колесах стояла в углу. Иван заорал:

— Счас зашибу змеёныша!

И рванул за ним. Отшвырнул телегу в сторону. Волчонок тем временем забежал за борону, притулённую к стене. Печурин откинул и её. Но маленькая животинка кинулась ему под ноги, промелькнула между ними и спряталась за Антонидой, стоявшей у входа в сарай. Иван со свирепой физиономией бросился к жене, но та, вдруг захохотавшая и ни с

того, ни с сего разудалая, вдруг загородила волчонка и решительно заявила:

— Остынь, Ванька, ну-ко остынь! Озверел-то чё?

— Не вишь, палец он мне отгрыз!

— Да вон он твой палец. Кровит только. Подумашь, кровит!

И она опрометчиво вознамерилась поднять щеночка на руки, но еле успела их отдернуть. Зубки зверёныша клацнули прямо перед пальцами, а сам он рванул к противоположной стене и спрятался за листом фанеры, прислонённым к ней. Тут Иванова жена, вместо того, чтобы рассердиться, принялась вдруг опять хохотать.

— Вот шельма какая, надо же, шельма! — умилилась она.

Кто поймёт этих женщин? Сейчас так, а через секунду уже совсем по-другому. И деньги ей уже не нужны, и девка ихняя пускай без обновки ходит...

— Вот умора-та, Ванька! — высказывала она свой восторг. — Больно шустрой он, етот парень.

И категорически запретила мужу убивать волчонка.

— Ты, Тоня, в своём уме? — пытался образумить её Иван. — Хошь волка в дому держать, дак он тогда задаст тебе килограм пряников. Нас с тобой и сожрёт первыми, гад. Хряпнет, да и все!

— Давай уж подрастим маленько, а там и поглядим, чего из него завьлезат. Интересно ведь... Кокнуть-то всегда можно...

— Интересно ей! Чего из его вылезти может? Волчара и вылезет... Схамкат всех...

Потом, уже за чаем, супруги рассуждали:

— Как звать-то будем зверька етого? Будет жить с нами, дак и называть его надо будет кем-то.

— А давай назовем Белоушком. Видишь, Ваня, ухо белое у него одно.

На том и порешили.

Белоушко был совсем еще маленьким, чтобы чего-нибудь понимать. Окружающий мир, до сей поры понятный и осмысленный, вдруг стал чужим и опасным. Предпринятые им попытки вернуть тот прежний мир, не увенчались успехом. Исчезли все, с кем он начинал свою жизнь, — его отец, братья и сёстры. Теперь вот и его мама, с которой было всегда тепло, сытно и безопасно.

Поиски матери привели его в западню, в ситуацию, в которой стало совсем страшно. Сначала он едва не утонул, потом оказался в тесном и вонючем пространстве, из которого не было выхода. Самым омерзительным было для волчонка

то, что он попал в руки смертельного врага всех волков — человека, которого так боялись его родители, от которого исходил тот самый ужасный запах. Все волки знают: близость его очень часто означает гибель!

Его хитрости, умения и опыта в отсутствии матери не хватило для того, чтобы не попасть человеку в руки. Тот оказался умнее и проворнее и взял Белоушка в плен.

В самом начале, когда он оказался в мешке, Белоушко сильно обрадовался тому, что рядом был родной до помутнения запах — запах матери, а значит, безопасности. Он прятался в шерсти, которая навалилась на него сверху и сильно придавила. Он был рад этой громоздкой тяжести — словно мать вернулась к нему и оказалась рядом. Но вскоре к родному материнскому запаху примешался не прочувствованный сразу кровавой дух, удушливый, смертельный... Запах матери и запах смерти смешались... Это напугало его, волчонок захотелось поскорее выбраться отсюда, убежать от страшного места, где находилась материнская смерть, уйти в родную стихию, в лес. Он стал изо всех сил барахтаться, пробираться наверх...

Белоушко был чрезвычайно напуган и тогда, когда люди освободили его из тесного и душного пространства. Он сразу понял, что они захотели убить его и поэтому гонялись за ним в незнакомом человеческом жилище, где совсем не было лесных запахов, а стоял только омерзительный, чужой дух сухого дерева, залапанного человеческими руками, грязной сухой травы и замызганной кожи. Люди почему-то не убили его, а заставили прятаться среди вонючих предметов, где потом быстро его находили и опять бежали за ним.

В конце концов люди ушли и оставили Белоушка сидеть в укромном уголке, перепуганного, трясущегося от страха и одиночества.

Волчонок понимал, что его скоро убьют, потому что — и это знает всё волчье племя — они занимаются убийством волков. Он сидел под старинными сломанными шалагами, пахнувшими кисловатым тряпьем, и скулил всю ночь.

Ветер октября сдул с деревьев последние, самые живые листья, еще цеплявшиеся за усыхающие ветви, а остатки улетающих на юг лесных птиц с жадностью наперегонки друг с другом выклевали с рябин уже совсем редкие пучки скукоженных от морозов ягод. Только никуда не торопящиеся лесные сороки бродили по кучкам опавших листьев, без усталости ворошили их когтистыми лапками и выковыривали пригравшихся червяков и не уснувших пока что жучков.

Лес опустел. И затих. Лишь неунывающие барабанщики — пёстрые дятлы, словно соревнуясь друг с другом, выдалбливали на высохших деревьях ритмические мелодии вступившей в свои права осени.

А затем пошли завывать по холодному поднебесью зимние ветра, протяжные и гулкие. Они трубили в высокие небесные трубы и кричали на весь белый свет, что принесли природе и людям синее небо и голубые длинные морозы. В лесу пошёл трескоток застывающих деревьев. Это взрывалась оставшаяся в стволах замерзающая вода.

Наконец с пришедшими холодами всё земное пространство покрылось зимними белыми одеждами. Прибрел откуда-то и расселся посреди лесов и полей старичок в теплой шубке — Дедушка Мороз. И всё подчинил себе.

Белоушко жил у Ивана и Антонида в хозяйском большом сарае. Первоначальные страхи от людей, от людского жилища у него мало-помалу ушли, и потихоньку он привык к новой жизни. Спал на старом ватном одеяле, сверху которого всегда лежала охапка сена, заботливо брошенная Антонидой. Спальное место было устроено в углу напротив входной двери. Это чтобы волчонка не продули сквозняки, вольготно проникающие сквозь дверные щели.

Хозяйева его добротой кормили. Еда приносилась со скотного двора — там всегда имелось мясо на выброс — падеж скота случается в любом большом хозяйстве. Белоушко поэтому быстро вырастал и к восьми месяцам вытянулся во вполне оформившегося молодого волка. К себе никого не подпускал, кроме Антонида. Та приходила в сарай, ставила ему миску с едой и потихоньку отходила в сторонку, садилась на стульчик и сидела-посиживала, разглядывала, как он ест.

Белоушко ел, потом садился рядом с миской и тоже глядел на свою хозяйку. В эти моменты Антонида начинала с ним разговор. Рассказывала о себе, о муже Иване, о своих родных, о жизни. О том, какой у неё хороший супруг Иван Федотович Печурин.

— Не пьюшкой он, Ванька мой, свезло мне, нечего сказать. А ты, Белоушко, зря с им не ладишь. Ты, ето, ты полюби его, как я, дак и будет промежду вами добро-то отношеньё. Это ведь хорошо, когда по-доброму всё... А он, Иван-то, ху-дого тебе не сле-елат!

Белоушко маленько переваливался с боку на бок, внимательно слушал и прядал длинными ушами. По всему было видно, что он уважал Антониду и признавал в ней хозяйку.

Только ей он позволял приблизиться к нему, да и то не близко, а так, метра на три-четыре. Если она перешагивала невидимую черту, он рычал и отскакивал в сторону. Но не кусался. Антонида его не боялась.

Ивана он не то чтобы невзлюбил, просто держал на расстоянии и всё. А Иван и не пытался с ним любезничать, понимал, что Белоушко может и цапнуть. Волк — он волк и есть. Цацкаться не будет.

Однажды — уже в ноябре это было — волчонок совершил попытку побега.

Он сделал подкоп под стеной и выбрался на волю. Еле жив остался: на него тут же налетели деревенские собаки, которые без устали, поочередно дежурили у сарая, из которого доносился волчий запах. Не дали убежать в лес, прижали к стенке, остервенело лаяли и хватили за бока, за лапы, буквально грызли молодого волка. А тому — куда там отбиться от озверевшей собачьей стаи — выжить бы в смертельной схватке! Собаки со всей деревни налетали еще и еще. Весь истрёпаный, покусанный, крепко побитый, он еле-еле успел нырнуть обратно в подкоп. Одна резвая собачонка в азарте бросилась за ним, сунулась под стенку.. Но как только морда ее оказалась внутри сарая, Белоушко буквально изгрыз эту морду и пытался затащить собаку в сарай, чтобы там и убить её. Но та напрягла все собачьи силы, уперлась всеми лапами в стенку и в землю и всё же уползла обратно. Из-за стены Белоушко долго слышал её жалобный вой.

На этот несусветный собачий лай и стоны прибежала из деревни Антонида. Палками разогнала собак и заскочила в сарай.

Белоушко лежал на полу весь в крови. Обессиленный, он позволил ей смазать и перевязать ему раны, смыть кровь... Лежал, стонал и не поднимал головы. После этого случая Антонида стала доносить мужа:

— Надо бы, Ваня, отпустить нашего волчика на волю.

— А чего, сдавать-то его не будем? — наивно поинтересовался муж.

— Куда ет сдавать?

— В заготконтору, куда. Сама ведь требовала: деньги нужны для дочки.

Антонида зачем-то пошла в угол и взяла в руку веник.

— Ты, Тоня, зачем ето, зачем тебе?

— А я чичас по башке как настучу тебе этой метёлкой! Ты чего, Белоушка нашего убить хошь, дак я сама тебя прибью тогда! Ишь, чего вздумал!

С Антонидой ругаться — беда одна! Убить не убьет, но рожу покалечит сильно. Это уж точно!

— Ну, не надо, дак и чего? Не надо, значит, и ладно, как лучше я ведь хочу..

— Он как дитяtko родно стал мне, понимаешь ты, аль нет! Сиротиночка...

Потом, недели через две, раны у волчонка затянулись и он совсем окреп, стал опять резв и силён. Иван с Антонидой последний раз накормили его и ранним-ранним утром, с первым проклюнувшимся на востоке светом, когда в деревне все еще спали и не лаяли собаки, они открыли дверь в сарай.

Они стояли за дверьми рядышком, чуть дыша, а их волк Белоушко потихоньку, нерешительно, настороженно оглядываясь по сторонам, вышел из двери и замер. Наверное, он не верил людям, что его вот так, запросто, отпускают на свободу. Наверное, ждал какого-нибудь подвоха. Но всё было буднично и обычно. Рядом стояла Антонида, которой он доверял.

А впереди висело и лежало, ждало его пространство свободы, одетое в снежные цвета.

И он сделал шаг в это пространство. Оглянулся на мгновение на людей, потом отвернулся в сторону леса, где его ждал его мир, и помчался к нему. В мир своих предков.

Иван и Антонида сквозь сумрачную утреннюю хмарь разглядели, как на опушке, перед самым лесом Белоушко вдруг остановился и оглянулся. На них, на деревню, на свой сарай.

Он не увидел, конечно, и не услышал из-за большого расстояния, что Антонида во весь голос плачет, а Иван вытирает рукавом глаза.

Поначалу стая приняла нового молодого волка настороженно. Он появился неизвестно откуда и от него пахло человеческим жилищем. И самим человеком. Поэтому первое время волки запрещали ему общаться с членами стаи. Какое-то время Белоушко был изгоем. Волки изучали, как он себя поведёт.

Но пришелец настолько наскучался по сородичам за месяцы своего сиротства, с таким откровенным желанием пришел к ним и так был искренне дружелюбен со всеми, что Вожак сам подошел к нему однажды, постоял над ним, распластавшись в покорной позе, и лизнул его в голову. Это означало для всех: это свой! Он будет жить с нами!

И Белоушко старался как мог. Вместе со стаей загонял зайцев, лис и лосей, был на подмоге, когда волки нападали на деревенский домашний скот и на собак.

В стае ему нравилось, здесь царил порядок. Все волки беспрекословно подчинялись Вожаку и его самке. Они наказывали провинившихся, но Белоушко никогда не был среди

наказанных, потому что всегда исполнял то, что от него требовалось, неукоснительно соблюдал стайную дисциплину, поддерживал сложившуюся среди волков иерархию.

Почему-то его невзлюбил один молодой, но сильный волк по имени Ловкий который был годом постарше Белоушка. Удачливый, гордый и статный, он и в периоды волчьего гона, несмотря на свою молодость, не знал себе равных и успешно сражался за самок с матерыми членами семьи. Может быть, потому, что подруга Белоушка — длинноногая молодая волчица Гордячка с самого начала слишком уж ласково стала относиться к нему и открыто демонстрировала привязанность к новичку. При всяком удобном случае она оказывала ему знаки внимания, нежно трепала загривок и ласково лизала морду. Серо-зелёные глаза её в такие минуты излучали любовь. Белоушко относился к таким ласкам добродушно, но ответных чувств не выражал, потому что откровенно боялся Ловкого. Тот неусыпно и ревниво наблюдал за всеми движениями Белоушка и злобно рычал, когда он начинал приближаться к Гордячке.

В те времена Белоушко был совсем еще слаб и молод, чтобы вступать в схватку с двухгодовалым сильным и уже опытным драчуном. А Ловкий однажды неожиданно напал на Белоушка, хотя тот ни в чем перед ним не провинился. Просто напал и всё. Наверное, он хотел предупредить совсем еще молодого волка, что у того совсем нет никаких шансов по отношению к красавице Гордячке. И сильно покусал Белоушка. Тот потом долго страдал от боли и несправедливости. Передвигаясь по лесным просторам вместе со стаей, он с трудом сдерживал стоны. Особенно болели кости ног, которые Ловкий сильно искусал своими острыми клыками. Ему оставалось лишь терпеть унижения от Ловкого: Белоушко в прямой схватке с ним несомненно проиграл бы сейчас, а может быть, и погиб.

Подходила к концу зима, с деревьев потекла вода и застучали первые капли. Волчья стая пережила зиму с трудом. Не обошлось без потерь: двух молодых самцов убили охотники на привадах, еще один погиб в деревне, когда люди выстрелили в волка, задравшего домашнего пса.

Но в целом стая из девяти волков пережила суровую зиму довольно сносно. Белоушко тоже выдержал все испытания и остался жив.

Лето и осень — благостные сезоны для волков. Кругом обилие всяческой еды. Сначала — кладки яиц боровой дичи, уток, гусей и лебедей. Волки быстро находят хорошо спря-

танные в лесных зарослях, в чашобных канабрах гнёзда глухарей, тетеревов, рябчиков. Хорошо умеют разыскивать и подкрадываться к сидящим на яйцах самках и, как правило, съедают их вместе с яйцами. Лесные птицы не в силах оказать крупным хищникам хотя бы малейшего сопротивления, поэтому обречены на гибель. Так устроен лесной мир.

Единственно, кто среди птиц может сразиться с молодым волком — это лебеди. Они бьются насмерть, защищая своё гнездо и птенцов. Эти сильные, решительные птицы обладают сокрушительным ударом мощного клюва и крыльев. Прямой удар в нос и любой волк теряет сознание.

Самая легкая добыча для волков в первую половину лета — лесной молодняк. Поэтому в летнюю благодатную пору волки сыты и в редких случаях нападают на пасущийся домашний скот — овец, коз, телят, и те, будто зная это, уходят далеко от пастбищ, забредают в дальние лесные углы, разгуливают по тенистым кулигам, где растёт самая сочная и густая и душистая трава.

Благодаря урокам, преподанным матерью и отцом, Белоушко с первых месяцев своей жизни приобрёл надёжные навыки борьбы за существование. Давно уже умел он охотиться на зайчат и на самих зайцев, молодых и взрослых лесных птиц, подкарауливать и внезапно нападать на кабанят. Те обычно разбредаются по кустам вокруг своей матери — свиньи и бестолково шумят, хрюкают, дерутся. Белоушко научился устраивать засады на пути их движения. Он залегал на дальнем расстоянии от выводка, в предполагаемой точке подхода свиньи со своими детёнышами...

Когда стая приближается, какой-нибудь любопытный поросенок в поисках свежего, сладкого корешка обязательно просовывает свое рыльце с пяточковым носиком в его куст. И вот тут нельзя оплошать. Мать-кабаниха не должна услышать, как взвизгнул её поросенок в последнюю секунду его жизни, поэтому смертоносная хватка волка должна быть мгновенной. Если свинья что-либо услышит, у молодого волка будет мало шансов остаться в живых и быть не растерзанным страшными кабаньими клыками-ножницами. Кабанья мать чрезвычайно свирепа и защищает своих детей до конца, невзирая на любую опасность. Еще хуже, если поблизости от стаи окажется глава семейства — секач. Этот убивает всех, кто стоит на его дороге, или тех, кто напал на его стаю.

И вот минула и эта новая золотая теплая пора. Опять холодными сквозняками поползли между деревьев промозглые ночные ветра — предвестники угрюмой осени. Украдкой, словно тёмные тати, крались они по нагретой за летнюю пору

земле и исподтишка холодили её, остужали... И вот уже начали кидать в лесные углы первые горсти снежинок. А те, на первых порах робкие, поначалу превращались в водицу, едва коснувшись не остывшей еще земли, затем вдруг раз за разом, снегопад за снегопадом — пошли приступом на холодную лесную поверхность. И засыпали ее, и покрыли мягкой, ослепительно белой снежной перинкой, теперь уже не тающей. Так всегда, из года в год, из века в век приходит в леса и доли матушка-зима.

Молодого волка Белоушка до сей поры миновали тяжелые беды и напасти. В стае он не голодал, был удачлив в охоте, в поисках пищи, не был безвозвратно ранен, не получил увечий в суровой волчьей жизни. Его миновали пули и картечь охотников.

Но для него, как и для всей стаи, наступающие холода вновь не несли ничего радостного: волки всегда тяжело, на напряжениях всех сил переносят зиму. Стая готовилась к холодам: искала и обживала новые таежные крепи, рыла лазы и норы в глухомани, где можно было бы укрыться в моменты смертельной опасности.

Белоушко укрепил свои позиции в стае. Члены её ровно и уважительно к нему относились, потому что он всегда и всем демонстрировал дружелюбие и готовность прийти на помощь.

Но прежний враг у него остался. Это был Ловкий, взматеревший и сильный молодой волк. Он неизменно ревновал Белоушка к юной волчице Гордячке, которая проявляла к тому откровенную нежность. И Ловкий в отместку постоянно старался унижить его перед стаей, неожиданно напугать, рыкнуть, укусить.

Белоушко терпел: он был более молод, а в стае молодняку так надлежит себя вести.

С наступившими холодами, метелями и морозами пришли опять холодные и голодные времена. Это заставило волчью стаю много передвигаться в поисках пропитания.

Лосиная семья уходила от волков. Самец вел лосиху и сына-лосёнка по краю длинного мха в самый дальний его конец. Туда, где путь пересекает река. Вода — извечное спасение лосей от волков. Те, коротконогие, не в силах противостоять длинноногим лосям. Там, где лось крепко стоит на дне, волк беспомощно барахтается. В этих условиях лосям легче притапливать копытами волков и держать их под водой, пока те не перестанут дышать и не превратятся в обыкновенные куски мяса, обтянутые шкурой, которые затем уносит прочь течение.

В это время начала зимы все реки уже стояли, покрытые прочной коркой льда. Но отец лосиного семейства знал, что там, за краем болота, река ускоряет свое течение, там речной пережат. Лед схватывает его лишь в самые лютые времена середины зимы. А сейчас через неё можно перескочить и уйти от волков.

Оставалось совсем немного до спасительной воды, когда самый быстрый волк с белым ухом вклинился между лосихой и лосёнком. Детеныш от испуга отпрянул в сторону. Лосиха ринулась было ему на помощь, но тут на неё с оскаленными пастьями накинудись сразу несколько волков. Они оттеснили её в сторону, и скачущий по снегу лосенок остался один. Его догнал белоухий волк, сделал мощный прыжок и прямо на бегу вцепился в горло, повис на шее. Лосиний детеныш под грузом немаленького волка замедлил бег, и на него смертельной лавиной ринулись остальные... И вся стая сгрудилась около своей добычи. Снег около туши лосенка окрасился в красный цвет...

Всем лосям, живущим в лесах Онежского полуострова, было особенно беспокойно в эту зиму. Много развелось волков, которые, объединившись в дружные команды, лютовали повсеместно и во многих глухих урочищах оставили следы своих пиршеств.

Январская ночь была самой обычной. С северо-востока задувал несильный, но ледяной ветерок. На чистом чёрном небе невинно помаргивали ясными светлыми глазками мелкие звёздочки. Деревня умиротворённо спала.

Изредка, то ли спросонок, то ли потревоженная каким-либо случайным звуком, взбалмошно взлаивала какая-нибудь глупая собачонка. И опять дома и улицы покрывались мягкой дремотной тишиной.

Вдруг в эту сонную, размытую над деревней тихую зимнюю благодать ворвалась, вклинилась страшная суматоха. Со всех концов в деревню, словно банда отчаянных разбойников, ворвались волки. Целью их нападения были, конечно же, не люди — серые хищники остерегаются на них нападать. Они пришли сюда за собаками, вечными их ненавистными врагами. Те, которые при их появлении открыли оглашенный лай, первыми и попали под волчьи зубы.

Волки загрызали их на улицах, между домов, в собачьих будках, вытаскивали из-под домов. Хватали на бегу, наседали и перегрызали загривки и позвоночники. Ни одна собака не смогла оказать даже малого сопротивления: разве может деревенская пустолайка противостать более сильному, лов-

кому и умелому лесному бойцу, способному заваливать и кабана, и лося и молодого быка.

Один хозяин породистой лайки, услыхав её до смерти перепуганный плач, выскочил в исподнем на крыльцо, но не успел спасти свою красавицу. Прямо на крыльце, у него на глазах, её задушил огромный волчара и уволок от дома в лесные ухороны.

И лесная, и деревенская живность сильно пострадали в тот год от волчьей напасти.

Главный охотовед района Терещенко был краток:

— Чего вы тут посиживаете, умники! Волки уж весь лес обчистили, скоро ни зверя, ни птичины не оставят! А это же всё объекты нашей с вами охоты! Чё спите-то, мужики? Али желаете, чтобы серый гад скотину из ваших же дворов повыдергал?

Он, задержанный партхозактивами и исполкомовскими проработками на тему о его охотоведческом «недостаточно активном участии в сокращении поголовья волчьего стада», приехал в деревню со всем своим штабом, собрал охотничий актив близлежащих населённых пунктов и стоял сейчас в клубе за трибуной. Перед ним заманчиво поблескивали тусклыми гранями полунаполненный графин и пустой стакан.

— В деревнях беспрепятственно лютуют обнаглевшие хищники, самолучших собак пожрали, а охотнички, мать вас всех за ногу, спят преспокойно в постельках своих!

Терещенко всё же не удержался, быстро налил в стакан желанную влагу и большими глотками выпил.

— А чё делать с имя, Никанорыч? — мрачно поинтересовался вечно хмурый лучший волчатник и медвежатник Некрасов. — Оне тебе не зайчатки небось, их хрен возьмешь чичас, в ету пору!

— А я к вам зачем приехал сюда, скажите мне на милость? — с удвоенной крепостью в голосе прогремел с трибуны Терещенко. — Потому и приехал, чтобы, значит, и организовать истребление волчьей породы на вверенной вам территории.

Мужики стали интересоваться, как да чего?

— Флажки я привез, — авторитетно заявил охотничий руководитель, — по научному будем, так сказать, работать.

В воскресный день десяток добрых охотников, среди которых, конечно же, оказался и Иван как опытный добытчик, с самого спозаранку выдвинулся в район возможного нахождения волчьей стаи. О районе этом, называемом издревле Шоровыми Угорьями, ходила нехорошая молва. Был он лесист и чёрен и возвышался над окружающей местностью уг-

рюмыми, горбатыми холмами, густо обросшими толстым, корявым ельником. Ни одной лесины не ушло отсюда на полезное дело — на деревенскую стройку. Из кривых ёлок дома не строят. Да и просто, по какой-нибудь другой хозяйской надобности сельский народ совсем редко забредает в эти места. Нелюдимо тут и боязно. А тем более с осени грибники и рыбаки слышали в тех местах волчий вой.

— Там должны быть лёжки ихние! — решил Некрасов. И все с ним согласилось.

Туда и пошли. Километра за полтора до Угорьев основная группа расселась под ёлками и затихла. Ни разговоров, ни курева. Терещенко, считай, перед каждым носом повертел немалым кулачищем. Ходил от охотника к охотнику, тихо похрустывая своими валенками по мягкому снежку и приговаривал: «Расквашу самолично, ежли чего...» Только зря он это... Никто и не собирался бедокурить в такой обстановке.

А два молодых и лёгких на ногу лыжника сделали круг, обехали Шоровы Угорья, где кой-какой народец встречал уже ненароком волчьи лёжки. И нашли они входные звериные следы вовнутрь этого круга. Как и положено — туда вела тропа, натоптанная многими волчьими лапами — волчья тропа! Входных следов по всей окружности лыжни разведчики не обнаружили. Значит, зверь там, внутри! Лежит-полёживает...

Охотники обошли вокруг Угорьев и развесили по кустам капроновую нить, на которой через каждые два с половиной метра покачивались ярко-красные флажки.

Терещенко собрал у оклада всех, и они с Некрасовым пошли с двух сторон вдоль флажков расставлять номера. Иван, как надежный, проверенный стрелок был поставлен на входном следе. Тут волки зашли в оклад. Все знали, что любой зверь в моменты опасности уходит от неё по своим же следам, поэтому с большой долей вероятности здесь волки и будут стремиться прорваться через флажки. Именно здесь!

Иван стоял и ёжился от мороза. Ветерок, вроде бы несильный, гулял по ельнику, покачивал хвою. Гулял он и по Ивану, и скоро начал пронимать нехитрую Иванову одёжку: свитерок, да фуфайку, да две пары тонких штанов, напыленных друг на дружку. Иван потихоньку замерзал. Стоял он за заснеженной ёлкой и отчаянно ругал себя за такую вот полоротость. С какой-то стати он заспешил-заторопился, чтобы не подвести приезжее начальство, да вот и выскочил в лес, считай, что голым. Как салажонок какой...

В дальнем конце оклада запостукивали, наконец, палками о стволы деревьев. Пошел загон... И голоса самих загон-

щиков, сначала трудноразличимые из-за ветерка, посвистывающего в верхушках деревьев, становились всё отчетливее, приближались.

«Серые, верно что на ногах уже, встрепенулись, шельмы, мечутся ччас... Прибегут скоро», — размышлял Иван. Он тоже встревожился и напрягся в предвкушении наплыва охотничьего азарта, который всегда посещал его в острые моменты охоты. Выпрямился, держа ружьё наизготовку, застрелял тревожно глазами по стоящим впереди деревьям, по снежным прогалам между ними, стелящимся вдаль. Вглядывался он в окружающий лес, вслушивался, не прошуршат ли где лапinya ёлок, не упадет ли с веток снег от толчка пробегающего волка?

Все было тихо.

Иван стоял неподвижно, но бегала по телу его, как и подобает, мелкая-мелкая дрожь — и от холода, и от охотничьего перевозбуждения, да что там говорить, — и от страха. Страх тоже был: не шутка ведь — волки на тебя сейчас пойдут... А ружье в такой холод может и не сработать.

Там, впереди, прокричала протяжно сойка — лесная сорочка, вечная предательница зверья. Она-то, как всегда, и подает верный сигнал охотнику, что пробирается по лесу какой-то хищник и пора быть наизготовку. Сидит над ним, крадущимся по лесу, и обязательно уж прокричит что-то предательское, выдающее его с потрохами.

Иван насторожился, выпрямился во весь рост и, приложив приклад к плечу, повернулся прямо туда, где кричала птица.

И почти сразу из-за ёлки, что стояла в тридцати шагах, вышел волк. Не крупный, средних размеров, он сразу увидел флажки, растянутые перед Иваном, остановился, задрал голову, вытянулся. Он резко выделялся на снежной белизне черно-серым пятном.

Иван выстрелил в него. Волк подпрыгнул, потом завалился на бок и затих: выстрел был метким.

«Есть один!» — обрадовался Печурин. Но не пошел к убитому волку. Старый, суровый, но правильный закон загоной охоты говорит, что ходить по загону не надо — напарники знают, где ты стоишь, и никогда в твою сторону не выстрелят, но если с места сойдешь и начнешь разгуливать, с тобой может произойти всё, что угодно. Всякое бывало на загоных охотах... Да и запах свой разносить по лесу не надо... А загон пройдет через тебя — тогда и гуляй, как хочешь.

Справа, где-то вдоль флажков, стукнул дулет. «Наверное, еще взяли» — размышлял Иван, перезаряжая свою дву-

стволку. Он постоял, разглядывая издали убитого волка, так и сяк разворачивая в уме цифру премии, за него полагающуюся. «Может, и хватит на обновку для дочуры, на сапоги эти, едри их... Давно клянчит... Хватит, должно быть...»

И тут справа из-за деревьев показались сразу два волка. Впереди идущий был покрупнее заднего. Поджав хвосты, настороженно глядяваясь в окружающее пространство, они шли вдоль флажков, разглядывали их... Видно, что хотели вырваться из западни, в которой оказались. Волки рыскали по кустам, по лесу, передвигались перебежками и трусцой. Путь на волю перекрывали эти непонятные, неведь откуда взявшиеся огни, опасные своей неизвестностью, — в лесу таких нет! Они искали выход и не решались пересечь линию флажков.

Впереди идущий волк вдруг остановился и поглядел на Ивана, уже поднявшего ружье. И вдруг сам шагнул в его сторону, но тут же остановился. Печурин, едва не успевший нажать на спусковой крючок, в последний момент разглядел какое-то белое пятно на волчьей голове.

Белое ухо! Это был Белоушко! Их с Антониной волк!

— Белоушко, брат ты мой! Надо же! — гортанным шепотом прохрипел Иван. Он сообразил, чего надо делать.

Он кинулся к флажкам, посрывал с веток капроновый шнур, уронил его на снег вместе с красными четырехугольниками. Сорвал шнур и со второго куста и с третьего... Он метался и быстро затапывал флажки в снег. А волки стояли и смотрели на него. Только тот, который был позади, немножко отпрянул и настороженно-опасливо разглядывал Ивана, следил за его действиями. Этот волк, по всей видимости, очень боялся человека. А первый не боялся: он долго прожил в человеческом жилище. Он знал Ивана в лицо.

Печурин сделал для волков проход в линии флажков. Сам отошел в сторонку.

Белоушко постоял, слегка покачиваясь вперед-назад, как бы решаясь на то, чтобы сделать шаг. Потом решился. Он сделал его, а затем стремительно прыгнул вперед в построенный Иваном коридор. В коридор свободы! Его напарник, шедший позади, прыгнул за ним.

Иван Печурин стоял и глядел вслед убегающим вдаль волкам.

А в загоне вовсю гремели выстрелы. Там шла охота.

Он долго, пока не вышли загонщики, зачищал следы своего «преступления». Повесил опять на ветки флажки, замёл можжевельной веткой следы, чтобы не было видно, как он сбрасывал с кустов шнур с флажками.

Когда снимались номера, никто этого не заметил. Спросили только, как это он, такой опытный охотник, упустил из оклада двух волков? Следы-то их не спрячешь.

— Да не поспел я, — сокрушенно рассказывал Иван на ходу придуманную леденящую душу историю. — Они, черти, как выскочили из ивняка, да прямо на меня и лупанули. Упал со страху... Через меня скаканули, сволота! А опосля и через флажки, одним махом. Чего им, как кони оне, здоровенны... Хорошо, не загрызли... А чего им с такими-то мордами! Морды-то у их во-о! Могли бы и загрызть, раз плюнуть...

И Иван распахивал ладони намного шире своей физиономии. Получалось, что волки с такими страшными мордами, были в самом деле кровожадны и опасны. И добрый охотник Иван, подвергшийся нападению хищников, заслуживал всяческого уважения.

Конторский работник — колхозный бухгалтер Прибыткин, стоявший на соседнем номере, потом, уже в деревне, сильно возбуждался, когда рассказывал об этих двух волках:

— Первый-то, молодой, видно, уж больно наглый: из-за сосенки выскочил, да прямо на меня, как людоед какой, человека не боится, засранец! Чуть с ног не сбил, я и оплошал, потому и стрелял кое-как с перепугу, промазал.

Односельчане не могли знать, что промелькнувший рядом с Прибыткиным волк действительно мало боялся человека, ведь он рос рядом с ним.

Это и спасло Белоушке жизнь. Бежал бы он в отдалении, бухгалтер легко бы убил его.

Антонида была рада. Ой, как рада!

— Ушко-то бело у его? Дак значит, он это, он! Белоушко наш!

И интересовалась у Ивана, как выглядит волчок, выращенный ими? Не исхудал ли?

— Живой он, живой! Слава Те, Господи! — ходила она вокруг мужа и всё выпрашивала, всё интересовалась...

Женщина, она и есть женщина. Хлопотуньи они — все, как есть.

— А другой-то волк, которой ростиком поменьше, тот, наверно, самка будет, сука то есть, волчица она, — взволнованно рассуждал Иван, значит, дружат оне. Пара то есть... Ндак, и хорошо ето ведь. Вдвоём-то легче в лесу..

Антонида тему эту горячо поддерживала и в своих мыслях шла дальше:

— Дак, они так и шшеняток нарождают, волчаточков, хорошо ведь...

Время от времени она прерывала беседу и куксилась, доставала из кармашка сарафана платочек и промокала глаза — слёзы у неё и в радости, и в печали были всегда готовы выкатиться из её зелёных глаз. Сейчас это были счастливые слёзки:

— Хоть бы уж пришел к нам да показался, каков он есть? Не чужой всяко. Мы же скучам...

А Иван ей сказал:

— Ладно тебе! Чё он, маленькой какой? Всяко вырос уж, сам теперь знат, как да чего. Не пропадёт без нас. И не один он нонеча, вишь, полюбовница у его появилась. В рост пошел зверёк наш...

Из всей стаи после той охоты остались в живых только три волка: Ловкий, Белоушко и молодая волчица Гордячка.

Ловкий, прижатый загонщиками к флажкам, в последний момент в отчаянии перемахнул через страшную для волков линию, через человеческие следы, идущие вдоль них, и ушел в лес. Вскоре он отыскал Белоушка и Гордячку и присоединился к ним.

С этого момента для Белоушка настали чёрные времена. Ловкий на правах старшего не подпускал его к Гордячке, хотя та сама стремилась к нему и, когда они хотя бы ненадолго оставались одни, нежно прижималась к нему и ласкалась. Гордячка искренне любила его. Но появлялся Ловкий, и всё начиналось сначала. Он был на год старше Белоушка, поэтому бесцеремонно оттеснял его от самки и при первой же, даже нечаянной попытке того приблизиться к ней страшно скалил зубы и демонстрировал готовность вцепиться в него своими крепкими клыками.

Приближался месяц март, время гона — волчьей любви. Молодая волчица долго не подавала признаков желания спариться. Слюбовными притязаниями к ней приставал Ловкий, но гордячка отвергала его и скалила зубы при его приближении. В такие моменты она подбегала к Белоушке, но на него тут же кидался Ловкий, и Белоушко отступал, прижимая хвост.

Но однажды произошло то, что и должно было произойти. Ловкий решил овладеть Гордячкой силой и прыгнул на неё, подмял под себя. Волчица жалобно закричала и сделала судорожную попытку вырваться. Ловкий схватил её зубами за загривок и прижал к земле, причинив немалую боль. Гордячка закричала ещё сильнее и по-звериному заплакала, всхлипывая и завывая.

Белоушко не в силах оказался вынести страдания подруги. Он сделал два больших прыжка и вцепился зубами в шею

ненавистного противника. Тот не ожидал, что более молодой, а значит, беспрекословно подчиненный ему волк, вдруг окажет столь яростное сопротивление. Он не учел, что Белоушко, несмотря на молодость, сильно окреп в постоянной борьбе за существование. Мышцы его затвердели, челюсти налились силой, а клыки и зубы приобрели стальную мощь. Белоушко уже сильно вырос, вытянулся в высокого и мощного зверя.

Кроме того, он очень любил свою Гордяхку, а в природе всегда так: любовь самца к самке удваивает его силы. Тем более что в этой схватке он был прав, потому что сражался за свою любовь.

Ловкий извернулся и попытался вцепиться в горло Белоушка, но тот успел перенести удар своих челюстей на основание уха Ловкого и вцепился в него мертвой хваткой, стиснул клыки и так держал их, несмотря на то, что Ловкий мощно выворачивал своё тело и при этом страшно и громко выл. Он тряс головой, извивался и царапал когтями бока Белоушка, визжал от страшной боли, но поделаться ничего не мог. Он лишь слышал треск своих рвущихся хрящей сквозь овладевшие телом смертельные судороги, ощущал, как выворачивается набок изломанное ухо. Тело его изнемогло в борьбе с преобладающей ловкостью молодого, безжалостного бойца... Наконец силы его почти совсем оставили. В этот момент Белоушко завалил соперника на бок и перебрросил хватку челюстей на его горло, перевернул на спину и начал душить.

Ловкий захрипел, из пасти его начала вырываться кровавая пена. Вскоре он затих.

Белоушко не сразу разжал челюсти. Он дождался, когда у поверженного врага перестанет течь по жилам кровь. Волки умеют чувствовать это, убивая своих жертв.

Потом он отпрянул и долго стоял рядом, покачиваясь от усталости, пристально вглядываясь во врага: не шевелится ли он, не осталось ли признаков жизни?

Наконец, он медленно подошел к своей волчице. И ноги его подкосились, он упал рядом с ней. Лежал на боку, тяжело и часто дышал. А Гордяхка вылизывала его израненный в бою бок. Теперь им никто и никогда не станет мешать любить друг друга.

Иван с утра снарядился идти в лес. Зашел сперва на поветь, забрал прислонённые к стене лыжи, снял с гвоздя рюкзак, в котором, как всегда, находились приготовленные загодя для лесных походов вещи: теплое бельё на случай, ежели доведётся промокнуть, запасные портянки, теплые рукави-

цы, пара коробков спичек, аккуратно свёрнутый полиэтиленовый мешок под добычу... Положил туда же матерчатый мешочек с едой на день охоты — два бутерброда со сливочным маслом, банку тушёнки, бутылку молока. И вышел на крыльцо.

То, что он увидел, поразило его до глубины души. Прямо перед ним, за порогом, лежал крупный заяц-беляк. Был он будто бы живой, только на шее красными жирными точками атели капельки застывшей крови.

Иван постоял, ничего не понимая. Откуда взялся на его крыльце этот здоровенный косой? Кто его сюда положил? Не прискакал же он сюда сам, такой мёртвенький!..

— Тоня! — позвал он громко. — Антонида!

— Чево там, чево? — откликнулась жена из глубины кухни.

— Подь-ко сюды, не пойму я тут ничево!

Антонида пришла, завсплескивала руками, заойкала. Они стояли и удивлялись невесть откуда взявшемуся трофею. Может, кто-то подложил или пошутил. Может быть, дохлятина? Иван поднял зайца и всего обнюхал.

— Свежак! — заключил он авторитетно. — Сегодня затряхнул кто-то.

Он повернул к жене недоумённое лицо:

— Нам-то принесли зачем? Хотя спасибо, конечно... Тушенку сделам...

— Ну-ко, Ваня, посидим с тобой, да покумекам, — предложила жена. — Чево-то тут не то.

Они уселись на ступеньки, поразмышляли. Антонида сомневалась, чтобы кто-нибудь из односельчан взял бы да и подарил им зайчика, ни с того, ни с сего.

— Все только урвать хочут, а подарков таких ни от кого не дождеся, — говорила она задумчиво.

Поразмышляла она, покачала головой, потом вдруг махнула рукой и сказала решительно:

— А я знаю, кто этот добрый человек, знаю.

Иван, муж, уставился на неё так, будто встретил вдруг незнакомого и загадочного человека:

— Ну и хто, по-твоему?

Антонида не сказала вслух, она произнесла шепотом, будто выдала важнейшую государственную тайну. Вполголоса, округлив до невозможности глаза:

— Белоушко это нам приташил, вот хто!

— Как ето, как ето Белоушко? — активно и в то же время радостно засомневался её муж Иван. — Не может же такого быть-то! Чё он, сдурел зайцев нам притаскивать!

Впрочем, ему самому очень хотелось бы, чтобы это случилось именно так. Тем более что Печурин давно зарёкся перечить жене, признавая её железную способность безошибочно, влёт разглядывать истину в любых запутанных делах.

Но тут дело из ряда вон... При чем тут волк? Сам бы сожрал зайца, да и всё тут, зачем людям-то тащить?

— Ничего ты не понимаешь, Ваня, — объяснила ему жена. — Белоушко захотел спасибо нам сказать. Вот и притащил белячка.

— За што благодарить-то? Живем да и всё, давно уж отпустили его на волюшку.

— А ты забыл, что спас его недавно, из флажков выпустил?

Иван малость призадумался:

— А и в самом деле. Неужто волчик нас мяском порадовал свеженьким за эку малость?

— А ты и не знал! Все животинки спасибо людям сказывают, ежели оне добро дело для их делают. Вон у Серафимовны котик девять мышей на крилечко притащил. Прикусил их да и склал к ей. Она пришла, а оне в рядок и лежат, мышкито. Благодарность выказал, значит.

— А за что спасибо-то сказал?

— А она лечила его от заразы какой-то, да и вылечила.

— Надо же! Как люди оне...

Посидели они на крыльчке, порассуждали. Антонида опять всплакнула:

— Как он там, в леси-то? Холодно ведь ему тамогде, холодно!

Вечером она сварила жаркое из зайца. Ели и нахваливали. Выпили, конечно, по рюмочке, да и не по одной... Антонида, строго следившая за алкогольной диетой мужа после давних молодецких того разгулов, тут раздобрела, расщедрилась:

— Давай-ко, Иванушко, кань еще в рюмочку, за нашего родненького пригубим, чтоб тепло да хорошо ему жилось там, в леси, чтоб не обидел его никто...

Она промокала краешком подола глаза и приговаривала:

— Пришел бы к нам-то, голубеюшко, хоть я бы покормила его да полюбовалась бы на касатика.

Прошли три недели. В лесу, на полях и в самой деревне вовсю бушевал уже апрель-месяц. С утренними морозцами, с настом, каждым днем лежащим на снегах плотной коркой, и с тёплыми ветрами, задувающими с летней стороны. Проклюнулись первые проталины, и лошади в конюшне, и коровы на скотном дворе, почуяв наплыв весны, начали голо-

сильно в своих обрыдлых стойлах. Стали требовать отпустить их на свободу, на волю-вольную, к свежей травке зелёной чтобы размять уставшие от долгого стояния ноги. Антонида да Иванова корова Побрякушка тоже время от времени трубно мычала и громко переступала, нарочито сильно стучала по настилу копытами.

Сена по весне всегда не хватало, сколько ни заготовляй: Антонида не жалела его для нежно любимой Побрякушки. Они с ней ходили в подружках, только что не обнимались — а так дружба полная. Снег подтаял и обнажил основание сенового зарода, что стоял на краю огорода. Иван подошел к нему проверить, не вытаял ли пук-другой сена — всё для коровёнки сгодится. Точно, вытаял! Сено в зародке закончилось, когда снега было еще много, остатки выбирали прямо из сугроба и, как оказалось, под снегом сохранилось благошко сена — на целых две охапки. Иван нагрёб грабельками сенную захватку, обнял её и шагнул к хлеву. И замер.

Услыхал он злобный лай двух деревенских собачонок. Увидел одну, выбежавшую на поле, которое одним боком касалось деревни, а другой стороной уходило к лесу. Собака аж подпрыгивала в злобе, глядя куда-то в даль. Но бежать туда не торопилась.

Посреди поля стояли два волка и глядели на деревню.

— Тоня! — закричал Иван. — Антонида!

В окошке избы белым пятном обозначилось лицо жены.

— Поглядь-ко, поглядь! — Иван лицом своим показывал ей направление, куда надо смотреть — руки-то были заняты.

Та быстренько отлипла от стекла и в накинутой на плечи фуфайке, в пимах на босу ногу выскочила на улицу. Оба — муж и жена — стали вглядываться в серые фигуры зверей, стоящих на поле и отчего-то не убегающих, хотя лаяли собаки и расхаживали по деревне люди. Антонида долго вглядываться не стала:

— Наш, это же наш Белоушко! — закричала она и бросилась в своих пимах туда, в поле, к волкам. Она будто не замечала, что пимы её черпают всю снегу, что босые ноги просто облеплены мокрым весенним снегом. И что фуфайка давно свалилась с плеч, и она бежит в одном сарафане с развевающимся на ветру фартуком. Она осознавала только, что бежит к своему волку, которого полюбила искренне и который тоже её крепко любит.

Что было делать Ивану Печурину в этот момент, её мужу? Он тоже побежал.

Волки стояли, высоко подняв головы, будто поджидая людей, к которым они пришли. У одного из них было белое ухо.

Когда Иван и Антонида приблизились метров на шестьдесят, волки отпрянули назад, отбежали немного и опять остановились. Они как будто предупреждали, что ближе к ним приближаться нельзя. И опять стали внимательно смотреть на людей, высоко и гордо подняв головы.

Супруги тоже остановились, стояли и тяжело дышали. Глядели друг на друга.

— Белоушко, родненький ты мой! Не убегай ты от меня ради Христа. Тяжело мне за тобой бегать. Постой, дай глянуть на тебя! Люблю ведь я тебя, сам это знашь. А я полюбоваться на тебя хочу, давно не видала, дак и соскучилась я.

Постояли, помолчали. Волки не уходили.

— Чего-то они хотят, — сказал Иван, — не просто же так пришли.

— Чую я, прощаются оне с нами. Уходят, наверно, на-совсем уходят. Пришли досвиданье попросить.

Сказала так и заплакала. Стояла и вытирала глаза рукавом сарафана.

А волки с минуту ещё постояли, развернулись к лесу и побежали туда трусцой. Впереди Белоушко, за ним — его волчица Гордячка.

На обратную дорогу Иван снял со своих ног шерстяные носки и натянул их на заочевенные, красные ноги жены, на плечи накиннул свою куртку. Весь путь домой Антонида проплакала.

А иногда, как это бывает у женщин, смахивала с лица слёзы и вдруг говорила вполне радостно:

— А эта-та, подружка-та евонная, она с им, с нашим голу-беушком! Не уходит! Страшно ей перед людьми стоять, а не уходит! Значит, любовь промежду имя!

Она всплескивала руками и сказывала с большим убеждением:

— Ну а наш-то ей шшеночков-то и настрога-ат!

И улыбаясь, и вновь пуская слезу, — звонко щебетала всю обратную дорогу.

А Иван брёл унылый и потерянный. Он почему-то осознал, что больше никогда уже не увидит волка, который стал для него таким близким. Дороже любой собаки.

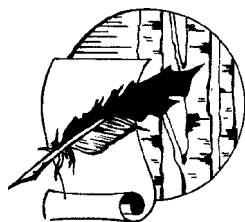
Прошли два года. В урочищах огромного таежного Мяндозера, спрятавшегося от людей в самой центровине Онежского полуострова, что на Белом море, давно уже обосновалась и живёт волчья стая. Входящие в стаю волки безраздельно господствуют на всем Летнем берегу. Они очень хитры и осторожны. Совершив очередной набег, захватив добы-

чу, — тут же уходят в свои тайные, скрытые от человеческих глаз лежбища. Никто не может выследить их, разыскать места обитания. Волки будто растворены в никому не ведомых пределах тёмных лесов, окраинах болот, между овражистых склонов чашобных логов.

Эта стая — неотделимая часть сокровенных, древних лесов. Она никому не видна ни со стороны, ни с воздуха. Как будто её и нет. Но она есть. Стая живет и с каждым годом становится всё сильнее и опытнее. Все волки приморских регионов наслышаны о ней. И все хотят в неё попасть. Но мало кому это удаётся, потому что в неё принимаются самые сильные, и самые хитрые.

Стая неуязвима, ведь её вожаком является прошедший все возможные испытания, победивший всех своих врагов матерый волк с белым ухом. Он знает повадки людей и всех зверей. Он любит лес, и лес любит его. Посреди холодных и прозрачных зимних ночей он сидит на своем холме, окружённом старыми деревьями, глядит в звездное небо и поёт небу и лесу свои длинные песни. Эти песни про то, как он любит и помнит потерянных в далёкой юности отца, тоже Вожака, и свою мать — Волчицу, родивших его и научивших преодолевать трудности. В этих песнях поется о том, как он предан своему лесу, о нерасторжимой любви к братьям своим и сестрам — волкам.

И над Белоушком, как во все века над волками, бродит по звездному небу Большая Медведица и похрустывает звёздной крошкой.

Иван ЩЁЛОКОВ

Щёлоков Иван Александрович родился в 1956 году в Воронежской области. Автор одиннадцати книг. Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Сельская новь», «Воин России», «Пограничник», «Север», «Огни Кузбасса», «Дон», «Новая Немига литературная» (Белоруссия). Лауреат многих литературных премий. Главный редактор журнала «Подъём», председатель правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России.

БЕРЁЗА, СИРЕНЬ, АКАЦИЯ...

* * *

Век мой белый, век мой красный,
Весь в бореньях поседелый,
Ты ужасный ли, прекрасный
Или просто обалделый.

Просто душу потрепавший,
Просто сердце простреливший...
Брат, в чужом краю пропавший,
Сват, в тайге сибирской сгнивший...

Кто ты мне, мой век-разбойник,
Резких красок злой метатель?
Прадед был кулак-раскольник,
Дед — партийный, председатель.

Красит лист октябрь подённо
В красный, в белый, в серебро ли...
Красный — с конницей Будённый,
Белый — Мамонтов, Шкуро ли...

Ты, Воронеж, в переливах
Цвета, пёстр, в былое канул
Вихрем белого прорыва,
Маршем с красными полками.

В революцию, как в небо,
Вместе с памятью всплываю...
Век прошёл, а мне бы, мне бы
Примириться как — не знаю.

ПРОЩАНИЕ С ДОМОМ

Лает и лает Джек.
Снимки в альбомы отщёлканы.
Здесь завершился век
Кондусовых и Щёлоковых.

С улицы — три окна,
Берёза, сирень, акация...
Что это — боль, вина?
Душ родных эвакуация?

Скуп на снега февраль.
Мёрзлая, чёрная, голая
Липнет к ресницам даль
Памятью, будто половою.

Ветер чужую речь
К дому приносит с излучины.
Долго ль тебе стеречь
Двор, проволока колючая?

Кадр из сада — до слёз.
Будто себе не угоден ты...
Да помолчи же, пёс!
Дай попрощаемся с родиной!

* * *

Коснёшься в раздумье щекою коры
Шершавой от древности дедовой груши,
И память солдатом пойдёт на прорыв,
И сроки, и ритмы, и лица обрушив.

Бог с ними, что янки грозятся войной,
Что где-то в бегах всех мастей нувориши...
До неба над ширью и далью степной
Возносится груша от дедушки Гриши.

Стекаются к сердцу без пафосных слов
По колким щетинкам все токи земные.
Окрестные ветры, не тронув плодов,
Пронесются мимо, как силы чужие.

Спасибо, дедуля! Не жалко сжечь щёк
В шершавости той без огня и картечи...
Ты грушей мне сызмальства душу берёг
И в вере крепил, как монах, перед сечей.

* * *

Мы не племя — мы пламя, мы пламя:
От морщинки на лбу до ногтя...
Жжёным щебнем присыпано знамя
На древке, а древко — как культя.

Срокам зла ещё длиться и длиться.
Срокам братства — курок у виска.
И досрочно гаагские лица,
Для России готовят срока.

Мы не племя — мы имя пожарищ.
Мы — донецкие в аэропорту.
Каждый павший при штурме товарищ
Сталь конструкций сложил по хребту.

Но по высшему праву, по зову
Сквозь огонь и бетонный каркас
Русской речью заморское слово
Вышибает восставший Донбасс.

Дух войны — не сиреневый запах.
И у всякого тлена свой срок.
Смертный смрад отползает на запад,
Зыбкой свежестью дышит восток.

* * *

Сокрушаясь от собственных дат,
От накопленных швов и рубцов,
Сердце прыгнуло в свой самокат,
Чтоб вернуться зачем-то назад —
В колыбель изначальных годов.

Там мальчишки не знали ещё
Интернета и прочей муры.
Там Никита Сергеич Хрущёв
К кукурузе народ горячо
Приобщал — от Ухты до Куры.

Долго-долго катил самокат...
Из Афгана, потом из Чечни
Не везли ещё наших ребят,
Как подстреленных влёт журавлят,
В обстановке циничной брехни.

Спелым яблоком пахло в саду
Однорукого деда Кузьмы.
И бродили вразвалку по льду
В середине села на пруду
Чьи-то гуси в начале зимы.

Сердце мчалось... Густые вихры
Развевались на свежем ветру.
От Ухты и до горной Куры
Детворою кишели дворы,
Отворяя ворота добру.

И цвела на меже конопля,
И без умысла сеялся мак.
Сердце билось, как крик журавля,
Рядом с той, что всю ночь у ручья
Ворковала с тобой просто так.

Путь назад — это путь в никуда!
И, не выдержав стресса в пути,
Сердце рухнуло, словно звезда,
В том краю, где его никогда
С самокатом своим не найти.

* * *

Родина стареет вместе с нами,
Вместе с ульем в дедовом саду.
Ей не спится зимними ночами,
Долгими и злыми, как в аду.

Жить бы, ничего не опасаться,
Не зависеть сердцем от беды...

Вьюга за окошком скачет зайцем,
Путая от времени следы.

Родина стареет, как и мама
С мыслями: у всех она в долгу..
До последней клеточки до самой
Горько, что ничем не помогу.

Лучше бы не видеть, не терзаться,
Зоркий глаз не пялить в зеркала.
Что там может в сумрак отражаться,
Кроме мглы от чёрного крыла?

От Камчатки до балтийской чайки,
До кремлёвских башен и зубцов
Я — свидетель и живой участник
Всех её случившихся рубцов.

* * *

Запросто мог бы на дно опуститься,
Бомжем на лавке лежать в подворотне,
Но твоё платье в горошек из ситца
Чар колдовских во сто крат приворотней.

Как и откуда волшебные ветки
Вызрели в девичьих нежных изгибах,
Чтобы нести мои мёртвые клетки
К солнцу за голую плату: спасибо!

Двор клокотал от порочных соблазнов,
Лихо вытряхивал медные гроши...
Ты выручала меня сообразно
Сказке, где вырос до неба горошек.

Время откупоришь — ортодоксальным
Страхом террора скорёжятся лица.
Быть бы и мне бородастым и сальным,
Если б не платье из яркого ситца.

В жизненной драке есть повод напиться
Либо скатиться по скользкой дорожке...
Но, затревожившись, платье из ситца
Ссыплется под ноги горьким горошком.

* * *

Земля, ты уже за холмом,
А мы — на подходе к подножью...
И сумрак виляет хвостом,
И ночь скалит рожу бульдожью.

За Доном гуляет братва.
Опасна привычка — поздниться.
И кем-то помята трава,
И пьян беспробудно возница.

Не двигатель — металлолом,
Машина по брюхо в грязище.
Земля, ты ещё за холмом...
А мы тебя там где-то ищем!

* * *

Ещё до Святков больше, чем неделя,
И с суетой справляешься едва,
А во дворе весёлые метели
Уже поют во славу Рождества.

И тенькают синицы за окошком
Беспечно и без грусти о весне,
С крыльца таская булочные крошки
То к яблоне и груше, то к сосне.

И лёгкое — до радости — волнение...
К метелям, птицам, в заметённый сад
Торопишься на звуки обновления,
Не понимая, а чему же рад.

г. Воронеж

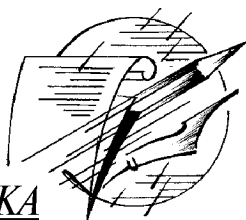
ПО ТУ СТОРОНУ АБСУРДА

7 февраля китайские власти официально заявили о вспышке пневмонии в городе Ухань. 23 февраля о коронавирусной эпидемии заявила Италия, вслед за ней — Испания. 11 марта Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) объявила вспышку нового коронавируса пандемией. Это — официальная картина, но звучат в ней фальшивые ноты.

Отчего-то «новую болезнь» комментируют исключительно СМИ, нагнетая мрак и ужас. А медики, напротив, призывают не паниковать перед лицом «очередного сезонного гриппа» и советуют предпринимать обычные меры профилактики, но их никто не спрашивает и не слышит.

И всё-таки мнение специалистов

19 марта вышел ряд резонансных интервью с итальянским ученым, нанопатологом с 40-летним стажем работы в операционных, профессором Стефано Монтанари, который рассказал, что в реальности непосредственно от коронавируса в Италии умерли всего 3 человека, а официальная статистика смертно-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сти от коронавируса включает в себя другие, тяжелейшие патологии (онкология, сердечно-сосудистые, эндокринные заболевания и пр.) и искажает реальную картину.

Он обвинил политиков в разрушении системы здравоохранения и коррупции («купили 27 млн. доз вакцины от свиного гриппа, которые потом выбросили, а на аппараты ИВЛ денег не было»), указал, что компетенция руководителей крайне низкая («требуют носить маски, которые не защищают от микроскопических вирусов», а «перчатки разрушительно действуют на естественный защитный барьер кожи, ведь у нас очень умная кожа»), заявил, что «нами руководят «капитаны Скеттино».

По его мнению, люди не должны сидеть по домам в страхе и без движения: «Правительство своими мерами крайне вредит здоровью населения. Если человек здоров, а ему говорят, что он болен, то это скажется на его здоровье. И молодёжь, и пенсионеры должны спокойно выходить на улицы, вести свой нормальный образ жизни, двигаться, получать витамин D. Жизнь взаперти убьет больше, чем коронавирус, — хотя, возможно, это и есть цель».

Широкое распространение получила подборка мнений по ситуации с коронавирусом двенадцати известных в мире и статусных врачей из Германии, Швейцарии, США, Израиля, Франции, Дании — Сухарит Бхакди, Вольфганг Водарг, Джоэл Кеттнер, Джон Иоаннидис, Пьетро Вернацца, Франк Ульрих Монтгомери, Хендрик Штрек, Янис Руссель и группы исследователей: Дэвид Катц, Майкл Остерхолм, Петер Гётше — мнение которых отличается от официальной версии СМИ и мемов, распространяемых в соцсетях.

Об искусственном и необоснованном нагнетании паники сразу же заявили и крупнейшие российские врачи: д.мед.н., профессор, зав.кафедрой инфекционных болезней Пироговского медицинского университета, эксперт ООН по биотерроризму Владимир Никифоров; д.мед.н., профессор, отличник здравоохранения РФ, председатель правления Московского городского научного общества терапевтов Павел Воробьёв; президент «Национальной медицинской палаты» доктор Леонид Рошаль.

Также общественный резонанс в социальных сетях вызвало открытое обращение Ассоциации медиков России, которые заявили, что «COVID-19 — это классическое ОРВИ тяжелого течения», и аргументированно раскрыли картину искусственно подогреваемой паники.

Но наше общество так устроено, что, невзирая на то, что никто не может вспомнить ни одного человека из своего ближайшего или дальнего окружения, действительно заболевшего коронавирусом или, не дай Бог, умершего от него, дове-

рие страшным репортажам СМИ — безграничное, а здравые мысли врачей пропускаются мимо ушей.

Пандемия как новая реальность

Для того чтобы разом изменить жизнь планеты, нужен инструмент для одновременной настройки миллиардов человек, некий камертон, создающий единое звучание.

ВОЗ по своему функционалу — всего лишь «департамент здравоохранения» международной общественной организации под названием ООН, но полномочия у неё безграничные. Если в прежние времена она могла только что-то рекомендовать, то поправка в собственный Устав от 2005 г. позволяет ей в чрезвычайных ситуациях издавать уже «приказы», обязательные к исполнению всеми странами.

В 2005 г. ею были также внесены ключевые изменения в определение пандемии — отменены прежние критерии (процент смертности среди инфицированных), введены Международные медико-санитарные правила (ММСП) и шкала из шести фаз возникновения и развития эпидемий.

В 2009 году ВОЗ объявила пандемией свиной грипп (А/Н1N1), но тревога оказалась ложной, приобретённые государствами вакцины негодились, после скандала от шкал отказались, и теперь пандемией объявляют просто «ситуацию угрозы общественному здоровью на международном уровне».

Основанием для этого теперь служит не сама опасность, но всего лишь риск её возникновения, а решение принимается единолично Чрезвычайным комитетом ММСП. На момент объявления Пандемии-2020 во всём мире насчитывалось всего лишь 16000 заразившихся и 4600 умерших, а официальное заявление ничего не объясняло: «ВОЗ круглосуточно оценивает эту вспышку, и мы глубоко обеспокоены как тревожными уровнями распространения и серьёзности, так и тревожными уровнями бездействия. Поэтому мы сделали оценку, что COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию».

При этом в Европе уровень смертности от заражения составлял менее 0,4%, за исключением Италии, где пик смертности условно (с поправкой на неоднозначность подсчётов) составил 6%; но и это в два раза меньше ранее требовавшейся для объявления пандемии отметки в 12%.

«Мир, который мы знаем, перестанет существовать»

30 марта на пике коронавирусной истерии международные СМИ представили миру человека, «который хочет оста-

новить пандемию» — Ларри Бриллианта, о чём он ещё в далёком 2006 г. рассказал на конференции TED.

Конференции TED (от англ. *technology, entertainment, design*) с 1984 г. ежегодно проводятся в США «американским частным некоммерческим фондом». Официальная миссия TED — «распространение уникальных идей»; спикеры — известные всему миру статусные персоны; стоимость билета для слушателей достигает 10 тысяч долларов, а за «желание изменить мир» победителю присуждается единственная премия в миллион долларов.

TED по своей сути является фокус-группой для обкатки глобалистских проектов и площадкой для трансляции новых ценностных установок. Так, например, в 2012 г. там состоялся широко известный скандальный доклад Билла Гейтса о сокращении населения посредством вакцин, а в 2018 г. доклад Мирьям Гейне из Вюрцбургского университета о легализации педофилии.

Доклад Ларри Бриллианта в 2006 г. тоже был революционным: он показал ролик-симулятор несостоявшейся пандемии атипичной пневмонии, описал, как именно будет выглядеть следующая пандемия и припугнул, что *«болезнь начнёт распространяться от страны к стране так быстро, что никто не сможет понять, что их убивает; и менее чем за три недели инфекция распространится повсюду в мире»*.

Он призвал создать «Интернациональную Систему Абсолютного Раннего Диагностирования Болезней» на базе существующей «Глобальной информационной сети общественного здравоохранения» (ГИСОЗ). Её работники, пользуясь китайскими поисковиками (потому что «у опасных вирусов нет задачи появляться среди англо-испано-франкоговорящего населения»), с помощью мониторинга сотен тысяч сайтов на 7 языках *«обнаружили зачатки пандемии атипичной пневмонии, сообщили в ВОЗ, которая ликвидировала её»*.

Но для создания новой системы потребуется увеличить число просматриваемых сайтов до 20 миллионов, а число языков — до 70, создать функцию подтверждения исходящих сообщений, используя смс и мессенджеры, спутниковое наблюдение, визуализацию с отличной графикой.

И тогда появится «система раннего предупреждения, свободно доступная каждому в мире на его родном языке, прозрачная, негосударственная, не принадлежащая определённой стране, или компании, расположенная на нейтральной территории, с резервными копиями в разных часовых поясах и на разных континентах».

Ларри даже придал своему детищу «ценностные» основания, призвав «сделать ГИСОЗ частью нашей культуры и общества и нравственной силой мира», т.е. создать глобальную систему интернет-слежки за населением, «большого брата» и сделать его новой моральной нормой.

Он поведал, что *«ВОЗ разделит развитие пандемии на этапы, и мы сейчас находимся на третьем этапе пандемической угрозы, а когда ВОЗ подтвердит, что мы перешли на 4-й этап, мир, который мы знаем, перестанет существовать»*.

Его описание постпандемийного будущего стоит привести дословно: *«Если пандемия наступит, заразится миллиард людей. Как минимум 165 миллионов людей умрут. В мире наступит спад и депрессия, потому что наша система поставки точно-в-срок и тугая лента глобализации порвётся, и это будет стоить нашей экономике от 1 до 3 триллионов долларов, и каждый ощутит это жёстче, чем смерть примерно 100 миллионов людей, потому что невообразимо большое количество людей потеряют свою работу и медицинские льготы, и что последствия будут просто невообразимыми»*.

Он посетовал, что «всё усложняется тем, что путешествовать становится легче. Не будет самолётов в воздухе. Поднимете ли вы в воздух самолёт, на котором 250 незнакомых вам людей, кашляющих и чихающих, когда вы осознаете, что некоторые из них являются носителями болезни, которая может вас убить, против которой не существует вакцины или антивируса?»

Итак, согласно плану Ларри Бриллианта, составленному в 2006 году, пандемия должна вызвать крах экономики и здравоохранения, самоизоляцию государств, обнищание масс, запрет на мобильность и уничтожение сферы авиаперевозок. Прошло 14 лет и его план претворяется в жизнь.

Жизнь после пандемии

Пролить ещё больше света на столь точные предсказания позволяет ещё один документ под названием «Сценарии будущего и технологии международного развития», детище Фонда Рокфеллера и Всемирного Банка. Он содержит 4 прогноза Питера Шварца, основателя и председателя Глобальной бизнес-сети, использующего в своей работе разработки корпорации RAND, выбор которых, по мнению авторов, цивилизация делает в зависимости от того, какую роль она отведёт в своей жизни технологиям.

Ситуация с нынешней условной «пандемией» очень точно укладывается в сценарий, описанный как «мир более жёсткого государственного контроля сверху вниз и более автори-

тарного руководства, с ограниченными инновациями и растущим отпором граждан».

Стартом этого сценария тоже должна стать пандемия неизвестного вируса, затем возникнет паника людей, массовый ажиотаж в аптеках и магазинах, скупка продуктов и медицинских масок, банкротство авиаперевозчиков, гибель международного туризма.

Далее США откажутся от карантина и не станут запрещать перелёты, что приведёт к усилению эпидемии, но Китай и некоторые другие страны, напротив, быстро введут обязательный карантин, мгновенно закроют все границы, вменят населению обязательное ношение масок, станут проверять температуру тела на въездах в вокзалы и супермаркеты.

Итогом пандемии станет ограничение перемещений граждан, постоянное ношение масок, обязательная термометрия, уничтожение международной мобильности людей и товаров, разрушение экономики, создание системы тотального контроля над перемещениями граждан, состоянием их здоровья и финансов, усиление власти национальных правительств.

После окончания пандемии ограничения и контроль не отменят, мир станет более управляемым, что поначалу будет охотно принято перепуганным населением, обменявшим свои права и приватность на гарантии безопасности и стабильности. Государства расширят сферы контроля жизни, введут биометрические идентификаторы, жёсткоотрегулируют жизненно важные отрасли, повысят порядок и экономический рост, но заблокируют предпринимательскую деятельность.

Развитые страны и компании-монополисты увеличат долю исследований и разработок, строго охраняя связанную с ними интеллектуальную собственность. Россия и Индия введут строгие внутренние стандарты для контроля и сертификации ИТ-инноваций, а США и ЕС совершат рывок в развитии и распространении технологий во всем мире.

Среди запланированных новаций постпандемического общества — сканеры функциональной магнитно-резонансной томографии (ФМРТ) в аэропортах и общественных местах для обнаружения ненормального поведения (антиобщественного намерения); создание новой, «умной» упаковки для продуктов питания и напитков с учётом пандемических угроз; скрининг здоровья как обязательное условие для выхода из больницы или тюрьмы; технологии дистанционного присутствия для групп населения, чьи поездки ограничены; собственные независимые региональные ИТ-сети национальных государств, имитирующие брендмауэры Китая с разной степенью контроля правительств.

Но со временем строгость множества жестких правил станет вызывать неудобство и недовольство даже у сторонников стабильности и предсказуемости, что вызовет в странах бунты против правительств и установленных ими национальных границ.

Как видим, сценарии идентичны: вирус — как угроза, страх — как мотиватор, тотальный контроль — как ложно понимаемое благо. Итог — неограниченная власть планетарного масштаба для тех, кто в сценариях стыдливо именуют себя филантропами, но являются главными режиссёрами.

В январе 2020 г. генсек ООН назвал «четыре угрожающих миру всадника Апокалипсиса» — «высочайшую геостратегическую напряженность, климатический кризис, растущее глобальное недоверие, темную сторону цифрового мира» — и четыре шварцевских сценария из проекта фонда Рокфеллера идеально вписались в них.

Право на номер вместо имени

Главная роль в сценариях отводится технологиям — в 2017 г. крупнейшими транснациональными структурами был создан «Альянс ID2020». Он реализует в рамках «Целей устойчивого развития 2030» ООН глобальный проект «ID2020».

Цель проекта — наделить каждого человека на планете цифровым идентификатором (ID). Руководство Альянса намерено «действовать стремительно» и охватить максимально большое количество людей.

В «Манифесте» Альянса говорится, что идентификация является «фундаментальным и универсальным правом человека», а потребность в ней названа главной проблемой 1 млрд. человек. Получение ID (присвоение человеку числа вместо имени) представляется авторами как базовое, неотъемлемое право личности, т.е. создаётся новая «ценность», квази-сакральность, позволяющая выводить понятие из-под критики и стигматизировать оппонентов.

Единая планетарная система должна объединить и оцифровать персональные данные жителей всей планеты и присвоить каждому из них «свой уникальный пожизненный номер». В ID должны войти все сведения о человеке: паспорт, образование, адрес, место работы, финансы, здоровье, биометрия, которые будут храниться в распределенной базе данных при помощи технологии блокчейн.

В пилотном режиме «Проект ID2020» уже успешно отработали с бездомными города Остин и с беженцами из Мьянмы в Таиланде.

ID — это номер человека, отменяющий его имя, данное при рождении. На Нюрнбергском процессе по итогам Второй мировой войны присвоение человеку номера **признали преступлением против человечности**, не имеющим срока давности.

На ежегодном саммите «Альянса ID2020» в Нью-Йорке в сентябре 2019 г. при запуске совместного проекта с правительством Бангладеш было озвучено ещё одно важное предназначение ID — контроль над **обязательной вакцинацией** каждого человека, которой занимается ГАВИ.

Неизбежность тотальной вакцинации

Основателем ГАВИ (Глобальный альянс по вакцинации и иммунизации) является «Фонд Билла и Мелинды Гейтс» в партнерстве со Всемирным банком, ВОЗ и производителями вакцин; его цель — обязательная вакцинация каждого новорожденного ребенка в развивающемся мире.

Индустрия вакцин неоднократно была поймана за руку на сокрытии опасных последствий прививок, связанных с их составляющими и токсичными консервантами — таких, как аутизм, поражения кишечника, нервно-мышечные деформации, онкология и стерилизация.

Фонд Рокфеллера совместно с ВОЗ занимались в 1972 г. вакцинацией против столбняка в Никарагуа, Мексике и на Филиппинах. Как потом выяснилось, входивший в вакцину хорионический гонадотропин человека или hCG в сочетании со столбнячным токсином вызывает прерывание беременности. Также нельзя забывать общеизвестный факт, что основой всех вакцин являются abortивные материалы, т.е. клетки убитых нерождённых младенцев.

В январе 2010 года на Всемирном экономическом форуме в Давосе Билл Гейтс объявил, что в течение следующего десятилетия его Фонд выделит 10 млрд. дол. (около 7,5 млрд. евро) на разработку и доставку новых вакцин для детей в развивающихся странах. В том же году на закрытой конференции TED в своей скандально известной речи «Обновляясь к нулю!» он проговорился, что намерен с помощью новых вакцин, здравоохранения и услуг в области репродуктивного здоровья уменьшить население мира на 10—15 процентов.

В 2017 году в СМИ появлялись материалы о том, что «Билл Гейтс финансирует возможность новых пандемий в мире». В октябре 2019 г. в Медицинском центре Джонса Хопкинса в Балтиморе, штат Мэриленд (в котором провели первую в мире операцию по смене пола) он продемонстрировал *симулятор пандемии*, сопроводив словами, что некий «новый грипп»,

подобный возбудителю «испанки» 1918 г., начнется с востока Китая, «убьёт 65 млн. человек, поэтому правительства мира должны заранее готовиться к этому так же серьезно, как к войне». А вскоре COVID-19 впервые появился в Ухани.

Считается, что Билл Гейтс оставил свою главенствующую роль в компьютерной индустрии и переключился на «борьбу с эпидемиями», но становится всё более очевидным, что на данном этапе он всего лишь обеспечивает конвергенцию двух ключевых механизмов контроля общества.

Вероятно, сокращение населения планеты будет происходить помощью давно подготовленного «противоядия от вирусов», введение которого станет, по требованию ВОЗ, обязательным для каждого человека, и реализовываться в национальных государствах это будет пусть даже и насильственно, но «*исключительно в интересах всеобщего благополучия*».

В январе 2020 года на дискуссии об эпидемиях, организованной Массачусетским медицинским обществом и Медицинским журналом Новой Англии, Билл Гейтс рассказал, что время от времени где-то возникает новая смертельная болезнь, после чего она начинает стремительное движение по всему земному шару, и что опасность нарастает из-за того, что патогенные микроорганизмы всё быстрее мутируют, что разработкой инфекций занимаются военные, и возникают утечки вируса из лаборатории, а биотеррористы готовы к атакам. Также очень плохо, что люди любят путешествовать на самолетах, прыгая с континента на континент в течение нескольких часов. Как видим, ключевые позиции снова те же.

Нынешняя «пандемия коронавируса» — не первая попытка поставить человечество под контроль: 11 лет назад несостоявшаяся «всеобщая новая большая чума» — эпидемия «свиного гриппа» в Мексике (А/Н1N1, самый умеренный вариант гриппа за всю историю) была лишь «пристрелкой, позволившей авторам увидеть все пробелы сценария и успешно поработать над ошибками.

Тогда развитые страны в итоге просто подарили ВОЗ никому ненужные вакцины (Франция — 91 из 94 млн. закупленных доз, Великобритания — 55 из 60 млн., а также Германия и Норвегия). Другими словами, государства оплатили производство опасных вакцин, а ВОЗ на правах филантропа «безвозмездно» передала их бедным странам, несмотря на то, что наибольшую угрозу в бедных странах сейчас представляют сердечно-сосудистые заболевания, а не вирусы.

Но вакцинация — это ещё и механизм для готовящегося на глобальном уровне чипирования населения, и Билл Гейтс уже поспешил оправдаться в СМИ, что вводимый в человека

нано-микрочип будет «всего лишь позволять ответить на вопросы, проходил ли данный человек тестирование на предмет вируса и была ли ему введена вакцина».

Новая архитектура мира

Генеральный директор ВОЗ доктор Тедрос заявил, что мир должен двигаться в направлении цифровых денег, потому что физические бумажные и монетные деньги могут распространять болезни, особенно такие эндемические, как коронавирус.

Для хранения цифровых денег достаточно цифровой платформы, а для управления цифровым кошельком — удаленного доступа к содержимому чипа, на котором будет записана вся личная информация человека (ID), включая данные о его прививках и финансах.

Превращение человека в цифровую личность делает его крайне уязвимым, максимально зависящим от хозяев мира — держателей цифровых ресурсов, и он будет готов обменять свою независимость на гарантии безопасности.

Кстати, один из четырёх вышеописанных сценариев Шварца предусматривает возрождение феодализма как результат падения потенциала государства, и авторы глобального проекта «Цифровая экономика» ещё с 2017 года буднично говорят о цифровом феодализме как о сопутствующем факторе его реализации.

26 марта 2020 г. состоялся виртуальный (впервые) экстренный саммит G20, который был посвящён борьбе с пандемией коронавируса COVID-19 и её влиянию на мировую экономику. В его преддверии бывший британский премьер-министр, специальный посланник ООН по вопросам глобального образования Джеймс Гордон Браун призвал «для преодоления двойного медико-экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19», официально оформить «глобальный чрезвычайный орган» с громадными полномочиями — мировое правительство — и включить в него ООН, а также пополнить для этой цели счета Всемирного банка и Международного валютного фонда.

Ранее Браун уже выступал с аналогичным призывом в ситуации экономического кризиса 2008 г., а ВОЗ, от имени которой он выступает, и без того уже именуют частью мирового правительства.

Главная задача глобальной элиты, которую в данном случае представляет Браун, очевидна — погружение мира в ужас и панику перед угрозой непобедимой эпидемии, нагнетание психоза и создание ситуации, когда люди сами потребуют

создания такого «старшего брата». К тому же, борьба с пандемией сулит неплохие дивиденды: страны G20 договорились для преодоления её последствий вложить в экономику 5 трлн. долларов.

Выступая на саммите, генсек ООН Антониу Гутерриш продолжил эту линию, заявив, что для победы над коронавирусом лидеры стран «двадцатки» должны разработать совместный план «военного времени»: подавление распространения вируса, минимализация экономических последствий и построение в будущем более устойчивой глобальной экономической системы.

На фоне мистики и сакральности

Эпидемия в Италии не сходила с новостных полос всемирных СМИ — *«переполненные морги, не справляющиеся с нагрузкой крематории, непрерывно звонящие по погибшим церковные колокола, военные грузовики, куда-то увозящие по завершим от ужаса улицам Бергамо 65 гробов с телами для кремации»* — сеяли панику и ужас в сознании людей.

Провозглашённый ВОЗ режим пандемии и введение карантина в национальных государствах усугубили информационное давление на людей: в ограниченном пространстве жилищ основным источником знаний и эмоций становятся ТВ и интернет, а массовое сознание отключает логику как рудимент.

По «странному» совпадению, в конце 2019 года в эфир вышел сериал «Мессия», в котором демонстрируется приход в наш мир антихриста. А социальные сети наполнили приметы «последних времён», которые «уже открылись, подтвердились, проявились». Все эти детали тоже гипнотизируют общество и лишают сил — что толку сопротивляться, если всё давно предсказано и просто начинает сбываться?

Шок — прекрасное средство для утраты самоконтроля. Принятие очевидно «противозаконных» законов — убедительное основание для отказа человека от сопротивления абсурду. Внезапно свалившийся на человечество карантин во всех национальных государствах имеет единую природу и единый сценарий: закрытие границ, маски-перчатки, ограничение передвижений, одномоментное уничтожение среднего и мелкого бизнеса, моментальный слом образования, тотальное разрушение экономики.

Примерно то же самое, только без принудительного ношения масок и общенационального домашнего ареста, Россия уже проходила в период пресловутой «перестройки». Автор-

ство сценариев и их цели ясны, только масштаб поменялся: прежде слаба была одна Россия — сегодня вместе с ней вся цивилизация.

Множественные шоки, которые сегодня испытывает общество в любой точке земного шара, в какой-то момент, по законам физиологии, должны привести его к превышению порога чувствительности и лишению способности сопротивляться. И тогда оно, успокаивая себя извечным «худой мир лучше доброй войны», будет готово на все навязываемые условия, лишь бы этот кошмар наконец-то прекратился. И, как в современном постпандемичном Китае, общество согласится на цветную маркировку обязательных отныне личных QR-кодов (красный, жёлтый, зелёный — в зависимости от заражённости); безропотно станет сканироваться при входе в торговый центр на предмет «антиобщественного намерения»; сдаст в общую базу данных свои «пальчики» и прочую биометрию; смирится с тем, что не сможет больше летать и ездить за пределы страны — ведь «общая безопасность дороже»; тотально провакцинируется и станет гнать от себя, как чумных, тех, кто этого не сделает (хотя любому ясно, что опасен как раз провакцинированный как носитель полуживых бактерий); полностью перейдёт на цифровое образование и телемедицину — *«ведь вирус постоянно мутирует, защититься от него невозможно и нужно думать о безопасности всех»*.

А потом, когда запертые в своих границах страны, каждая на своей территории, жёстко и последовательно отстроят в рамках спущенных инструкций максимально зарегулированный цифровой мир, произойдёт последняя, общемировая «оранжевая революция», которая отменит национальные суверенитеты и создаст «единое свободное планетарное государство с мудрым и милостивым правителем». Впрочем, об этом сказано не только в глобалистских сценариях.

Сегодня всё человечество, пожалуй, уже почти убедили, что оно, по умолчанию, само во всём виновато, и теперь должно искупать свою вину безоговорочным подчинением. И начнётся процесс подчинения с перехода на доставку продуктов, лекарств и еды исключительно по интернету, покупку в сети новых видеоигр, кинофильмов и онлайн-курсов, перепрофилирования всех ателье на пошив медицинских масок и их гослицензирование.

Под шум страшилок об «ужасном коронавирусе» глобальный капитал снова стремительно обогащается и вводит тотальный цифровой контроль за всеми.

СЕАНС ГИПНОЗА

ПОВЕСТЬ

1

Мы звали его Николаем Северьяновичем, хотя он ходил еще в студентах. Среди нашей братии он особо не выделялся, вел себя тихо, незаметно, даже чересчур незаметно, словно опасался, что своим присутствием кому-нибудь помешает. Из-под белесых, еле обозначенных ресниц и бровей иногда показывались, может быть, серые, а может, и голубые глаза. Мы боялись в них смотреть: он был гипнотизером. И он уже лечил самостоятельно, об этом писали в институтской газете, печатали благодарственные письма больных. Николай Северьянович публиковался даже в «Научных трудах» наравне с профессорами. Но главное состояло все-таки не в этом, а в том, что он был гипнотизером.

К вечеру, когда общежитие оживало, на длинных, обитых цинковой жестью кухонных столах почти впритык лепились электрические плитки с кастрюлями и сковородками. Шкворчанье жарившейся картошки, бульканье супов и шей, гейзерные выплески под потолок из шипящей утробы пшенинных кондеров — всё это перекрывалось непрерывными шутка-

ПРОЗА

ми, смехом, нередко и песнями, любители водились на всякий манер. Появлялся на кухне и Николай Северьянович. Здоровался он непохоже на всех: размеренно и безразлично, каким-то сглаженным потусторонним голосом — тотчас отпадала охота балагурить. Какая бы толчея ни была и как бы ни занят был стол, и ему, и его плитке место всегда находилось.

Федурков, мой однокурсник, влетел как-то на кухню и забалабонил с порога:

— Ребята, какой он гипнотизер! Блондины не бывают гипнотизерами. У него даже голос, как у бабы... Да и вообще, все это для слабаков. Я бы никогда не поддался! Чтобы меня какой-то блондин...

Скалясь, Федурков намеревался отпустить что-то покрепче, но увидел Николая Северьяновича и парализованно замер.

— Федурков, смотри, какая река! — Николай Северьянович указал на цементный пол, замызганный ногами, в потеках скипевшего варева. — Ты вспотел... У тебя грязное лицо... Ты хочешь умыться... Подходи. Вот берет! — Николай Северьянович снова ткнул рукой под ноги Федуркова. — Снимай рубашку... Сейчас ты освежишься... Рубашку повесь на куст, вот сюда, сюда. — Рубашку Федурков бросил на раковину, заваленную картофельными очистками. — Вода холодная... Вода очень холодная... Вода ледяная... Умывайся!

Федурков опускал руки в воображаемую воду, плескал в лицо, фыркал и кричал от удовольствия, вздрагивая, поджимал живот, будто по телу стекали ледяные струи.

— Теперь побрызгай на плечи... на грудь... Вода холодная. Ты уже остыл... Холодная вода... Пробирает до костей.

И посиневший Федурков дрожал, выстукивая зубами.

— Надо растереться. Хорошо растереться... У тебя в руках полотенце, растирайся.

Федурков гонял воздух, ничего в руках у него не было, однако от напряжения бугрились бицепсы, орудовал-то он по-настоящему.

— Становится теплее... Всё теплее... Исчезают мурашки... Теплее... Всё теплее... Тело начинает гореть. Становится жарко. И хорошо.

— Ху-ух! — блаженно выдохнул Федурков.

— Ты устал... Приятно устал... Пойдешь в свою комнату, пойдешь спать... Встанешь через час. Ровно через час, через один час... Проснешься бодрым и отдохнувшим... Проснешься бодрым... Иди!

Пораженный увиденным, я то ли подумал, то ли произнес:

— С ума сойти!

Николай Северьянович взглянул на меня, и в тот же миг я ощутил потерянность и пустоту, знать, настал и мой черед

умываться. К счастью, Николай Северьянович заговорил, обращаясь ко всем, а не ко мне лично:

— Не обязательно иметь черные глаза. Гипнозом каждый может овладеть, было бы терпение... И, пожалуйста, по этому поводу не трогайте Федуркова, слово иногда — страшнее яда.

Напротив общежития, перейти лишь трамвайные рельсы и несколько шагов шоссевого полотна, находился парк, не нынешний, проглядный со всех сторон, а еще прежний: с зарослями желтой акации и прочего кустарника выше человеческой головы. Днем в парк на игровые площадки приводили детишек, по вечерам он тоже не пустовал, ведь только в нашем общежитии, ни мало, ни много, а жило больше шестисот человек, так что было кому прятаться в кустах. Имелось и у меня там укромное местечко, откуда я однажды увидел, как Николай Северьянович, остановившись прямо на аллее, не скрываясь, целовал девушку. Заметила их и моя Люся. Будь вместо Николая Северьяновича кто-нибудь другой, я не обратил бы внимания — в парк приходили не одними звездами любоваться. А подруга Николая Северьяновича еще так заливисто смеялась, что это вконец сбило меня с толку.

— Она же должна спать, а не хохотать! — И для ясности сообщил Люсе: — Помнишь, про гипнотизера рассказывал?.. Ну да, который на кухне... Это он.

— Говорят, будто гипнотизер может отгадать чужие мысли. Это правда? — Люся поторопилась спрятаться за дерево и, схватив мою руку, потянула за собой: — Слушай, он издал нас не загипнотизирует?

Люся была из педучилища. Как и всякому человеку, незнакомому с медициной, ей всё там казалось и загадочным и одинаково страшным. А мне перед нею хотелось выглядеть авторитетно, потому я и заявил категорически:

— Не бойся... На расстоянии гипноз не действует. — И для весомости прибrehнул: — А что касается узнавания чужих мыслей, то в принципе такое не исключено. Всему можно научиться.

После окончания института Николая Северьяновича оставили на кафедре ассистентом. В первый год работы он защитил кандидатскую диссертацию, о нем написали даже в областной газете. У студентов никто, пожалуй, не имел более высокого авторитета, чем Николай Северьянович. Воображение подогревалось еще и тем, что он был вроде как свой, и к его успехам мы считали себя причастными, все-таки жили в одном общежитии, на одной кухне бока обивали. И уж что-то, а попасть в группу к Николаю Северьяновичу мечтали многие. На это и я втайне надеялся, не за горами следующий

курс, где придется изучать психиатрию. Хотелось не просто заниматься у Николая Северьяновича, чего греха таить: не прочь был бы научиться от него гипнозу.

Когда в институте вывесили объявление о демонстрации гипноза, понятное дело, пропустить такого я не мог. Заранее примчался в аудиторию, и правильно сделал: вскоре студентам мест не хватило, стояли в проходах. Вначале Николай Северьянович говорил о физиологических основах внушения, о применении гипноза в медицине, затем на больных показал различные методики. Всё, что он делал, было ошеломляюще: до какой степени один человек может подчинить другого!.. Неожиданным оказалось и то, что желающих овладеть гипнозом Николай Северьянович пригласил на кафедру, через два дня назначил первое занятие.

В тот же вечер Федурков, любивший поиздеваться, глянул на меня и расхохотался:

— Смотри-ка, и этот в гипнотизеры метит!

Я был рыжий, без кепки на улице не показывался, хотя и кепка мало спасала: голова полыхала костром — не ухмыльнувшись, мимо редко кто проходил. Так что издёвка Федуркова имела основание, и я огрызнулся:

— Никуда не мечу!

— Кому-нибудь говори. Я-то насквозь вижу, — не поверил Федурков.

— Да не ты один такой. Всё общежитие на гипнозе помешалось. Такие тихони стали, через губу просто так не плюнут — все под Николая Северьяновича.

Забыв о его насмешке, я посочувствовал:

— Между прочим, ты тоже мог бы гипнозом овладеть. Николай Северьянович всех приглашал, значит, и меня, и тебя в том числе.

— Ну-у, старик! — осердился Федурков. — Зачем же так примитивно? Я все-таки личность, в стаде я не могу. А тут, сам видишь, стадо сбивается. Это не по мне.

От Федуркова можно было ожидать, что он против гипноза: при случае над ним всё же подтрунивали, его «купание» на кухне в секрете не осталось. Но я совсем не ожидал, чтобы и Люся не одобрила мой выбор.

— На что это тебе? Чтобы людей обманывать?

Мне такое и в голову не приходило:

— Как обманывать? Я ж не фокусником стану, а психиатром. Буду лечить душевнобольных.

— Всю жизнь — с шизиками! — насторожилась она.

Как было бы просто, если бы Люся училась в мединституте. Не пришлось бы ее вразумлять:

— Да это только тебе страшно. А врачу — какая разница? Что больной воспалением легких, что больной шизофренией — для врача одинаково.

— Ну, не скажи. С кем поведешься...

Мне это напоминало анекдот. Предложили девушке работать в психбольнице, встретила она доцента и поделилась с ним новостью, а заодно и своим опасением, будто врачи сами потом становятся... с приветом. «Ну, это выдумки, — успокоил ее доцент. — Я вот, к примеру, двадцать пять лет работаю психиатром, у профессора и вовсе тридцатилетний стаж, а он такой же нормальный, как и я. Не верьте, мало ли что наговорят, это научно не доказано». — «Да я, в общем-то, согласна», — сдалась девушка. «Вот и отлично! — заключил доцент и признался: — У нашего профессора кое-какие странности есть, он считает себя Наполеоном. Но вы ему не верьте. Наполеон — я, я один. Двух Наполеонов быть не может...»

Рассказав байку, я дал волю смеху и, конечно же, не удержался от подначки:

— Сходства не находишь?

На мой смех Люся не откликнулась. Скорее всего, я ее обидел, потому что в ответ услышал сказанное с укором:

— Смотри, как бы сам не превратился в очередного Наполеона. Будет тебе «научно не доказано».

Я не предполагал, что на первое занятие явится столько желающих. В учебной комнате все не поместились, и Николай Северьянович вывел нас в коридор. Не знаю, кто как, а я боялся, что он возьмется проверять на пригодность к гипнозу, устроит отсев, за милую душу попадешь в чёрные списки, издевок потом не оберешься.

А Николай Северьянович поступил безобидно, он назвал с десяток книг, которые необходимо было прочитать к следующему разу, с тем и отпустил. Это уж после я узнал, что этих книг на всех бы и не хватило, но не все за ними и кинулись. Затем потянулись однообразные занятия, конца им не было видно, и нашего брата поубавилось намного, усаживались за двумя столами. Не раньше чем через полгода нам было позволено провести самостоятельный сеанс.

Мне достался больной хроническим алкоголизмом. Задача состояла в том, чтобы доверительно побеседовать с ним, узнать, что из спиртных напитков он преимущественно употребляет, потом уж приступить собственно к гипнозу и внушить отвращение к алкоголю. Николай Северьянович настойчиво советовал не добиваться гипнотического сна, получается это не сразу, здесь немаловажен опыт гипнотизера, его авторитет и, не в последнюю очередь, личность гипноти-

зируемого. Я и сам знал об этом, читал, но всё равно очень хотел, чтобы мой пациент оказался гипнабельным «художественным» типом, тогда дело сладится проще.

Наконец дверь гипнотария закрыта, тускло светит красная лампочка, в полумраке четыре койки, под ногами ковровая дорожка, напротив, за столиком, выложив на него руки, обреченно сидит мой больной. Также обреченно сижу и я. Мне нужно начинать разговор, иначе от тишины мы оба упадем в обморок. А говорить мне нечего, в голове заклинило, по кругу ходит одна и та же фраза: «Дядечка, извини, я не справлюсь». Но сомневаться мне нельзя, потому что голосом выдам свою неуверенность, тогда — всё пропало. Я встаю, прохаживаюсь по бесшумной ковровой дорожке: необходимо собраться с духом, успокоиться, я же знаю, как делать, я даже голос отрепетировал, он теперь такой монотонный, хоть сам засыпай. Говори же скорей, говори! — все команды впустую. Пляжу на растерянного больного, понуро опустившего голову, и какой-то чертик выталкивает на круг новую фразу: «Ну что — допилась?.. Допилась, голубчик». Это меня спасает. Выдавливаю первые слова и знакомлюсь с моим подопечным. Он инженер-железнодорожник, пьет исключительно водку: на Полевой, где стоял их путеукладчик, какие-то неестественные страшные звери за ним по шпалам гонялись и угрожали человечьими головами; никогда не лечился, в том числе и гипнозом.

Мне кажется, что беседовать больше не о чем, доверие достигнуто, пора начинать сеанс. По моей команде больной ложится на койку, поправляет подушку, чтобы было удобно лежать, и я приступаю:

— Закройте глаза. Расслабьтесь... Вам ничего не мешает. Вы отдыхаете... Никаких посторонних звуков вы не слышите. Слышите только мой голос... Только мой голос... Приятная слабость разливается по вашему телу... Слабеют ноги. Слабеет туловище. Слабеют руки... Голова становится тяжелой, вдавливается в подушку... Тяжелеют веки. Веки будто свинцовые. Свинцовые веки... Вы их не сможете открыть... Веки свинцовые, попробуйте открыть, вы не сможете!

Больной даже не пошевелил веками. Гипнотический сон! — пронзает меня радостью и хочется кричать от счастья, получи-и-лось! Но я уже умею управлять собой, ровным не изменившимся голосом продолжаю внушение:

— Ваши руки тяжелые. Руки налиты свинцовой тяжестью. Не сможете их поднять... Руки тяжелые, не поднимете! Попробуйте поднять...

Никаких попыток шелохнуть руками. Да это же сомнамбулизм, мне повезло, самая глубокая стадия гипноза. Пер-

шит в горле, нестерпимо хочется кашлять. Во что бы то ни стало надо сдержат кашель, помешаю ведь, не должно быть никаких лишних звуков. Чувствую, становится жарко, по лицу течет пот, сам я какой-то одеревенелый, даже пот боюсь смахнуть, вдруг что-нибудь нарушу. Забываю про кашель, довожу до конца формулу внушения, кажется, ничего не упускаю. Наваливается слабость, нет сил даже говорить. Я своего достиг, остается лишь вывести из гипноза. И тут вспоминаю, что, внушая тяжесть в теле, нужно было считать, чтобы затем под счет начать пробуждение. Делать нечего, оговорю сейчас:

— Вы слышите мой голос... Вы хорошо спите лечебным гипнотическим сном... Мой голос и мои слова — для вас закон. В следующий раз, услышав мои команды, заснете быстрее... Сейчас я разбужу вас, и вы проснетесь бодрым и отдохнувшим... Буду считать до пяти, и вы проснетесь... Раз — сонливость проходит... Два — вы пробуждаетесь... Три — тяжесть уходит из вашего тела. Можете теперь пошевелить руками и ногами... Четыре — почти проснулись. Открывайте глаза! Вставайте!

Увлечшись, я забыл проследить, как исполняются команды, и теперь только заметил: больной не открыл глаза, не встал. Как лежал, так и лежит. Стало не по себе: вогнал в глубокий гипноз, а вдруг не выведу? Я взял больного за руку, попробовал повторно внушить:

— Мои слова для вас — закон... Открывайте глаза, просыпайтесь!

Недовольно морщась, больной выдернул руку, повернулся набок и захрапел на весь гипнотарий.

Сдосады какими только словами я себя ни крестил. Сомнамбулу захотел, вон твоя сомнамбула дрыхнет без задних ног. За две минуты беседы рассчитывал достичь доверия, раз алкоголь, вроде и говорить с ним не следует. Внушал, чтобы ничто постороннее не мешало, а у самого голова была забита чёрт знает чем... Как бы больной не понял, что заснул не гипнотическим сном. Для него ничего необычного не произошло, пусть думает, что побыл под настоящим гипнозом. Значит, необходимо спокойно разбудить и коротко внушить: в следующий раз заснет по моей команде и будет слышать мой голос. Ничего другого не внушать, слова гипнотизера должны подтверждаться, чтобы не возникло недоверия, и, главное, не жалеть времени на беседу, как следует расположить больного к себе.

2

На коллективный сеанс с двумя, а то и четырьмя больными, как это делал Николай Северьянович, я всё никак не отва-

живался, боялся перепутать, кому что внушать. Еще не мог более или менее свободно управлять собой, приходилось следить за каждым словом, быть расчетливо монотонным не только в голосе, но и в походке, иначе бы одно изменило другое, — всё это выматывало похлеще уморной физической работы. За каких-нибудь три часа пребывания в гипнотарии тело наливалось глухой усталостью, поневоле самому приходилось испытывать самую что ни на есть «свинцовую» тяжесть в руках и ногах, которую я с легким сердцем наваливал на своих пациентов. Неплохо было бы решиться на коллективный сеанс: как бы высвободилось время, смог бы принимать больше больных и, что не менее важно, самому хотелось попробовать, ведь это было посложнее того, что я уже умел.

Однажды все-таки нацелился осуществить свое намерение. Моего прихода ждали четыре женщины, троих я уже знал, бывали раньше; с четвертой, неизвестной, большой предстоялознакомиться. Новых пациентов Николай Северьянович советовал принимать в последнюю очередь. И это было резонно. Пойти на прием к врачу — не для всякого человека простое дело. Если рассудить, то явка к врачу означает психический слом, когда сам уже не способен бороться с недугом и идешь не меньше как сдаваться, открывать, хочешь того или нет, абсолютно постороннему человеку такие тайники души, в которые и сам не всегда без опаски заглядываешь. Совершая такой шаг, невольно испытываешь страх, что вполне естественно, и понятный интерес: а кто он, этот врач, и можно ли ему довериться? А уж пойти к гипнотизеру — вовсе боязно. О чём только ни передумашь.

Но вот окажется человек впервые перед дверью гипнотария, сидит, ждет своей очереди, не упуская из виду, о чём говорят и как ведут себя те, кто уже побывал там, где происходит что-то такое, поверить во что и фантазия не помогает. Сидит он, значит, чутко и настороженно приглядывается ко всему, как вдруг замечает: только что говорившие люди ни с того ни с сего присмирели, их разом накрыло общей дремотой и обездвиженностью. Он, конечно, видел, не мог не видеть, что случилось это после того, как над дверью гипнотария загорелось: «Тихо! Идет сеанс гипноза». Не успевает он и подумать, а уже самого начинает клонить ко сну, хотя истинная причина происходящего ему неизвестна. В этом, собственно, и заключается апробированная подготовка больного к первой встрече с гипнотизером: своими глазами увидеть результат, избавиться от сомнений. Такого порядка придерживались не одни мы, начинающие, но и сам Николай Северьянович, уж ему-то труда не составляло поступать иначе,

слухи о нем в городе не умолкали, и больные стремились к нему, как к кудеснику.

В моей же голове засело желание, во что бы то ни стало попробовать коллективный сеанс. Начал даже подтравливать себя: «Или сейчас — или никогда. Решайся. Когда-то же все равно начинать. Ну, уважай себя, решишь!» И, нарушив привычную очередь, позвал-таки первой незнакомую больную. Если ей не потребуется особое внушение, которое нельзя проводить при посторонних, то раздумывать не следует: на сеанс пригласить всех сразу, разом и освоить эту сложную методику, тогда казавшуюся мне вершиной мастерства.

В общем, готов был перешагнуть этот трудный для меня и оттого не менее желанный рубеж. Так бы оно и случилось. Но пришлось отложить свое намерение до иных дней, мне это стало ясно, как только увидел новую больную.

Нельзя было понять, куда и на что глядели ее остановившиеся глаза. Она медленно и тяжело подавала записку, затем так же скованно опускала освободившуюся руку. Почудилось, что она попросила: «Помогите...» Но это мне только почудилось, потому что ее губы были бездвижны, и на лице по-прежнему ничего не ожило, не шелохнулось. Если бы в это время ее фотографировать, делая десятки снимков, то друг от друга те фотографии невозможно было бы отличить!

Со временем мое удивление перед необычными больными несколько поутихло, хотя удивляться было чему, ведь в гипнотарий шли не за лекарствами, а за словом. Здесь лечили словами, взвешивая и отпуская их так же строго, как в аптеке сильнодействующие медикаменты. Обнаружился и еще один парадокс, к которому трудно было привыкнуть. Любой человек, а врач тем более, обязан чувствовать чужую боль, иначе как же люди друг друга поймут? Так-то оно так, но стоило отдаться сопереживаниям, как голос делался неуправляемым, менялся ритм внушения, какие-то пути мешали быть уверенным и непрекословным — и сеанс гипноза не удавался. Выходило, что для пользы дела сопереживать нужно было вроде издали и без видимого участия — такое в голове не укладывалось.

И вот, похоже, снова не отрешиться от помехи. Скованность пришедшей женщины пристала ко мне, навалилась ошутимым грузом. Женщина всё еще находилась у двери, а я боролся с собственным онемением, так что не сразу предложил ей сесть. Я видел, как медленно она шла, как долго глядела на стул, как гнула неуправляемые ноги, как тяжело и безысходно села. И опять послышалось: «Помогите...» Нет, ручаюсь, она ничего не произнесла, это мне лишь показалось.

— Фамилия ваша? Имя-отчество, пожалуйста, — приговившись записывать, я надеялся успокоиться, пока заполню положенные графы в журнале, пока то да се, разлад мой кончится.

Но записывать было нечего; пациентка молчала. «Немая, что ли? Или вовсе глухая? Тогда — как?» Помнится, в прочитанных книгах я ни разу не встречал, чтобы гипнозом лечили подобных больных. А женщина, скорее всего, на самом деле меня не слышала, в ее напряженно застывшей позе ничего не изменилось. Не зная, что и делать, на всякий случай решил спросить ее письменно, авось удастся. На столе, кстати, оказался вчетверо согнутый тетрадный листок, и я его схватил, как спасение. Это была записка. Как я о ней забыл? Знал же, что сам по себе никто сюда не явится. Вначале нужно попасть к Николаю Северьяновичу, только он решал, направлять или не направлять на гипнотерапию. А так как гипнозом занимался он и еще несколько студентов, то к нам больные приходили уже с готовыми рекомендациями. Иначе и быть не могло, потому что ориентироваться в такой сложной науке, как психиатрия, нам было еще не по силам.

Вот и сейчас передо мной лежало его наставление: «Глубокоуважаемый Михаил Николаевич! — К каждому из нас Николай Северьянович обращался почтительно, больные ведь читают эти записки, на что он, несомненно, рассчитывал. — Направляется на гипнотерапию Надежкина Евдокия Павловна, 38 лет. У нее синдром навязчивых воспоминаний, сопровождающийся бессонницей и резкой заторможенностью. Лечится у нас давно, гипнабельна. Проведите общеневротическое внушение с акцентом на сон. Не спрашивайте: говорить она пока не способна».

3

Дважды в неделю гипнотарий поступал в мое распоряжение. Не трудно представить, какую гордость это вызывало, добился-таки своего, самостоятельно лечу, да еще чем — гипнозом.

Как-то Николай Северьянович полюбопытствовал:

— Ну что — освоились уже?

Кинулся расписывать свои успехи и хвалился бы, наверное, долго, если бы он не охладил меня:

— Это скоро пройдет. — И, заметив мое недоумение, пояснил: — Да вы не пугайтесь: обычная картина. Вначале — страх перед больными, между прочим, страх кончается быстро; потом подольше тянется вот такое увлечение, как у вас, когда кажется, что можешь всё; а затем явится прозрение,

вот тогда и почувствуешь, что бессилён, задыхаешься от незнания и что не лечишь, а только вредишь. Чем раньше такое наступит, тем лучше: отсюда начинается врач. Только недовольство собою заставляет человека думать и сокращать свое незнание, безболезненно никто не растёт.

Всего этого лучше бы он не говорил, потому что в его раскладе я не находил себе подходящего места. Я искал у себя сомнение и недовольство, с чего должно начаться мое настоящее врачевание, и никаких следов не находил. Больных я всё ещё страшился и, что больше всего расстраивало, без меры упивался своими удачами. Взять хотя бы Надежкину. Сколько я ни глушил свое ликование, а заглушить его не удалось: больная в прошлый раз заговорила, заговорила не через месяц и не через неделю, а на первом сеансе. Можно ли остаться равнодушным? Ну что мне с собою делать, если ума не хватает сдерживать эту радость, если и впрямь ощущаешь крылья за спиной, и от этого деться некуда... Надежкина, Надежкина — вспомнить бы имя-отчество. Евдокия, Евдокия, будто бы Евдокия Павловна. Вот же, забыл. Да нет, не забыл. Евдокия Павловна, точно!

Знать бы, спала она эти ночи? А что если не спала? Но мне ни в коем случае нельзя сомневаться, значит, нужно повернуть свои мысли: конечно, спала, спала — и точка. В тот раз она легко вошла в гипнотический сон. Под гипнозом я ее растормозил, заставил говорить. Она и потом несколько слов произнесла, эффект был явным, так что спать должна. Разумеется, спала, и думать об этом нечего. Но не думать тоже не мог. Я упрекал себя в прежней несобранности, доказывал, что в моем новом положении быть таким рыхлым противопоказано. Да и зачем рассуждать попусту — в руках уже был ключ от гипнотария, остальное подняться на третий этаж — всё узнать от самой Надежкиной.

Эти три этажа в другое время я мог бы пролететь мигом, но уже приучил себя подниматься наверх замедленно, через несколько минут предстояла непривычно размеренная работа, ритм которой нужно было обрести загодя. Я ещё не умел быстро перевоплощаться, всё это было нелегким делом и требовало постоянных тормозов, слишком обременительных по моей натуре. Приглядываясь к Николаю Северьяновичу, не замечал, чтобы он особенно менялся, то ли выучка, то ли сама природа таким сотворила его, что он и занятия со студентами, и гипноз проводил, оставаясь одинаково обстоятельным и на удивление ровным. Всё чаще думалось, что гипноз сделал его каким-то механическим, лишил живых человеческих эмоций, и теперь для него всё стало чужим и холодным.

Со мной, видно, тоже что-то происходило, потому что Люся не раз уже намекала на какую-то скуку, бросалась упрекать: дескать, охладел к ней, не люблю, как прежде. Самое странное, эти разговоры я выслушивал почти равнодушно, вроде они меня не касались.

На втором этаже вынужден был остановиться: не было собранности, голова забита посторонними мыслями. Справившись с собой, поднялся затем в гипнотарий. Надёжкиной там не было. «Нет, так нет. Есть другие, занимайся ими», — спешно приказал себе, опасаясь новых раздумий, обременять себя в эти минуты ничем нельзя. И чтобы ненароком не соскользнуть в сторону и не растеряться, а за мной такое водилось, решил загрузить себя коллективным сеансом, на который не раз уже нацеливался.

Сеанс прошёл нормально. Такой новостью срочно захотелось поделиться с Николаем Северьяновичем и заодно попросить его, чтобы направлял мне побольше больных. А последние уводили ещё дальше, гипнотарий уже казался не таким привлекательным, там имелось всего лишь четыре койки. В профессорском кабинете Николай Северьянович нередко проводил массовые сеансы, приглашая сразу человек по двадцать. Неоднократно я присутствовал на этих сеансах, но к себе примеривать их не помышлял, все силы тратились на сдерживание собственных эмоций да на то, чтобы без запинки освоить формулы внушения, приходилось ведь, как школьнику, вечно думать: «Как бы чего не забыть!» Но после сегодняшнего успеха массовый сеанс не выглядел уже несбыточной мечтой. Я поверил, что и он не за горами.

То ли дверь в учебную комнату была приоткрытой, то ли сам был распахнут удачей и не видел ничего окрест, оттого и не заметил, как очутился за спиной Николая Северьяновича.

— Вы некрасивая... Выглядите уродливо... Никто на вас не обратит внимание. Встретится Миротворский, не узнает: вы некрасивая... Вы не будете рвать телогрейку, вы и так уродливы...

Не сразу дошло: Николай Северьянович занят гипнозом. Стараясь не шумнуть ненароком, на цыпочках выплыл в коридор, сел в углу под фикусом и стал ждать, когда освободится мой учитель. «Некрасивая... Уродливая», — ни с того ни с сего пристало к языку. «Уродливая... Некрасивая...» Слова эти начисто лишены были смысла, я их повторял машинально, как привязчивый мотив, рассматривал листья фикуса, башмаками свисавшие над кадкой, а сам безучастно бормотал: «Некрасивая... Уродливая...»

Так же безучастно проводил взглядом вышедшую от Николая Северьяновича женщину в потрепанном, замасленном до

кожаного блеска ватнике и стоптанных, непомерно больших кирзовых сапогах. Ей оставалось два-три шага до лестничного спуска, когда я поднялся, громыхнув табуреткой. Женщина резко обернулась. Я обомлел. Господи, да это же «Неизвестная» Крамского, нуточь-в-точь: что брови, что нос, что губы... Вот тебе — некрасивая и уродливая! Чтобы женщине такое внушать, да еще какой женщине?.. В недоумении направился к Николаю Северьяновичу. А он оглушил с порога:

— Знаю, что вы заходили... Я сам виноват, надо было поднаться в гипнотарий. Не думал, что вы раньше закончите. Ну да не об этом сейчас... Запомните: вы ничего не видели и ничего не слышали. Понятно? Ничего!.. Так нужно. Я вас прошу...

Мне ничего не оставалось, как хвалиться удачей — первым коллективным сеансом. Возможно, что-то неважно говорилось, или по одному виду можно было догадаться, что я вознесся в небеса, потому что Николай Северьянович как-то без охоты слушал меня. Удивляясь самому себе, впервые безбоязненно глядел в его глаза и ждал: он должен порадоваться моему успеху. А Николай Северьянович молчал, и на его почти неизменном лице появилась нескрываемая печаль. Значит, я в чем-то сплеховал.

— У вас есть фотоаппарат? — спросил он.

— Нет. А что?

— Ну вот, когда будет, вы не просто фотокарточки делаете, не тяп-ляп. Порою одна единственная фотография многого стоит!

Не поняв Николая Северьяновича, я еще больше растерялся и вымолвил первое попавшееся:

— Надёжковой сегодня не было.

— Хм-м... — вздохнул Николай Северьянович. — Да вы садитесь. — Он подвинул мне стул. — А что с нею, не знаете?

По правде, меня и самого волновало, почему это она не пришла на второй сеанс. Были мысли, мол, не явилась — и бог с нею, не с милицией же к ней идти. Вертелась и обида: не пожелала лечиться у студента. Приплелись бы и еще какие-нибудь мелкие мыслишки, если бы Николай Северьянович не ошеломил меня:

— У нее на глазах во время оккупации расстреляли сына... С того времени и заболела.

У меня перехватило дыхание:

— Какой ужас!

— Конечно, ужас. А тут у Евдокии Павловны еще скрытный характер, страдает наедине — тоже своего рода горе... Всё это и привело ее в психиатрическую больницу... Как-то еще не поставили кататоническую форму шизофрении, ос-

нования на то были: месяцами молчала, не спала — легко было ошибиться. Случись такое, гипноз был бы противоположен. Так бы и не узнали ничего, это же она под гипнозом разговорилась, и тогда лишь стало ясно, что к чему. — Помолчав, Николай Северьянович с сожалением закончил: — Я так понадеялся на вас.

Я вскочил:

— У вас есть ее адрес? Дома проведу сеанс.

— Нет, кроме как в больнице не советую этим заниматься, дело подсудное. А вот сходить следует. Пожалуй, мы вместе это сделаем. Иначе к вам она отнесется недоверчиво, такой уж человек.

Улица встретила нас устоявшимся морозом, горами снега вдоль тротуаров, высокими вечерними дымами печных труб, во множестве оживших на белых, сливающихся с небом крыш. Машин тогда было мало; в городской тишине далеко слышны охрипшие от затей детские голоса, гулкий морозный звон ведер у обледенелых дымящихся колонок; влетался никого не пугающий грубый мужской или бабий покрик загулявшему мальчонке; где-то почти в небытии, на краю света, повизгивал на рельсах трамвай; а над всем этим самой главной музыкой слышался простуженный гомон отовсюду слетавшихся на ночлег по-хозяйски озабоченных грачиных стай. Падал редкий тихий снег, пухом ложился под ноги.

Николай Северьянович шагал по обыкновению неспешно и, взглянуть со стороны, будто и не шел, а плыл по воздуху, в походке его была какая-то неземная, вселяющая страх неведомость. Чтобы хоть чем-то отвлечься, я начал искать для себя занятие, лишь бы не думать об этой странной ходьбе моего учителя. Разглядывал отливающие синевой сугробы, в вечерних сумерках они то исчезали в общей безграничной белизне, то на свету глыбами вырастали, и в них, засмотревшись, недолго вонзиться по самые плечи. Вспомнил, что за спиной осталась конфетная фабрика, и среди запахов спустившейся с домов угольной гари я пытался уловить сладкие медовые волны. Впереди где-то должен быть костел, доставшийся городу как память об иноверцах, я пробовал отыскать его в неразличимом снежном молоке. Но все мои уловки забыть, что рядом плывет Николай Северьянович, мало помогли, я усиленно не хотел, а все равно видел его таинственную фигуру, непринужденно парившую над пустынной землей.

Так в молчании мы оказались на краю нежилой кручи. Снизу из снежного безмолвия тянуло ледяной стынью и угнетающей бездонностью: сделай шаг — костей не соберешь.

— Вот и дошли, — сказал Николай Северьянович.

Я подумал, что мы заблудились, и он, неспособный на шутку, неожиданно точно пошутил. В самом деле, куда же еще идти? Угнувшись, Николай Северьянович шарил впереди себя ногой, обследовал дорогу:

— Должна быть тропка... А-а, вот она.

Я тоже успел оглядеться. Под бугром, почти как с самолета, виделся дом. О нем можно было догадаться по чернеющим трубам, натканным в тесном беспорядке.

— Идите за мной, — скомандовал Николай Северьянович. Он осторожно начал спускаться, затем на какой-то миг исчез из виду и зачернел далеко внизу. — Не бойтесь, это дети накатали, — звал он меня.

Оттого что Николай Северьянович не устоял на ногах, было особенно отрадно: хоть он и гипнотизер, а съехал-таки, плюхнувшись, совсем как обыкновенный мальчишка. Сам я раздумывать не стал, свалился, как только заскользил, и в мгновение очутился около Николая Северьяновича.

— Отряхнитесь, — посоветовал он, помогая мне подняться.

Даже по тому близкому к войне времени дом выглядел странно: окон в нем не было, зато дверей нагорожено, сплошные двери. В одну из них Николай Северьянович постучал. Прислушиваясь, мы долго ждали, и Николай Северьянович еще несколько раз сотрясал дверь, отчего гремели и дребезжали какие-то железки. Я готов был вернуться и собрался уже сказать об этом, как дверь провалилась внутрь дома. Там в темноте кто-то стоял. Николай Северьянович назвал себя.

Из темноты несколько спросили:

— Вы — вдвоем?

— Да, со мной Михаил Николаевич.

И снова долгое молчание.

— Подождите.

— А-а, — досадливо простонал Николай Северьянович и тут же поспешил: — Ладно, ладно... Мы подождем.

Наконец мы оказались в комнате Евдокии Павловны, на что-то присели, хозяйка опустилась на койку. Чувствуя неловкость за свое появление здесь, я принялся рассматривать стены, оклеенные старыми пожелтевшими газетами, кое-где газеты были вырваны явно на сигарки, оттуда одинаковыми оконцами проглядывали неоштукатуренные красные кирпичи. Кроме рамки с портретом вождя в неизменном кителе и суровой фуражке, стены ничто не украшало.

— Да мы, Евдокия Павловна, узнать, — заговорил Николай Северьянович. — Вы не были на сеансе. Что-нибудь случилось?

Надежкина, глядя мимо нас, медленно и трудно ответила:

— Мне уже лучше.

— Я-то вас знаю, я бы не пришел, да вот доктор... Михаил Николаевич забеспокоился, пришлось показывать дорогу. Доктор заволновался...

Было стыдно. Николай Северьянович выставлял меня чересчур высоко, вел сюда ведь не я его, а он меня. Мало того, еще и доктором величает прежде времени. Надежкина повернулась в мою сторону, я и вовсе не знал, куда себя деть.

— А он не студент? — спросила она вдруг.

В ту минуту самому себе я показался беспомощным и немелким, будто меня вернули в детство.

— Студент, Евдокия Павловна, студент, — неожиданно спокойно и даже радостно подхватил Николай Северьянович. — Студент, конечно. Что ж из того? Вы у меня лечились, когда я тоже был студентом. А теперь Михаил Николаевич на две головы выше, чем я в ту пору.

Это был уже намек, чтобы я не смущался, а держал себя ответственно, ведь «продавал» он меня по высокой цене.

— Вы сами убедились: он хороший гипнотизер. Заснули вы у него сразу. Вижу, вам стало легче... Михаил Николаевич — хороший гипнотизер, он обязательно вам поможет, — и уговаривал, и внушал Николай Северьянович. — На следующий сеанс вы придете к Михаилу Николаевичу... С каждым сеансом вам будет всё легче и легче.

Это внушение распрямило меня, я почувствовал такую окрыленность и такую силу, что мог бы заставить заснуть не только Надежину, но и самого Николая Северьяновича... А Евдокия Павловна безутешно призналась:

— Плохо сплю. Хочу спать, а не могу. Слышу: гремят ведра. Закрою глаза, а они гремят и гремят, а сна всё нет и нет.

Какая-то пружина во мне соскочила с крючка, и теперь было все равно — плохо или хорошо поступаю, но бесстрастно наблюдать эту измучившуюся женщину я не мог. Резко поднявшись, гаркнул:

— Спать!

В глазах Надежкиной мелькнул страх, длилось это всего лишь мгновение, потому что следом веки ее сомкнулись, и она окаменела. Дальнейшие слова я произносил уже в обычном спокойном тоне:

— Вы погрузились в лечебный гипнотический сон... Ложитесь на койку. — Подобрав ноги, Евдокия Павловна свалилась на кровать. Я снял туфли, в которые она была обута, прикрыл ее одеялом. — Вам удобно лежать. Вы расслаблены... Вы слышите мой голос. Только мой голос... Мои слова для вас — закон. Вы продолжаете спать лечебным гипнотическим сном...

Затем последовало внушение, что она реже будет слышать звон ведер, перестанет обращать на него внимание, спать сможет тогда, когда захочет, что состояние ее улучшится, силы восстановятся, говорить начнет без затруднений. Формулу внушения закончил тем, что она проспит всю ночь, утром встанет бодрой и отдохнувшей.

Когда мы возвращались, Николай Северьянович выказал свое недовольство:

— Придется вас отстранить. Я же предупреждал: гипноз разрешен только в больничной обстановке. А вы?.. Знаете, что боксерам запрещается применять свои навыки вне ринга?.. То-то, что знаете. А гипноз — это вам даже не бокс. Это, если хотите, похуже всякого оружия, вторгаемся ведь в психику. Лицо изуродовать — полбеда, а психику?

До конца еще не осознавая своей вины, я догадался, что очень глубоко обидел Николая Северьяновича.

— Простите. Не подумал, что так...

Николай Северьянович молчал. А я пытался представить, о чем он размышляет, отгоняя от себя самую страшную думу: что двери гипнотария передо мною закроются. Столько мечталось, столько сил потрачено, наконец, стало получаться — и уходи вон. От досады не нашел ничего лучшего, как упрекнуть Николая Северьяновича:

— В том, что так вышло, вы сами виноваты. Зачем было внушать Надежкиной, чтобы она в меня поверила?

Вы ее подчинили, это же насилие.

Кто меня тянул за язык? Надерзил, самому гадко. Теперь уж наверняка из гипнотария он меня турнет.

— Вы правы, — неожиданно для меня согласился он. — Я внушал Евдокии Павловне, что вы, будем говорить откровенно, лучше меня. Да, подчинил. Расцениваете это насилием — можно согласиться. Но и сам гипноз, по существу, — насилие и ничто иное. А лекарство, а хирургическая операция — это что, не насилие разве? Всё врачебное — не сладкая пилюля. Почему-то, когда речь заходит о медицине, с языка не сходит благородное словечко — исцеление, а забывается, что это самое исцеление приходит лишь через насилие и не иначе. Это не настолько праздно, как может показаться на первый взгляд. Если брать во внимание одно это пресловутое исцеление, то исцелять может вроде бы каждый, а почему бы и нет? А вот если подумать о насилии, о мере этого насилия, то вряд ли всякому и каждому такое можно доверять. Но это, так сказать, общие рассуждения, философский взгляд. Вот, кстати, тема диссертации: такие неизбитые разработки можно сделать, столько неожиданных вопросов поднять — всё

будет оригинально и сверхнужно. Мне не раз доводилось слышать, как иная мамаша хвалится сыном: мол, он и кошечку задушит, и собачку повесит, у него ни страха, ни боли, у него, дескать, настоящее призвание к медицине. Как видите, бытует и такое представление о нашей профессии. Так что беритесь-ка, разрабатывайте вопрос о мере насилия в медицине. Тогда, быть может, и всем станет ясно, что тому, кто не дрогнув, кошечку придушит, лечебное дело противопоказано. А сейчас ведь как: при поступлении что в медицинский, что в сельскохозяйственный или иной институт — требования всюду одинаковые. Разве так годится? Ну ладно, оставим это... Давайте вернемся к Надежкиной. Показалось, наверное, странным, почему передал ее вам. Больная не рядовая, сподручней было бы мне самому ею заниматься. Так или не так — не знаю. Я исходил из того, что вам когда-то нужно пробовать себя. Больной от этого никакого вреда, вам же — совсем не лишне. И, видите, я не ошибся: сеанс вы провели хорошо.

От радости я готов был выпрыгнуть из самого себя:

— Спасибо, — и, сорвавшись, понес: — Да я и сам чувствовал, что получается... Я знал еще до сеанса: должно получиться.

Николай Северьянович остановил мои восторги:

— Таким грубым методом, как вы начали гипноз, старайтесь больше не пользоваться. Это не физиологично, хотя раньше такое было в ходу, и сейчас за рубежом не пренебрегают, ну это вы знаете, читали. Надо, конечно, помягче, без окриков и ужасов, чтобы лишний раз не травмировать больного.

— Но у меня же не было выбора, — встрял я, оправдываясь. — Вы бы мне не дали.

— Не дал бы, точно, — подтвердил Николай Северьянович. — Простить себе не могу: с Федурковым, помните, на кухне в общежитии, мне ведь нельзя было так поступать. Хотя худо без добра не бывает: после того случая студенты кинулись ходить на гипноз, жалко, не многим хватило терпения, бросили, но и то хорошо, своими глазами увидели гипнотерапию, авось, когда-нибудь пригодится. Врач должен владеть основами внушения, а получается, что всю заботу спихнули на таблетки, пусть таблетки сами лечат, врач тут вроде ни при чем. Разве это правильно? Это же не ветеринария: лошади и корове, положим, безразлично, какими лекарствами их напоят и какой укол сделают. А человек все-таки должен знать, что ему дают, и кто дает, в противном случае затаится недоверие и беспокойство — это, сами понимаете, далеко не лучшие помощники врача.

Поддакнул и я:

— Что там таблетки! За глазами, за руками врача следят. Сам валялся в больнице, испытал. Больные чувствуют и всё примечают: что да как. Важно, с чьей руки таблетка, а то и лекарство не лекарство.

— Вот именно, с чьей руки! — согласился Николай Северьянович. — А Евдокию Павловну я передал вам с тайным умыслом, — вернулся он к прежнему разговору. Было же ясно, зачем он это сделал: хотел дать мне возможность побыстрее освоиться с гипнозом. Что же еще? — Сейчас вы совершаете первые шаги, над вами пока не тяготеют никакие догмы и профессиональные правильности, в сущности, всё пробуется на собственный зубок, и не исключено, что вы лучше меня разберетесь... Да, да. Не хмыкайте. Свежий глаз лучше видит.

Я не верил ни тому, что Николай Северьянович поручал мне столь трудную задачу, ни тому, что я способен ее решить. Всё, чему учили в школе, учат сейчас в институте, и главное — получить из чужих рук любое дело в готовом виде или с определенной подсказкой, не требующей больших самостоятельных раздумий. На сей раз я тоже понадеялся: поинтригует Николай Северьянович, потом и выложит, как поступать с Надежкиной — тем всё и кончится. Поэтому, не испытывая никакого груза на душе, издавек начал разведывать:

— Ну хоть что-нибудь о Надежкиной можете рассказать? Ну хоть про этот склеп, в котором она живет?

— Это, пожалуй, могу, — поддался он. — Евдокия Павловна жила в другом месте. Но там прямо под окном стоит колонка. А так совпало, что во время расстрела она слышала звон ведра, то ли воду кто поблизости набирал, то ли еще что было, не знаю. Но в памяти одно с другим соединилось: металлический звон всякий раз воскрешал всю ужасную картину. Оттого и вынуждена была перебраться в тот амбар — поменялась с кем-то, чтобы ни колонки и даже окон не было. Отключение и звука, и зрения.

Я ждал дальнейшего рассказа. А Николай Северьянович молчал. Я не вытерпел:

— И всё?

— Всё, конечно. От вас я ничего не скрываю, не подумайте. Помочь ей на самом деле ничем больше не могу... К тому же еще и условия, в каких она живет... Впрочем, не одна она такая. Гляньте хоть на эти дома: сколько тут клетушек и пристроек. Раньше улица называлась Мясницкой, мясники и купцы, надо полагать, так не ютились. А теперь война и разруха нагнали народу, кому и убогая крыша над головой — невидаль и благодать. В такой тесноте о каком здоровье можно говорить? Одни керогазы задушат.

К ночи дымы из города убрались, прорезался сухой сердитый воздух. Полновластно и рьяно забирал мороз, даже под шапкой ломило виски. Снег уже не падал, а густым туманным духом висел над уличными фонарями и светился таинственными нимбами. Я вспомнил, что мы не закрыли наружную дверь, когда уходили от Надежкиной.

— Николай Северьянович! Мы же дверь оставили открытой. Околеть недолго — холодина.

Не успел я рвануться назад, как Николай Северьянович потребовал:

— Не ходите туда.

— Почему? Замерзнет же! — удивился я.

— Там есть, кому присмотреть. Не беспокойтесь.

Когда мы заходили к Надежкиной, не зря я подумал, что за дверью кто-то стоял. Николай Северьянович просунулся в сени бочком, предупредительно придержал дверь, пропустив меня вперед. Также впереди себя толкнул он меня и в комнату. Выходит, он знал и еще о ком-то, кроме Надежкиной. Впрочем, какое мне дело. Пусть скрывают, мало ли у людей резонов поступать так, а не иначе.

— Холодно, однако. Проби-ра-ет! — Николай Северьянович поддал меня плечом: — А вы-то сами не околели? Чего молчите? Подозрения замучили? — Он неожиданно рассмеялся. — Я вам объясню... Помните, сегодня на гипнозе была женщина?.. Когда вы в коридоре дожидались.

— Незнакомка.

— Кто-кто?

— У Крамского есть картина «Неизвестная», или «Незнакомка» — кто как зовет... Очень похожа на ту женщину.

— Не обращал внимания... Не задумывался... Хотя, пожалуй, вы правы: какое-то сходство имеется... Так вот Незнакомка, будем ее так называть, недавно прибилась к Надежкиной. Живет без прописки. Вам, слава богу, неизвестно, что это такое — без прописки... Боялась, как бы не милиция, потому и скрывалась за дверью. А еще ваша Незнакомка со странностями: она боится мужчин. Есть такая болезнь... Ну, а теперь пробежимся, что ли? А то я не на шутку замерз.

Уже на бегу закончил:

— Надеюсь, сейчас всё ясно?

Страх перед мужчинами... О такой болезни я еще не читал. Но всё возможно, и такое с человеком бывает. Если уж на любой кишке десятки болезней виснут, то что говорить о психике... Ну ладно, страх страхом, а зачем внушать, что некрасивая и уродливая?.. Всякий раз, когда я собирался спросить об этом Николая Северьяновича, он будто угадывал мои мысли: кидался в очередную пробежку.

Запыхавшись, он подал руку:
— Мне сюда, на Сторожевую, — и напомнил: — Уговор прежний: не видели, не слышали.

4

Люся требовала, чтобы я бросил гипноз.

Никакие уговоры и доводы на нее не действовали, она их попросту не слышала. Говоришь-говоришь, ну, думаешь, после этого и ребенку станет понятно, а она свое: бросай и бросай. Раньше делился с нею своими впечатлениями, советовался всегда, если в чем-нибудь сомневался, а уж когда что-либо не клеилось, мы вместе судили-рядили, как лучше поступить. И вдруг прежнее согласие кончилось. Начал послезивать за собой, чтобы невзначай не вылетело словечко, напоминающее о гипнозе или о моих больных. Люся будто караулила и всякую недомолвку или даже обычное молчание воспринимала с поразительным однообразием:

— Ты опять о своем гипнозе!

Собрались мы в кино на интересный фильм, о котором всюду велись разговоры, так что отмалчиваться и не участвовать в обсуждении было уже неприлично, да и самим посмотреть хотелось. Купили билеты, стали ждать сеанса.

— Ну что, учишься отгадывать чужие мысли? — спросила Люся.

— Откуда ты взяла?

— Так уж и ниоткуда? Молчишь всё время. От тебя теперь слова не услышишь. Ты их боишься, что ли?

— Чего боюсь? — не понял я Люсю.

— Да слов, чего же еще?

Ничего обидного в ее вопросе я не заметил. В фойе набилось много народа, нас отжали в угол. Я грел Люсины руки, глядел в ее близкие глаза и даже в толпе чувствовал, что мы одни, никому до нас нет дела.

— А знаешь, правда. Правда, боюсь слов. Только сейчас начал задумываться над истинным смыслом. Ведь каждое слово имеет свое значение, это мы не замечаем, когда говорим. Изначально слова были конкретны, точны. А мы их утопили в киселе, до смысла не докопаешься. А ведь в слове — весь человек, еще оттуда, из самого далека. И те люди, и их жилища давно уже в земле, от многого и следов не осталось, а слова живут. Но они тоже нуждаются в своих археологических раскопках, чтобы пробиться к истине... Да что я тебе объясняю? Ты же педагог, слова — твой хлеб.

Люся была маленькая, верткая и такая сильная — не дай бог, когда злилась, вытекала из моих рук, как ртуть. Сейчас

она до боли сжала мои пальцы, видно, сказанное мною пришло ей по душе. В ответ я тоже сдвинул ее проволочно-жесткую ладошку и, извиняясь, зашептал:

— Прости меня, я тебя обманул. Слов я не боюсь, поверь, пожалуйста. У меня к тебе столько ласковых слов, ты даже не знаешь. Я боюсь лишь про гипноз говорить: ты почему-то обижаешься. А я не люблю, когда ты меня не понимаешь, так же нельзя... Ну, честное слово! Из-за твоего каприза я не могу отказаться от того, что мне нравится. Иной жизни я теперь не представляю. Ну, пойдем как-нибудь ко мне или к Николаю Северьяновичу на сеанс, ты сама убедишься: бросить гипноз невозможно. Ну, пожалуйста, пойдем... Не требуй от меня невыполнимого...

Я еще бы продолжал говорить, но Люся оттолкнула меня вместе с людьми, подпиравшими со спины.

— Не могу! — заплакала она.

Не помню уже, крикнула Люся это «Не могу!», или в ее голосе послышался испуг, но в тот же миг в расступившейся толпе появился милиционер, и какая-то женщина в лисьем воротнике уже докладывала:

— Товарищ милиционер, вот этот хулиган пристает к девушке. Видите, она плачет... Совсем ничего не боится!

Встретит такой — и убьет, и разденет!

Глаза у моей обвинительницы были потрясающе похожи на лисьи, какие глядели с ее лисьего воротника, такие же стеклянные, из одних зрачков. Видимо, это сходство вызвало у меня улыбку, так как женщина разъярилась еще больше:

— Поглядите на него! Этот хулиган смеется над нами! Товарищ милиционер! Вы его проверьте, может, он сбегал откуда или диверсант засланный. Вот на прошлой неделе...

— В чем дело? — сурово спросил основательный, кряжистый сержант милиции, стоя в отдалении и обшаривая меня взглядом.

— Девушке говорил о словах, — начал я объясняться.

— О каких это словах?

— Товарищ сержант, ну, о самых обычных словах, какими и мы с вами сейчас говорим.

Милиционер недоверчиво ухмыльнулся:

— От обычных слов не кричат.

Боль в плече заставила меня согнуться.

— Пройдемте отсюда, — ласково, как ребенку, сказал мне сержант и крепче подкрутил заломленную руку.

Вперед выскочила Люся:

— Товарищ милиционер! Товарищ милиционер! Отпустите его! Никакой он не хулиган. Мы оба студенты. Он гипнотизер, он о гипнозе рассказывал.

Должно быть, я очень зло взглянул на Люсю, потому что, обомлев, она внезапно умолкла.

— Смотрите, что он с девушкой делает! — во всё поднебесье завопила моя обвинительница. — Люди добрые, она пропала! Он ее загипнотизировал!

В общем, окончилось все довольно благополучно. Составили на меня протокол; за действия, граничащие с хулиганством в общественном месте, получил предупреждение. Пока я подписывал протокол, Люся сорвалась со стула и, грохнув дверь, выбежала из милицейской комнаты. Не обратив на нее внимания, сержант полюбопытствовал:

— Студент, а ты и вправду — гипнотизер?

Я поспешил утвердительно кивнуть.

— Надо же, первый раз вижу живого гипнотизера, — он дружески пожал мне руку. Я невольно поморщился, болью отозвалось плечо. Он улыбнулся: — Ничего, это для памяти. Через неделю пройдет... А девушка твоя, по всему видно, с характером. Бросил бы ты ее, пока не поздно.

Я уже толкал тугую не открывающуюся дверь, как сержант позвал:

— Слышь, студент, вернись-ка.

При мне он порвал протокол и выбросил его в корзину.

Про кино мы с Люсей и не вспомнили. Молча и надуту разошлись. Наступил разлад.

А тут и с Надежкиной, как назло, застопорилось. Бессонницу ее я мало-помалу одолел. Евдокия Павловна даже с виду посвежела и говорила теперь нормально. На этом сеансы гипноза пора бы кончать. Но хотелось помочь ей более существенно, иначе гипнотария ей не миновать, пусть через полгода, пусть через год, а все равно не миновать. Ведь я починил всего лишь маленький винтик в ее сложной болезни, в саму же болезнь она меня не пускала. Когда пробовал вызвать ее на откровенность, Евдокия Павловна тотчас хмуро замыкалась. По этому поводу я пытался растормошить Николая Северьяновича, но он тоже разводил руками.

Конечно, порадоваться было чему: Надежкиной хоть частично, а все-таки я помог, не всякий раз и не всякая болезнь излечивается полностью. Все это я понимал. Но ослепленный первыми удачами в гипнозе, пребывал тогда в таком незрячем состоянии, что не допускал даже мысли, чтобы Николай Северьянович и на дальнейшее не нашел непременно го выхода: бессильным мог быть кто угодно, только не он.

Близился день, когда Евдокия Павловна должна была прийти на последний сеанс, и я отправился к Николаю Северьяновичу за советом. Встретил он меня мрачно, за-был даже поздороваться, склонился над столом. Сдавило предчувствие: ничего нового он не предложит. Уйти?

— Садитесь, — не поднимая головы, буркнул Николай Северьянович.

От отчаяния кинулся я в рассуждения:

— Почему все-таки Надежкина так сломалась? Наверное, и раньше психика у нее была слабой. Миллионы же людей перенесли войну, а ничего — живут. Вон моя мама потеряла семерых из семьи, отголосила, отубивалась, но не тронулась же рассудком, смеется, когда смешно, случись какой праздник, и песни споеет. Почему же у Надежкиной — так бесповоротно? Может быть, она от рождения психически неполноценна?

Пока я говорил, Николай Северьянович пристально с нарастающей печалью глядел на меня. Было не по себе под его взглядом: он меня жалел, как пропащего.

— Всё ли вы знаете о своей матери? Если мать способна засмеяться или песню запеть, считаете, жизнь ее наладилась? Вряд ли... Когда идешь по улице, просто так встречаешь людей, о больнице разве думаешь? Думаешь, что все вокруг здоровы. А зайдешь в поликлинику — не протолкнуться, в стационарах тоже коридоры забиты до отказа. А посмотрите, сколько в городе еще разрушенных домов. Наша с вами Надежкина живет в бывшем купеческом амбаре, и не одна она там, сами видели, сколько дверей. С людьми, кто перенес войну, происходит то же самое, что и с домами. Человека восстановить — не дом отремонтировать. Человека, по-моему, восстановить вообще невозможно, а чтобы в первоначальном виде создать, этого, по-моему, нельзя. Так это мы берем одну войну, другое — не в счет. А кроме войны еще бед — неоглядное море. Вы мало знаете. Вот вы толкуете, что у Евдокии Павловны слабая психика. Но ведь мера воздействия на эту психику была такой колоссальной, не нам с вами судить, неизвестно, как бы мы сами сохранились, случись подобное. Не подумайте, не пророчу ни себе, ни тем более вам никакой беды, но и таким же образом можно поставить вопрос. Вот вам и еще один повод поразмышлять о мере насилия над человеком, о соразмерности этого насилия. Не рубите сплеча. Так ведь, побывав однажды в театре, можно предположить, что и все остальные люди красиво наряжены и ежедневно едят конфеты.

Я собирался возразить Николаю Северьяновичу, что он тоже не во всем прав, человечество или один какой-то народ

не могут пребывать в вечном трауре. Какая бы трагедия ни обрушивалась, со временем всё забывается. Иначе люди от одних слёз давно бы вымерли.

Но возразить не довелось. Вытянув шею, Николай Северьянович уставился куда-то за меня. Я обернулся. Никого не было. Еще раз посмотрел на Николая Северьяновича, он по-прежнему напряженно во что-то вглядывался. Не понимая, в чем дело, я снова обернулся: пусто, дверь закрыта. Прислушался: ни звука. Мы находились в учебной комнате, служившей моему учителю одновременно и кабинетом, всегда здесь было слышно, что делается в коридоре. Еще раз навострил слух: всё тихо.

— Анастасия Никитична, входите, — позвал Николай Северьянович, и моментально раздался стук в дверь.

Появилась женщина, и я удивился ей, как призраку: никого же не было, сам же прислушивался. А она еще больше подстегнула мое удивление:

— Вы сквозь стену видите? Остановиться не успела, а вы уже кличете.

Лишь заметив на ногах вошедшей женщины шахтерские литые галоши, сообразил, почему я не слышал ее шагов в коридоре. Но и Николай Северьянович вряд ли их слышал. А хотя бы и слышал, как он догадался, кто там?

— Анастасия Никитична, проходите, садитесь, — предложил Николай Северьянович. — Можете снять одежду. У нас здесь тепло.

— Дюже на дворе зябко, — пожаловалась женщина и, оглядевшись, села к батарее, прислонив поближе стул. — Нонче не думала и не гадала ехать сюда. Это уж на работе раздавала солому, а в спину как толкнет, прямо под лопатки, чуть было не свалилась. Нешто, кумекаю, корова отвязалась. Глянула — никого близко. Стою как помешанная, не дам ладу, что со мной деется. И не свела бы концы с концами, если б вас не вспомнила. Туточки растуманилось: это же, смекаю, Николай Северьянович меня позвал. Бросила всё и лётком полетела к поезду.

От ее признания стало жутковато: дожил до чертовщины, в телепатию начал верить. Я поднялся, чтобы выйти, подождать в коридоре, пока Николай Северьянович освободится. Но он задержал меня:

— Поприсутствуйте. Увидите сомнамбулическую стадию. — И затем обратился к больной: — Опять плохо?

— Да плохо, будь оно неладно. Иной раз — будто и ничего. А то вот села б и сидела. Такая тяготень, подняться сил нету. Чую, и голова заклекая: ни ворочать ею, ни думать. Я вся

втемеж, как ухожу куда, заместо меня остается колчушка без-
мозглая. Скажи ж ты, заплакала б, а не получается, слёзы
тоже куда-то деваются.

— Что ж, мужа часто вспоминаете? — видимо, специально
для меня выяснял Николай Северьянович, чтобы мне было
понятно, в чем суть дела.

— Заха-арушку? — грустно протянула Анастасия Никитич-
на, и что-то похожее на улыбку промелькнуло на ее лице. — А
как же. Захарушка тямится, тямится, дай бог... Ну а когда
накатится та-та тоска, не буду брехать, тогда ни о чем не ду-
маю, я же говорю: колчушка, она и есть. Тогда, как в потем-
ках, на собственные ноги наступаю.

— Гипноз помогает?

Вопрос показался мне неуместным. Зачем он спрашивает,
не хвалиться же вздумал? А больная вдруг ожила:

— Да я после вас как новая.

— Хорошо, хорошо, — успокоенно произнес Николай Се-
верьянович, встал напротив Анастасии Никитичны. — За-
крывайте глаза, спите. Гипноз вам помогает. Спите гипноти-
ческим сном, спите глубоко... Слышите только мой голос...

Теперь стало понятно: Николай Северьянович спрашивал
больную о гипнозе неспроста, он готовил ее к сеансу.

— Спите глубоко... Слышите мой голос, — продолжалось
внушение. — Ваш муж погиб на войне... Поговорите с ним.
Разговаривайте с мужем! О чем вы его спросите?

Как я хотел, чтобы она не заговорила! Пусть лучше сеанс
не удастся. А он точно не удастся, потому что Николай Се-
верьянович сломал формулу внушения, так быстро погрузиться
в сон невозможно. Но она всё же заговорила:

— Захарушка, как там твои косточки? Ноют. Да где ж им
не ныть, либо ж я не понимаю? И мне, родимый, тучочки тоже
не мёд, всё болею... Что ж, плохо в могилке, скушно?... А да-
вай я у тебя спытаю: много вас там? Ну, хоть не один, и то,
слава богу. Ну, терпи, Захарушка, терпи. Скоро и я приду.
Только опять не свидимся, вот горе. Ты на чужой сторонке, а
мне в свою землицу ложиться. Смекни там, как бы это сде-
лать, чтобы вместе.

— А теперь вы с мужем до войны, он еще живой, — вме-
шался Николай Северьянович. — Вы пришли в гости, вы
сидите за столом. Угощайте мужа!

Лучше бы не видеть, как преобразилось лицо у Анастасии
Никитичны, как она задвигала руками. — Ешь, Захарушка,
ешь... Ах, у тебя ничего нету. Ты ж меня прости, окаянную, на
тебя загляделась... Вот огурчик, вот картошечка, давай и хо-
лодца положу. Плянь, и куриный пупочек тебе достался... А

что ж ты не выпил? Все выпили, а ты не выпил. И ешь, ешь, не погребуй, а то люди, миленький, обидятся: напекли-наготовили, а ты не притронулся.

А больной предлагали уже новое испытание:

— Анастасия Никитична, песню! На празднике без песни нельзя. Пойте!

— Звене-е-ел зво-но-ок насчет по-вер-ки, — высокий до срыва голос вонзился в больничную тишину.

— А что же Захар не поет? Просите, чтобы и он пел, — не отступался Николай Северьянович.

И больная подчинилась:

— Захарушка, пой. Пой со мною... Обнимать потом будешь. Говорю же: потом. Господи, вот неугомонный!

Еще успеем наобниматься, впереди целая жизнь.

— Вам весело? — спросил Николай Северьянович.

Анастасия Никитична разгоряченно откинула бесшабашную голову:

— Ох, и не приснится, как весело!

Дальнейшее внушение Николай Северьянович провел обычно: это было напутствие на спокойную и радостную жизнь.

После сеанса Анастасия Никитична стала и вправду что новой, она даже подтрунивала над собой:

— Это что же я напустила на себя? Я ж, Николай Северьянович, картоху в печку поставила, с неделю туда не заглядывала. Может, она сгорела, а может, досе сырая стоит. Приеду, всю поем. Да хоть с бабами наговорюсь, а то колчушка. Так-то не заметишь, как и зубы высыпятся, — рассмеялась она над своею шуткой.

Я не удержался, спросил:

— Что в гипнозе было — помните?

Не медля, она ответила:

— По-моему, я спала. Я так хорошо спала, как в девках. — Она молодо вскочила: — Ой, мне ж к вечернему поезду поспеть надо... Ну спасибо, Николай Северьянович. Горе что в церковь некогда сходить, а то б я за тебя свечку поставила.

Отвесив низкий поклон, она быстро ушла.

Такой сеанс я видел впервые и, конечно же, был ошеломлен мастерством Николая Северьяновича. Но то, что он совершал с больной, представлялось мне настоящим истязанием, в правомерности чего я сомневался. Да что там сомневался — не принимал наотрез, очень уж всё выглядело жестоко. Вместо успокоения, в чем больная нуждалась в первую очередь, Николай Северьянович принялся заново рвать рану, и без того затянутую на живую нитку. То, что в конце сеанса

он провел соответствующее внушение, и что больной стало легче, в расчет не шло, потому что безжалостен был сам метод. Заряженный такими мыслями, я обрушился на своего учителя:

— Это ужасно. Это бесчеловечно.

— О чём вы? — с поразительным спокойствием отозвался он, всё еще продолжая ходить, как ходил во время сеанса.

— Будто не знаете — о чём? — волновался я. — Разве можно так поступать? Недавно вы говорили о насилии в медицине, учили уму-разуму и сами же потеряли всякую меру. Зачем вам понадобилось истязать больную? Ей и без того, что ли, горя мало?

— А-а, теперь понятно. — Николай Северьянович устало опустил на стул. — Спрашиваете — зачем? А затем, чтобы растормозить и снять напряжение.

Как от боли, я взвился.

— Таким способом?

— А чему вы удивляетесь? Что — слишком жутко? Сверхъестественно? Ну, не больше, чем в самой жизни. Да-да, именно в жизни, не удивляйтесь. Понаблюдайте, как ведут себя родственники, когда в семье кто-нибудь умирает. Они ведь беспрестанно рассказывают, как умерший болел, что говорил, знал или не знал о близкой смерти, а уж о последних минутах — всё до мельчайших подробностей. Плачут, а рассказывают. Казалось бы, зачем, как вы говорите, истязать себя, зачем всем подряд пересказывать одно и то же, о чём и так все знают? Нелогично вроде получается, лучше бы помолчать, поберечь себя и побыстрее забыть... А сны? Когда видят покойников и разговаривают как с живыми — тоже вне логики? Нет, Михаил Николаевич, как раз все это очень и очень логично. Воспоминания лечат, слёзы тоже. Когда тяжело, когда непосильно, тогда и возникает необходимость отреагировать, уменьшить этот самый непосильный груз, чтобы устоять на ногах. Что здесь не так?

В сомнении я промямлил:

— Так-то оно так... Но при чем...

Николай Северьянович перехватил мою мысль:

— Хотите сказать, метод гипнотического воздействия, который вы видели. Это, что ли?.. Но я, поверьте, ничего не изобретал, я воспользовался тем, что было у Анастасии Никитичны. Она сама мне рассказывала: и как говорит с мужем, и как вспоминает довоенное. Всё дело лишь в том, что когда всё это застревает в ее собственной памяти, тогда разыгрывается депрессивный синдром. Я ее всего-навсего избавляю от такого застревания и тем самым от болезни.

Мне было уже стыдно за свои эмоции.

— Желаете знать, как это ей помогает? — продолжал Николай Северьянович. — Обходится одним сеансом. Всего одним, представляете? И год-полтора чувствует себя нормально.

Взыграл и во мне интерес.

— А в первой стадии или когда сон неглубокий, можно такое вызывать?

— Нет, нет. Рисковать не следует: в душу без ордера не войти, вместо того чтобы помочь, можно усугубить болезнь.

И вообще — это опасно, в виде исключения. Для себя пока не планируйте, занимайтесь щадящими методами.

Прощаясь, Николай Северьянович задержал мою руку:

— Не жалете, что пришли?

Уйдя, я долго еще жил увиденным и не скоро вспомнил Евдокию Павловну. Послезавтра — мое время. Надежкина явится в гипнотарий. Что я ей предложу?... А если, как и Анастасии Никитичне, ей тоже разворошить память и раскрыть со всеми тайнами? Опасно? Еще бы...

5

Дни стояли сахарные. Мороз отменный, крутой; солнце — с утра; белизна — зажмуренные глаза не спасают — ослепительна и бесконечна. А небо по-зимнему блекло и праздно, но уже с намеком на легкую веселую просинь — к весне. Идти на занятия в клинику через парк с неузнаваемыми под инеем белыми громадами деревьев было ликующе и непохоже на всю остальную жизнь. Чего греха таить, идти никуда не хотелось, в самый бы раз остановиться, побыть наедине с этим хрустально замершим миром, таким спокойным и таким торжественным, что и не верилось, наяву ли это.

Глазая по сторонам, чуть было не наскочил на прохожего, к стати, успел толкнуть его руками в спину, а то бы на ноги наступил. Приготовился извиниться, но прохожий даже не обернулся. Он стоял. Поэтому-то я и налетел на него. Зашел вперед и вместо извинения ахнул:

— Николай Северьянович, здравствуйте! Вот неожиданно!

Он неузнаваемо, отчужденно посмотрел на меня и, предупредая, поднял кверху палец:

— Тсс! Иней сыплется.

Я напряг слух, однако ничего не уловил. Пригляделся к деревьям — тоже ничего, иней не сыпался. Только по высверкам на солнце можно было догадаться, что воздух насыщен невидимыми бестелесными искрами.

— Я вот, когда бываю в лесу, слышу, как муравьи в траве шуршат. — Николай Северьянович отвел взгляд и так откоро-

венно смутился, будто открыл мне сверхсекретную тайну. — О какой ерунде говорю, простите... Ну, как у вас дела? Как Надежкина?

— Надежкина нормально.

Он ожидающе глядел на меня.

— Спит, разговаривает. Словом, ступор кончился, — зато-ропился я. — Сама говорит, гипноз ей больше не нужен, всё будто наладилось.

Ну, теперь-то рассказал полнее, всё выложил. А Николай Северьянович всё равно молчал. По выражению лица можно было предположить, что он вовсе меня не слушал.

— Я понимаю, это на время, ненадолго. Ей хоть живи около гипнотизера, — начал я излагать более обстоятельно. — Это — только малость, это — не излечение. Сейчас она глубокий инвалид, способна лишь говорить да спать. Ей нужно основательно помочь. — Передохнув, выпалил: — С нею надо как с Анастасией Никитичной.

— Возможно, вы и правы, — вяло отозвался Николай Северьянович и, как что-то стяхнув с себя, резко бросил: — Нет! Нет!.. Не подвергайте ее опасности!

Я посмотрел на часы.

— Извините, опаздываю на занятия. Можно, я к вам загляну, как освобожусь, часов в пять?

— Приходите, конечно. Но то, что вы задумали, я всё равно не разрешу.

В тот день после долгого молчания и намеренного неузнавания друг друга мы с Люсей, встретившись, заговорили. Как ни в чем не бывало, Люся предложила:

— Взяла билеты... Ну, на фильм, помнишь, не посмотрели тогда? Говорят, сегодня последние сеансы. Пойдем?

Стало так радостно, что и обида враз схлынула. Всерьез на Люсю я не обижался, она мало в чем виновата. Тогда в фойе кинотеатра ничего бы и не произошло, не подвернись женщина в лисьем воротнике, — это она шум подняла. И всё это время я делал вид оскорбленного человека совсем по другой причине. Мне хотелось, чтобы Люся пересмотрела свои взгляды и без моих уговоров, сама поняла: гипноз бросать я не собираюсь.

— Пойдем. Разумеется, пойдем. Чего же не сходить? — без задержки ответил Люсе и, улучив момент, чтобы никто не заметил, обнял ее.

— Смотаемся в столовку, перехватим — и бегом. Сеанс в пять часов.

Это значило, что к Николаю Северьяновичу я не попаду.

— Кино посмотрим, успеем потом погулять и к занятиям подготовиться. Я специально на пять взяла, можно было и на

семь, свободно и на девять, но это поздно... Ну, правильно я сделала? — Вид у меня, вероятно, был кислый, потому что Люся забеспокоилась: — Что с тобой? Тебе плохо?

— С чего ты взяла, что плохо? Мне неплохо, даже совсем неплохо. Просто у меня это время занято. Я же не знал, договорился, а теперь неудобно подводить человека.

Люся недоверчиво покосилась.

Я решил больше не хитрить, чего хорошего, заподозрит еще, что обзавелся другой девушкой. Лучше сказать правду. Люся, надо полагать, уже одумалась, не без толку же столько времени не встречались.

— Мне не хочется тебя огорчать, но я договорился с Николаем Северьяновичем и тоже в пять часов. Он будет ждать.

— А ты ему позвони, извинись. Сходишь в другой раз.

Тон у Люси был вполне дружеский, не шершавый, и я не сомневался, что мы друг друга пойдем. Поэтому тут же предложил удобный выход.

— Давай не по-твоему и не по-моему: я сдам билеты, а возьму на вечерний сеанс — побуду у Николая Северьяновича, и в кино ходим. Идет?

Люся круто наклонила голову. Уже изучил: когда она злилась, то будто отключала зрение, глаза ее узились, сверкая сухой слезой, в этих случаях она никуда не глядела.

— Ну подумай, что тут плохого? — я бросился ее убеждать. — Какая тебе разница, на какой сеанс? А мне встретиться вот как надо — позарез. Нужно решить в отношении больной.

— Ненавижу твоего Северьяновича! — взвизгнула Люся. — Ты помнишь про доцента и профессора? Ну, что наукой не доказано, а оба Наполеоны... Ты тоже становишься чокнутым, — явно сквозь слезы, но как больно она меня поддела.

— Сама ты чокнутая! — невзначай сорвалось с языка, ну а дальше я не стал себя сдерживать: — Ты вот упёрлась, дуешься, черт знает на что, а понятия не имеешь, какие у меня больные и чем я занимаюсь. Война поразвалила людей — где те лекарства, чтобы их лечить? Ты даже не попыталась уразуметь: к нам приходят те, кому никакие врачи не способны ничего сделать. Остался один лишь гипноз. Видела бы, сколько людей на ноги поставил Николай Северьянович... Пусть я чокнутый, пусть, мне бы Надежину к нормальной жизни вернуть. А ты ведь и о ней слышать ничего не желаешь. После того, как у нее на глазах сына расстреляли, она жалкий инвалид теперь. Как ей помочь — даже Николай Северьянович теряется, а ты и его: «Ненавижу»!

Распалившись, под конец отрезал:

— На пять в кино не пойду. Пойду мозговать к Николаю Северьяновичу, как дальше быть с Надежкиной. Считаю меня кем угодно, но как будущего врача ты обязана меня понять: я должен помочь больной, потому что это уже всё, больше ей не к кому обращаться.

Не берусь судить, что подействовало на Люсю, она безропотно отступилась:

— Хорошо. Ты только не кричи. Сама билеты обменяю... Но к семи часам чтоб был.

В назначенное время я сидел у Николая Северьяновича. Для начала, как бы для разминки, затеял разговор не о Надежкиной. Я рассказал, как меня арестовывали в кинотеатре, и пустился рассуждать о словах, отчего это люди к ним безразличны, гипноз — не единственный случай, когда слово обретает поистине волшебную силу, и в будничной жизни оно способно окрылить человека. В качестве примера сослался на песню «Священная война», слушать которую без содрогания невозможно.

— Всё так, — поддержал меня Николай Северьянович. — Хотя, если иметь в виду слова, то они в этой песне самые обычные. Ведь и формула гипнотического внушения тоже состоит из обычных слов, но они все к моменту, к состоянию, потому и обладают исключительной силой. Подобное, но неизмеримо в большем масштабе, произошло и с этой песней. Налицо массовый гипноз, когда конкретное слово сливается с возбужденной душой, — вот вам и крылья.

Я продолжал допытываться:

— И все-таки... Почему в обыденной жизни мы так наплевательски и небрежно используем слова? К расхожей копейке относимся с уважением, а слова-то подороже.

— Вот вы сами и ответили. Слова, получается, вроде не свои, потому они без цены и беречь их нет надобности, их лишь бы уметь побольше и полочее расшвыривать, это выдается даже за почетную работу. А когда за словом ничего не стоит, когда сам не веришь в то, что произносишь, от других, можешь не рассчитывать, тоже никакой веры не добьешься. Это как проститутка, торгуя телом, разрушает любовь, так иной человек обращается со словом. Тут я вам никакого секрета не открываю: пустословие в веках считается самой изощренной разновидностью проституции.

Уставившись на меня, Николай Северьянович вдруг распахнулся в такой широкой улыбке, какую я никогда раньше у него не видел.

— Послушайте, что это вы меня за нос водите? Давайте, выкладывайте о Надежкиной... Тоже мне — дипломат.

Настроение моего учителя передалось и мне.

— Под гипнозом спрошу о сыне, выясню обстоятельства его смерти, затем выведу, что было с самой Надежкиной, — лихо выпалил я, так как полагал, во всяком случае судил по хорошему расположению Николая Северьяновича, что разрешение на такой сеанс он даст.

— Ну что ж, теперь давайте я продолжу, — подключился он. — Евдокия Павловна не ответит на ваши вопросы и после возненавидит гипноз и заодно нас с вами как гипнотизеров. Подобный вариант разве исключается?

Такой мысли я не допускал:

— Как это — не ответит? Под гипнозом же!

— Ну и что, что под гипнозом? И под гипнозом не всё можно заставить делать. Если нет доверия, ничего не выйдет, мы ведь только что говорили, что получается, когда нет веры к слову, вот и судите. А Евдокия Павловна не во всем с нами откровенна, она насторожена. Мы думаем: в основе болезни лежит смерть сына. Из этой мотивации исходим, не так ли?.. Если бы дело обстояло только так, если бы лишь в этом всё заключалось, мы имели бы лучший результат, Надежкина для этого достаточно гипнабельна. А то ко мне она ходила не меньше, чем по три раза в год, вероятно, и к вам будет являться ничуть не реже. Значит, внушение не попадает в точку, мы не всё знаем, а у нее есть веские причины что-то скрывать. В такой ситуации идти на взлом психики бесперспективно. Кроме отчуждения, ничего не получим.

Я не предполагал, какой безотрадной ясностью окончится наш разговор. Допускал, что Николай Северьянович станет опасаться самого метода гипноза и что я не справляюсь с ним, так он сам смог бы провести сеанс, о чем я и собирался его просить. Теперь это само собой отпало... Ухватиться бы за какую-нибудь соломинку, пусть она и не поможет, но хоть знать будешь, что путь к спасению не потерян.

— А если всё же без гипноза вызвать на откровенность? Не мне, естественно, а вам бы она открылась? Рискните, попробуйте.

Николай Северьянович разрушил и эту задумку:

— Ходил к Евдокии Павловне домой. Надеялся узнать побольше... А в итоге, сами видите: о ней мне известно то же, что и вам.

Наверное, чтобы хоть чем-то отвлечь и разбавить горечь, в какую Николай Северьянович окунул меня, он перевел разговор:

— Что-то от вас я не слышу об учебе. Какие успехи на других кафедрах?.. Хвостов, значит, нет. Это хорошо...

А сейчас какой цикл проходите?

— Хирургию кончаем.

— Ну и что-нибудь интересное встретилось?

Я рассказал, как недавно больной разоткровенничался о своей жизни, а я часа два или три его слушал, и с какой сердечностью, буквально до слез, потом благодарил он меня, что, наконец, «опростал» свою душу. Он словно предчувствовал: ночью экстренно взяли на операцию, остался там на столе.

Пока Николай Северьянович молчал, я продолжал:

— В первое время не мог спать: так и стоит перед глазами...

А главное, я же, сколько заходил к нему в палату, строчил дневники в истории болезни — и всё бегом, находились дела поважнее. Сказал бы кто тогда — не поверил бы, что его вскоре не станет... Простить себе не могу: где я был раньше?

— Ну что, Михаил Николаевич, сказать?.. Вы всего-навсего студент, от вас мало что там зависело. А вообще от переживаний вас никто не избавит, такова наша профессия: ни домой, ни в гости от больных не уйдешь и за порогом больницы не выбросишь из головы — иначе это не врач.

— Я впервые столкнулся, в сознании не укладывается, как это: человек жизнь прожил, а излить душу некому? Это же такая малость!

— В самом деле — малость, мало отпущено. Лишь дважды люди могут выговориться. Первый раз — когда влюблены, тогда слушают и слышат всё, тогда — полное понимание. А второй — на похоронах близкого человека, уже вослед отдают свою чуткость, — Николай Северьянович глянул на часы, предупредил: — В кино опоздаете. Люся ваша, поди, уже волнуется... Ну а что душу излить некому, то тут мы опять возвращаемся к словам. Не умеем мы ими пользоваться: чаще всего то и делаем, что угрожаем, а чтобы утешить или обрадовать — мы далеко не мастера. Оттого человек смертельно одинок.

Я кинулся возражать:

— Но слова-то не существуют без людей, за словом — всегда человек. Значит, дело все-таки в людях. Возьмите Надежину, ее болезнь — определено не от слов.

— Разумеется, всё так. Но вы не забывайте, Надежиной помогают именно слова. Так что о силе слова мы далеко не всё знаем.

6

На заключительный сеанс Надежкина не пришла. С нашими больными такого не бывало: обычно мы объявляли, что сеанс последний, давали рекомендации на будущее, затем проводили напутственное внушение. Никто из больных

самостоятельно не прекращал лечения, а Надежкина из повиновения вышла, сама бросила.

В первое время выиграла обида: столько труда вложил, столько наволновался и, как ни крути, хоть не надолго, но всё же вызволил из болезни, а она не сочла нужным даже явиться или, на худой конец, поставить в известность. Вслед за обидой исподволь родилось противоположное чувство — облегчение. Евдокия Павловна, как думалось, поступила весьма и весьма разумно, она избавила меня от неловкой ситуации, когда на последний сеанс я и сам не возлагал никаких надежд, повторять же прежнее значило бы лишний раз подтверждать свое бессилие, это каждому ясно.

Но время бежало, появлялись иные дела, иные заботы. И постепенно я начал забывать о Надежкиной.

Напомнил мне о ней Николай Северьянович.

— Соберитесь как-нибудь, навестите Евдокию Павловну, — посоветовал он.

Видя мое недоумение, предложил понастойчивее:

— Понимаю: вроде незачем. Ну а вы все равно сходите. Уверяю вас, ей будет приятно, что вы помните и беспокоитесь. Это ведь тоже лечение.

Конечно, я пошел. Намечал поздороваться, выяснить, как она себя чувствует, передать привет от Николая Северьяновича, на том и закончить визит. А главное, постараться ничего не навязывать, держаться солидно, мол, просто зашел, ради собственного интереса. Назойливость, как ничто другое, разрушает доверие. Твои слова пусть помнит тот, кому они предназначены, а ты сказал — и забыл.

Тогда, ночью, мы не разглядели деревянной лестницы, спускающейся в глубокой снежной траншее. Рядом была та самая накатанная горка, которую мы приняли за истинную дорогу. Сейчас горка была посыпана впившимся в снег шлаком и золою, надо полагать, кто-то здесь уже пострадал: известно, игра продолжается до первой крови.

— Вы? Нет. Не думала... Вы!.. Неожиданно, — Евдокия Павловна захлебнулась словами. — Да проходите, пожалуйста. А я, бывает же, кстати, чай готовлю.

Она усадила меня за круглый шаткий столик, задвинутый в угол, в тот раз я его почему-то не заметил, как не заметил такого же плавающе-шаткого венского стула, на котором, должно быть, и тогда сидел.

— Как там Николай Северьянович, сам не болеет? Что же, много людей на гипноз ходит? Есть тяжелые? Всем помогаете? — словно о родственниках или о близком доме, заинтересованно и тепло расспрашивала она.

Начав разливать чай, Евдокия Павловна вдруг спохватилась, выплеснула заварку в ведро.

— Что же это я вас фруктовым угощаю? У меня есть настоящий чай. Сейчас заварю. Вы какой, крепкий любите?

В то время мои понятия о чае простирались недалеко. За милую душу гожа была любая вода, лишь бы с сахаром, а если и перепадала прессованная плитка фруктового чая, то она уплеталась послаще медового пряника, пускать ее в расход иным образом считалось нелепо.

— Не нужно другой заварки. Мы в общезнании любим с фруктовым пить, — соврал я, пытаюсь удержать Евдокию Павловну от недешевых затрат.

— Нет, нет. Фруктовый — не то. Разве могут сравниться сушеные фрукты с настоящим чаем? Не говорите. — Голубой выдавший виды чайник с ручкой из проволоки перекочевал со стола на горевшую до копоти керосинку. — Это недолго, минута-две — и закипит.

У порога стояли сапоги. Я задержал на них взгляд: сбитые до задников каблукы, ведерные обвисшие голенища с заплатками. Где-то я их видел. А-а, на Незнакомке. Точно.

— Да это одна женщина навевается. Спасибо, отогревает меня. А сапоги, — Евдокия Павловна швырнула их под кровать, — разваливаются. Если б не мои ботинки, сидеть бы нам. Ни ей, ни мне — никуда из дому.

— Вижу, вы вроде неплохо себя чувствуете, — сказал я, несомненно, поторопившись. Но передо мною стояла задача: прежде всего уяснить именно это, и я боялся, что забуду, так и уйду ни с чем.

А Евдокия Павловна, не ответив, принялась расспрашивать меня о нашей семье. Я рассказал, что на войне погибли мой отец и трое братьев, еще трое умерли от голода во время оккупации. Рассказал так же, как мама убивалась, получая одну похоронку за другой, и как теперь тоже частенько плачет, а, не дай бог, встретит кого из друзей отца, то голосит жутко и долго.

Вслушав меня, Евдокия Павловна молча погасила керосинку. Громяхая по дну жестяной коробки, она наскребла ложечку черного чая, опустила в чайник для заварки и начала заливать кипятком, расплескивая его на стол. Я нечаянно взглянул на нее и моментально отвернулся. Она плакала.

— Жалко мне вас, — всхлипнув, произнесла она.

Очевидно, из желания успокоить ее, я понес бодрую чепуху:

— Чего же меня жалеть? Скоро кончу институт. У меня есть Люся — прекрасная девушка. Мы давно дружим и собираемся пожениться.

Евдокия Павловна выпрямилась, вытерла слёзы:

— Это замечательно. Это так замечательно. Дружите да радуйтесь побольше.

— А ваш сын был бы уже такой, как я? — вылетело невзначай, и я испугался, ожидая, что она снова заплачет.

Но она, не дрогнув голосом, предложила пить чай:

— Вы любите вприкуску или внакладку?

— Вприкуску, вприкуску, — поспешил я ответить, так как на тарелке лежало всего три кусочка колотого сахара.

— Что поделаешь, сейчас все любят вприкуску, — и два кусочка сахара булькнули в мою чашку. — Пейте, а то остывает, тогда и чай — не чай.

Я глотал непривычный горьковатый напиток, а сам лихорадочно думал: продолжать или не продолжать разговор о сыне. Жалко было Евдокию Павловну, для нее это мучительно и больно. Само собою, всей глубины я не осознавал и мог лишь приблизительно догадываться, потому что видел, до какого состояния доводит ее эта боль. Конечно, лишнее напоминание о сыне не прибавит ей радости. Но ведь и всякая хирургическая операция не безболезненна, а что делать?

— Вы сахар не размешали, — перекрыла мои мысли Евдокия Павловна и вновь налила чаю.

Пока я медлил, третий кусок очутился в моей чашке.

— А вы? — растерялся я.

— Люблю без сахара.

Вот и моя мама так же, всегда она сыта и всё у нее есть, обманывает, а верить хочется. И я разоткровенничался:

— Евдокия Павловна, представьте, вы очень похожи на мою маму. Нет, не по возрасту, мама постарше, она уже вся в морщинах. А глаза у вас одинаковые, ну точь-в-точь... И мама тоже отдаст последнее, и над чужим горем заплачет, как и вы.

— Ох, Михаил Николаевич. Когда несчастье, все матери похожи друг на друга... У меня муж погиб в Испании, тяжело было, но терпела, работала. А уж как Сереженьки не стало, я и думать о жизни прекратила, если бы не мужнина пенсия, давно бы околела. Да и Николаю Северьяновичу спасибо, вызволил из психбольницы, там, скорее всего, и померла бы, может быть, и к лучшему. Разве сейчас я живу? Не живу, и жить не хочется, так, жую дни и не замечаю, что жую. Верите-нет, а мне не так муторно, когда в бреду начинаю видеть моего Сереженьку, тогда хоть чем-то живу. Потом кончатся силы, попаду на гипноз, образумлюсь немного — вроде затихну; а как опять оглянусь — незачем мне одной. Почему я и вас с Николаем Северьяновичем боялась, отнимите у меня последнее — память о Сереженьке — тогда конец.

— Вы ошибаетесь, во вред больному врачи не поступают, а гипнотизеры — тем более, — я попытался снять ее тревогу.

— Так-то оно так. Не во вред, что тут говорить. Не во вред, конечно. Но и взамен ничего не дадите... Может быть, и покажется странным, но окончание войны для таких, как я, ничего не означает. Я понимаю, прекратились убийства, многие будут счастливы — дай бог, это для других. А для меня всё это время война продолжается и останется на всю жизнь.

Я боялся каким-нибудь неосторожным словом невольно помешать ей и разрушить возникшее доверие. Но искус был велик, и я настороженно попросил:

— Расскажите, пожалуйста, о сыне.

Евдокия Павловна быстро взглянула на меня, улыбнулась:

— А вы всё о гипнозе думаете?

— Ну а кто освободит меня от этого? Все-таки вы моя больная, я вас лечил и должен думать о вас. Что тут не так?

— Да так. Разумеется, так. Просто — к слову пришлось... А о Сереженьке я вам расскажу. Не ради любопытства вам это нужно, я понимаю. Сегодня, когда вы только пришли, представила Сереженьку на вашем месте. Каким бы он стал? Господи, господа... А вас мне жалко, мучаетесь со мною: сумасшедшая — не сумасшедшая, ни туда и ни сюда... Может, вы курящий, то курите, пожалуйста. Муж у меня, правда, не курил. А вот женщина, ну, о которой я вам говорила, сапоги вон ее — она всю дымит. Видите, кругом дырки: бумага кончается, газеты со стен обрывает — это она. Так что я привычная. Курите, если хотите. Ну, а раз — нет, то слушайте. Если буду очень долго, не стесняйтесь, прерывайте, выясняйте, что вам нужно.

До этой минуты у меня была абсолютная уверенность, что стоит Евдокии Павловне полностью открыться, как мы с Николаем Северьяновичем ей радикально поможем. А сейчас взяла оторопь. По силам ли окажется груз, узнать о котором мы так долго и настойчиво стремились?

— Так вам о Сереженьке? Ну всё о нем, наверное, и не нужно. Вам важно, с чего началась моя болезнь, так я понимаю?

— Правильно понимаете, — подтвердил я. — Хотя кто знает, что важно, а что не важно.

— Ну, ладно. Вначале расскажу, если чем заинтересуетесь — спросите... Так вот, осталась я с Сереженькой в оккупации. Не одни мы были такие, многие тогда не успели эвакуироваться. Вам вот тоже довелось под немцами побывать.

— Если бы только это. Наше село находилось на передовой. Месяцев семь или восемь скитались по чужим деревням.

— Сами-то что-нибудь помните?

Я удержался от подробного рассказа:

— Помню бомбежки, пожары. Помню, как опухали с голоду, как валил тиф и как умирали что ни день.

— А расстрелы, а виселицы? — обыденно и бесстрастно уточнила она.

— И это помню.

— В городе всего было побольше и пострашней. Ну, раз сами видели, то рассказывать об этом я вам не стану... Меня, как и других женщин, гоняли на работу. Мыла полы, стирала белье, чистила дороги от снега. На себя надевала всякие тряпки, что похуже, чтобы быть незаметней. А они всё равно схватили, думали, наверное, раз учительница — то и партизанка. Начали требовать, чтобы я назвала какие-то фамилии и явочные квартиры. Отвечала, что ничего мне не известно, а они не верили и избивали. Придешь в себя, а они — снова. Ну, не об этом, болезнь не с этого началась... Ночью выволокли меня из камеры. Повели куда-то, а я совсем не соображаю, обезумела от побоев. Переводчик рядом: «Сейчас ты всё скажешь!.. Сейчас ты всё скажешь!» А что я могла сказать, если и вправду ничего не знала... Потом какой-то двор, какая-то телега. Сереженька зачем-то привязан к оглобле. Кричу: «Сыночек!», а не слышу, что кричу. И Сереженька: «Мамочка!» — вырывается из веревок... «Сейчас ты всё скажешь!» — говорит переводчик. А я как окаменелая. Потом — хлоп! хлоп!.. Сереженька перестал кричать и мякенько так обвис на оглобле... Последнее, что помню: звенит и звенит пустое ведро. И откуда оно взялось?

Затаив дыхание, я сидел и ждал, что Евдокия Павловна разрыдается, бросится рвать на себе волосы, как это делает моя мама. Но Евдокия Павловна душающе молчала, впевнившись глазами в стену.

И чтобы хоть чем-то уменьшить ее муку, я сказал:

— Вы поплачьте. Когда вот так бывает, моя мама всегда плачет. Нужно, чтобы боль прорвалась наружу.

Евдокия Павловна медленно обернулась ко мне:

— Ох, Михаил Николаевич. Вашей матери есть, кому плакать...

Утешить ее было нечем. На самом деле в таких случаях мама, хотя и выла на весь белый свет, исходя голосом до хрипоты и невнятного словесного клекота, всё же находила опору: обессиленно повисала на ком-нибудь из нас, оставшихся в живых, и постепенно затихала, возвращаясь к жизни. Действительно, в одиночку мыкать горе маме не доводилось. Такого спасения у Евдокии Павловны не было. И все равно невозможно представить человека в безвыходном положении, поэтому и кинулся разубеждать Евдокию Павловну:

— Что поделаешь, ваши раны никто не залечит, столько порушено и отнято, не всякий такое выдюжит. И, тем не менее, нужно сохранять то, что осталось. Нужно начинать заново жить. Пусть это будет трудно, невыносимо трудно, но пробовать-то надо. Живут же люди, у кого война тоже отобрала всё, миллионы таких, вам не хуже меня об этом известно. Выходите из своей болезни. Я вам правду говорю: боритесь сами с собой, ну поверьте, это единственный выход. И больше скажу: бесповоротно больным человеком я вас не считаю. Это так и есть. Всё ваше состояние объясняется тем, что вы сами себя заключили в собственную тюрьму. Освободите себя: вы не виновны.

— Я не всё еще вам сказала: есть на мне вина. — Евдокия Павловна глядела решительно и открыто. — Простить себе не могу, почему тогда не шагнула к Сереженьке. Они меня ведь не держали. Лучше бы застрелили... Почему я этого не сделала?.. Сереженьку бы я не защитила, но хоть бы умерла вместе.

И опять она так напоминала маму; об этом я сразу и заговорил:

— Мама тоже проклиняет себя. В оккупации от голода у нее трое умерло, и она простить себе не может, что сама жива. Мама и по убитым и по умершим голосит одинаково: каждый раз казнит себя, что не уберегла всех от смерти. Только мы ее не осуждаем. В чём ее винить?

Я собирался еще сказать, что раньше о маме думал неправильно, будто она живет цельной жизнью с песнями и смехом. Нет, мама жива с одного бока, как подрубленное дерево, силы хватает на несколько веточек да на мелкие листочки до первой бури. Вразмашку теперь ей не жить... И хорошо, что всего этого я не сказал Евдокии Павловне: она и без того плакала, скомканным платком глушила рыдания.

7

У меня с Люсей любовь — будто катание с крутой горы: миг счастливого полета, затем долгое и изнурительное пыхтенье наверх. Пока выберешься на бугор, не один раз дашь себе зарок бросить всё к лешему, а чуть вздохнешь, даже еще не оглядишься толком — и снова готов ринуться под уклон. Дуемся мы друг на друга неделями — это затяжной до отчуждения подъем, а ладим дни или часы — это на крыльях парим с горки.

Люся по-прежнему не принимала мой гипноз и слышать о нем ничего не хотела. Ну а я изменил тактику: если прежде избегал каких-либо упоминаний о своих больных, то теперь

намеренно всё рассказывал — пусть привыкает, деваться ей некуда, смирится. Разумеется, не умолчал о Евдокии Павловне, ведь это был мой большой успех. Мы с Люсей гуляли в парке, кстати сказать, уже несколько вечеров подряд приходили сюда, был мир и лад, об иной бы жизни и не мечтать.

— С Надежиной так откровенно побеседовал, — хвалился я. — Сам Николай Северьянович не сумел этого добиться, а мне удалось. Только не смейся: я уже дошел до того, что болею ее болезнью, теперь Евдокию Павловну я так хорошо понимаю, ну до самого донышка.

Люся прислонилась к дереву, откинула голову, вглядываясь в небо. Я попытался обнять ее и натолкнулся на выставленные жесткие руки.

— Ты чего?

Люся молча отвернула голову, но рук не убрала: теперь силой ее не возьмешь.

— Люсь, ну чего ты обижаешься? Что в том плохого, если я достиг, добился-таки, что могу жить жизнью другого человека? Ты не горячись, ты подумай сначала. Проникнуть в чужую душу, понять ее — это же здорово! Вот ты шутишь, а мне всерьез кажется, что и чужие мысли несложно читать. Надо лишь о людях думать, как о себе, а то и лучше. Ну, ей-богу, попробуй сама, и у тебя получится. Клянусь...

— Ты уже не замечаешь: у тебя суббота за пятницу завалилась, — голос у Люси грустный, ознобный, перед слезами.

— При чём здесь твои суббота и пятница?

— А притом, что идешь со мной, а о сумасшедшей думаешь! — выкрикнула она.

— Надежина — не сумасшедшая! Теперь я ее вылечу! — Готов был грудь разорвать, чтобы доказать ей правоту своих слов.

Люся лихорадочно захохотала:

— Наполеоном становишься!

Глупой настырностью она меня окончательно взорвала:

— Да черт с ним! Я готов хоть Наполеоном, хоть кем угодно стать лишь бы польза была. Как ты не можешь понять: врач должен быть психотерапевтом, а мы хватаемся только за таблетки да за скальпель. Не одни же зубы или живот должен видеть врач, а человека в целом — прежде всего с его привычками, образом жизни, со всем его внутренним миром. Мы еще не доросли до такого понимания. Поэтому больные бегут от нас ко всяким бабками и знахарям... Не отмахивайся, бабки помогают, в том-то и дело. И идут к ним не за каким-нибудь особым лекарством, а за словом. Слышишь, за словом! И ни за чем больше. Слово чудеса способно творить,

ты не хуже меня это знаешь. Так в чем же дело?.. Почему ты меня понять не хочешь? Я еще сам не решил, кем буду, ищу лишь себя: откуда я знаю, не мое ли призвание — лечить словом, трудно сказать, а вдруг я для этого рожден?

И, распалившись, выхлестнул без оглядки:

— Слово понимают все. А если кто не понимает, так это конченный человек, кого никакое образование не спасет.

— Ах, так!.. Узнавай мысли у других, а ко мне больше не подходи. Хватит! — Люся бешено крутнулась и, угнувшись, помчалась.

И от нее, и от меня, наверное, искры сыпались.

Отыди от зла и сотворишь благо... После таких ссор я начинал жить освобожденной жизнью: усиленно, остервенело готовился к занятиям, набирал в библиотеке книг и жадно читал до тумана в мозгу, а главное, без оглядки и сладко, сколько душе хотелось, мог пропадать у Николая Северьяновича. Так что на следующий день я очутился у него и первым делом рассказал о Надежкиной. Выслушав меня, Николай Северьянович забыто уставился вдаль. Я предположил, что он размышляет над тем, какие дать рекомендации, а он удрученно вздохнул:

— Мда-а... Надежкина права: война для нее не кончилась, что правда, то правда. Да если бы только одна война, тогда бы куда ни шло. А то ведь и сейчас не лучше: без войны — война. Неизвестно еще когда трудней: в войну или в нынешнее время. Тогда хоть безысходности не было, враг он и есть враг — всё вроде ясно. А сейчас... — Он осекся и замолчал.

Его рассуждениям я как-то не придавал значения. Меня занимали более конкретные мысли. После того, как побывал у Евдокии Павловны, сгоряча казалось: наконец-то дело в шляпе, теперь я разберусь, что к чему. А потом, поостыв, подрастерялся и толком не представлял, как поступать дальше.

— Ну и что вы предлагаете?.. Ваша тактика? — спросил Николай Северьянович и, уловив мою заминку, подтолкнул к размышлению: — Давайте еще разок подытожим, что вы теперь знаете о больной.

— Знаю-то вроде и немало, да пользы от того... Положим, в гипнозе подступлюсь к самому главному, внушу ей, чтобы реже вспоминала сына. Но ведь она сама страшится забвения, да и мы права не имеем совершать такое насилие. А тут нехстати и казнь на всю жизнь: не погибла вместе с сыном. А в этом случае, чем поможешь?.. Значит, ничего нового с гипнозом не прорисовывается. Короче, с чего начали, к тому придется и возвращаться... Не заговорить войну.

Между тем, я надеялся, что Николай Северьянович отругает меня за беспомощность и, в конечном счете, подскажет, что делать. Ждал и не дождался.

— Да, Михаил Николаевич. Отлучить Надежкину от последней памяти о сыне, пожалуй, несложно. Вполне осуществимо. Но мы на это не пойдем; хотя сам по себе ход выигрышный, а все равно неприемлем. Человек без памяти — не человек. Тут вы, без сомнения, правы. Да и в остальном — вы на правильном пути. В самом деле, не следует мудрствовать и что-либо навязывать. Пусть Евдокия Павловна решает сама, теперь у нее с вами хороший человеческий контакт, а это подчас не хуже гипноза лечит. Да-да. И такое нередко бывает.

Не того я ожидал от своего учителя, потому и начал ворчать:

— Напрасно мы пытали Надежкину, только душу ей разворошили. А зачем? Чтобы выведать какую-то истину? Сдалась нам такая истина!.. Думал, для пользы...

Наговорил бы и еще, если бы меня не прервали:

— Разве это терзание? О настоящем терзании вы ничего не знаете... Давайте все-таки подождем судить окончательно. Мы с вами не хирурги, когда срочная операция означает жизнь или смерть. Мы работаем с психикой, здесь чаще всего торопиться не следует... И другое: хорошему врачу о больном всегда известно больше плохого врача. Хотя я и по-прежнему думаю, что она перед вами так и не открылась до конца, все равно считайте, дело сделано. Теперь с Евдокией Павловной будет ладнее. Выходит, не зря вам я ее передал. Признаться, втайне на это и надеялся: привыкнет к вам, увидит что-нибудь от своего Сережи, потянется к жизни. — Николай Северьянович пытливо взглянул на меня и добродушно сказал: — Что-то сегодня у вас плохое настроение, вы раздражены. И это не только из-за Евдокии Павловны.

Он не звал меня исповедоваться. Я сам, как на духу, рассказал про Люсю.

— Значит, еще один Наполеон, — тихо, будто стыдясь, рассмехался он. — Занятно. Очень занятно... Послушайте, а вы не допускаете, что гипноз тут ни при чем? Может, ваша Люся норовит по-своему сделать?

Хотя я и сомневался, но вступился решительно:

— На Люсю не похоже.

— Ну что ж, вам виднее. — Помолчав, Николай Северьянович спросил: — Как вы думаете, Люся — гипнабельна?

Вот тут сомневаться не пришлось:

— Да ее никакой гипноз не возьмет.

— Нда-а... Значит, и на чужое не реагирует, и слеза далеко. Не задумываясь, я не согласился:

— Насчет слезы — не совсем так, даже наоборот... А еще вбила себе в голову, что я научусь чужие мысли читать. Не разубедить. Смешно, ей-богу.

Николай Северьянович как-то сторонне, издалека поглядел на меня и, пытаясь улыбнуться, неприкрыто вздохнул... Тогда я не придал никакого значения этому разговору, а мой учитель воздержался от советов.

8

Такого еще не бывало: размолвка с Люсей затянулась на несколько недель. За это время мы не однажды виделись, она приходила к нам в общежитие на танцы, но друг к другу мы не приближались, избегая случая оказаться наедине, жили, что называется, независимой раздельной жизнью. Иногда подступало и вовсе тошное, что мы давно уже лишь играем в любовь, что не имеет смысла продолжать эту бесцельную молчанку, не лучше ли собраться с духом, раз и навсегда выкрикнуть «прощай!», а там — на все четыре стороны, к иным берегам, подальше от сомнений и искушения.

С какого-то времени, случилось это незаметно, я стал неожиданно спокойно думать о Люсе. Раньше и вообразить не смел, что бы со мною произошло, если бы, к примеру, увидел ее с другим парнем. Теперь же меня это вроде не касалось, пусть находит кого угодно, вольному — воля. Я даже нетерпеливо ждал, чтобы такое произошло.

И как я, однако, ошибался, полагая, что душа моя по Люсе отгорела и унялась! Всё казавшееся уже решенным и отблещенным от одного ее прикосновения вмиг улетучивалось. Перед собой было стыдно, что я позволял о ней думать равнодушно.

Мы сразу же отправились в парк. Люся никогда еще не была такой радостной и покладистой, решительно она любила меня.

— Я тебе что-то открою. Отныне пусть это станет нашим секретом, хорошо?

Она еще и спрашивала. Да от нее я готов был принять любую тайну.

— Отгадай, какой секрет? Слабо? Сдался?.. Вот он: когда двое мирятся, то всегда первый шаг делает самый умный. Ну, как?.. Ты только не думай, что это просто. Это, поверь мне, очень и очень трудно. Поэтому вот что: если поругаемся, давай соревноваться, кто умнее. Ладно?

— Слушай, да это же наивно. По-моему, лучше совсем не ссориться, — не собирался же возражать, а сорвался.

— Это само собой, я с тобой согласна. И все равно рецепт хороший, ты его до конца еще не понял... Да я не сама такое придумала, это твоя Надежкина.

— Евдокия Павловна? А ты откуда ее знаешь?

Люся смутилась:

— Я не хотела говорить... Она о тебе — как о родном сыне. Ты ведь ее вылечил... Я и не предполагала, что ты у меня такой.

— Ну, это слишком — вылечил! Кто ей поможет?.. Я лишь до конца выслушал, узнал ее горе, и спасибо Николаю Северьяновичу, что надоумил.

— Не скромничай, пожалуйста. Вылечил, это точно, она же теперь без гипноза обходится, да и по ней видно... Представляешь, она на улице караулила, чтобы хоть издали глянуть на тебя. — Люся прильнула к моему плечу и завсхлипывала: — Ладно, всё скажу... Она вчера меня отыскала, к нам в общежитие наведлась. Замечала, что ты все время какой-то потерянный, ходила к Николаю Северьяновичу...

Вот что значит побыть рядом с добрым, хорошим человеком! Даже Люся стала иной. Теперь-то она меня поймет. Что еще мужику нужно?

— Ты бы видел, какая умница твоя Надежкина! — Комкая мои пальцы в маленькой ладошке, Люся никак не могла успокоиться, она и плакала, и смеялась одновременно: — Мы с нею целый вечер вместе пробыли. Она мне столько порассказала... И про сына. И про психбольницу. И про жену врага народа. Ее твой Северьянович тоже гипнозом лечит.

Я не сразу сообразил, что к чему:

— Ты выдумываешь. Какого врага народа?

— Что значит — какого? Представь себе, самого настоящего, зря не арестуют.

Люся выпрямилась, жестко посмотрела на меня. Куда и слезы делись, Люся вмиг превратилась во всегдашнюю Люсю:

— Женушку тоже забирали и напрасно выпустили. Теперь она возводит поклеп, будто ее изнасиловали. Да кому она нужна?.. Твоя Надежкина — тоже хороша, нашла кого пригреть...

9

На моей памяти у нас в селе врагов народа не было. На выселки отправляли, такое случалось. Тетка Криушина с тремя золотушными детьми, сама не лучше, только и славилась бесконечным кашлем, не вырабатывала минимума трудной. Ее сослали, да и то не за какие-нибудь проделки про-

тив Советской власти, а больше для острастки, для поднятия колхозной дисциплины. Еще сослали деда Гобелкина, так он районного уполномоченного, партийного человека, принародно обозвал живодером и кровопийцей, в придачу обматерил его спьяну. Чтобы другим неповадно было, его тоже спровадили подальше. Ну а действительных врагов народа в селе не было. Конечно, разговоры о них велись, но в основном, о ком знали понаслышке, их называли вредителями, на иное язык не поворачивался. Кругом же все свои, и секреты не бог весть какие: как лучше волов запрячь, землю вспахать или косу на бабке отбить. Не велик секрет и во всём остальном, на чём держится крестьянская жизнь.

Впервые безрадостно и как-то тревожно было думать о Николае Северьяновиче. Чёрт его дернул связаться с этой Незнакомкой. Разумеется, он всё знал, недаром таился, иначе к чему предупреждать: «Не видел, не слышал». Чего доброго, и меня заодно потянут; то, что пропалал у Николая Северьяновича, по-разному можно истолковать.

Как это делается, мне уже знакомо. Перед самой высылкой Криушиных мама отнесла им кувшин молока. Так ее потом затаскали, выпытывали, зачем она это сделала, грозились и нас следом отправить. Пережили — не приведи господи. Было время, когда сверстники, не говоря уже о взрослых, сторонились, избегали меня, будто заразы какой боялись набраться. От обиды жить не хотелось, сбежал бы на край света, знать бы только, куда бежать. Но и сам особо не отличался от других, сам тоже из-за боязни не показывался к Криушиным, несколько дней до высылки они прожили без людей, как прокаженные. Беда висела над ними, а страх поселился в каждой хате. Дошло до того, что даже дома взрослые или шептались, или помалкивали: они не доверяли собственным детям и обжитым углам.

Теперь я боялся за Николая Северьяновича, хотя причин к тому не существовало. Перебирая в памяти многих больных, кого он лечил, я ни разу не представил даже, где бы он мог навредить, не такой человек. Но обученность страху брала свое. Я почти не сомневался, что Незнакомка ему так просто не обойдется.

Странное было состояние, тревожное, как перед болезнью. Толком еще не сообразишь, в чем дело, но что-то тебя уже ломает, уже наступило безысходно: ни забыть, ни оттолкнуть. Так и виделось, что окружающим уже о чем-то известно, чего я еще не знал, но до поры до времени они скрывали, ждали какого-то сигнала.

— Ну, как дела, гипнотизер? — Федурков подозрительно смеялся. — С мозгами всё в порядке?

Я отвечал ему, но ответы мои, видимо, не на место ложились. Федурков хохотал:

— Первые признаки уже налицо. Через день-другой — абсолютный клинический случай.

Федурков продолжал потешаться, а ребята в комнате от-малчивались. И всё попадало в болезненную точку: так и есть, им что-то стало известно.

Так прошло несколько потерянных дней, пока не возникла спасительная догадка: ничего же еще не случилось! Ну, Люся узнала о Незнакомке. И что? Не станет же она сексотить? Это маловероятно, исключено, в доску свой человек, можно сказать, жена. Значит, лишь бы Надежкина никому больше не обнародовала. Нужно сказать Николаю Северьяновичу, пусть он ее предупредит. Нечего слюни распускать, надо действовать. Еле дождался перерыва, удрал, не отпросившись у преподавателя. Быстрей к Николаю Северьяновичу, не всё еще пропало.

Переводя дух, остановился перед дверью. В учебной комнате было тихо, возможно, Николай Северьянович — в стационаре, раз у него нет занятий.

— Михаил Николаевич, заходите.

Я вздрогнул: вот же и впрямь через стену видит, колдун.

Случилось что-нибудь или не случилось? — Бросился я разглядывать моего учителя.

Николай Северьянович прежний, спокоен, обрадовался моему приходу. Слава богу, ничего решительно не произошло! Это я навывдумывал... Я почти чувствовал, какая глыба сваливается с плеч, и от необыкновенной легкости подкашиваются ноги. Поспешил сесть.

— Незнакомка... Ну эта, у Надежкиной что... Жена врага народа. Надежкина Люсе сказала. Предупредите Евдокию Павловну, чтобы еще кому не проговорилась.

Ух, чертовски хорошо, сбросил последний груз.

— Незнакомку взяли.

— Куда? В психбольницу?

— Если бы в больницу...

— Почему — не в больницу?

Переспросил машинально с отключенным обманутым сознанием: всё во мне успело затихнуть, всё казалось уже позади.

— Ну, а вы-то — что? Вы же знали. Зачем было связываться? Вы-то сами должны понимать. Не маленький, что ж вы? — Плелось от безысходности, от жалости к Николаю Северьяновичу и к самому себе. Что будет?..

— А что я должен понимать? — Николай Северьянович смотрел на меня пристально, твердо. — Я врач. Мой долг —

оказывать помощь независимо ни от чего... Пленных лечат? Лечат, вы это знаете. Для чего существует Красный Крест — тоже ведь ни для кого не секрет. Так что перед врачом все люди равны; не мы выдумали — древний закон медицины.

Возразить было нечего, но не было и согласия:

— Разве вам других больных не хватало?

— Ну что вы, право. Это же страшно, что вы говорите. Отвернуться от человека, не помочь, когда обязан и можешь это сделать. Ну в самом деле, жутко представить. — Николай Северьянович замолк, прислушался: — Показалось, кто-то под дверью остановился.

Я тоже насторожился, вскочил, чтобы пойти проверить.

— Там никого нет. — И, видя мое беспокойство, он настойчиво приказал: — Сидите! Однажды я вам уже говорил: слышу, как муравьи в траве шуршат. А в коридоре даже дыхание различаю. Так что не волнуйтесь... Вот вы упрекаете, что мне было известно о Незнакомке. Известно, конечно. Мало того, меня вызывал Миротворский, есть такой. Так он предостерегал: муж — враг народа, а муж и жена, естественно, два сапога — пара.

— Даже так!

После моего выкрика Николай Северьянович не отвел глаз, не изменил голос.

— Да, так. К сожалению, так. В нашей жизни всё просматривается, всё — на прицеле. Это пока в неведении, думаешь, ты вольный человек. Куда там! Ну да ладно, не об этом сейчас. Вернемся к Незнакомке... После ареста мужа намыкалась она. На работу нигде не берут, от ворот поворот, куда ни обратиться, а жить-то надо. Хорошо еще, кто-то надумил: прибилась к таким же бедолагам-женщинам, по ночам разгружала вагоны на железной дороге, платили — кот наплакал, обирали, как могли. Кому пожалуешься? Рада и этому, свой кусок хлеба, не милостыня. Ко всему притерпелась, всё бы ничего, если бы не отыскал ее Миротворский, не попытался изнасиловать. Принимать это на веру или не принимать, не имеет особого значения. Также можно не брать в счет, что он вроде бы и раньше за нею ухлестывал и к аресту мужа руку приложил. Лично я в этом убежден: так оно и было. Но пусть даже не всё так, не в том дело. Важно последующее: реактивный психоз, психбольница, ненависть к себе — что женщина и что красивая. Патологический страх мужчин на голом месте не развивается: или попытка к изнасилованию, а чаще всего изнасилование при отягощающих обстоятельствах. Была у нее комнатенка, сбежала оттуда, боялась, как бы опять Миротворский не вломился.

— Вылечить можно? — спросил я и спохватился: кто и где будет лечить, «там» наверняка обходятся без гипноза.

— Нет. Врачи ей мало помогут. О том, что с нею случилось, она должна говорить открыто. И чтобы ее понимали, могли защитить, а не боялись. Душу в жизни лечат самой жизнью. Иначе — обещать загробный мир. Эта жизнь — штука хрупкая. Пока что всюду правит страх. Тут лишь бы выжить, лишь бы остаться... Вот наша Незнакомка — какой из нее враг народа? Что такого она могла совершить? Ее несчастье — приглянулась негодяю, потому и пострадала вместе с мужем. А поддайся, убей в себе человека — и муж бы пошел в гору, и сама бы... Что я говорю? Простите за мерзость. На самом деле — мерзко! Весь ужас, что жертвам фашизма хоть чем-то можно помочь, а как помочь вот такой Незнакомке?

— Сходили бы туда. Поговорили.

Ничего коварного в своем совете я не видел. Если Николай Северьянович прав, то почему бы и не заступиться? Подругому я и не мыслил, тем паче иного не ожидал от моего учителя.

А он вскипел:

— Куда — туда? Куда бы ни пошел — всё равно попадешь к Миротворскому. Ему нужно следы замести, он и замечает. И заметет, будьте уверены... Бесполезно. Меч занесен... Похорошему, Миротворского — самого судить. Да где этот судья?.. Не заблуждайтесь, я ничего не могу, и никто не может. Люди бессильны — вот в чем трагедия... Ну, положим, я пойду. Что сказать? Что он не прав? Схватили без вины? Думаете, помогу? Нет и нет! В лучшем случае самого определяют в сумасшедший дом, это в лучшем случае. Там таких — ого! — вы не знаете. И никто не узнает. Никогда. Истории болезни пишутся так, что через сто лет никаких следов не обнаружишь, там всё по науке.

Мама частенько говаривала: «Вот одно царство для людей гдей-то есть, а тут — нету...» Деревенские мои годы приучили жить украдкой и всего бояться — ни сена заготовить без оглядки, ни отлучиться на базар без спросу бригадира, ни хату побелить, когда хочешь — за что ни возмись, всюду ты хоть что-нибудь да нарушаешь. Поэтому, наверное, платой за собственную трусость у нас, ребятишек, была двойная ненависть к чужому страху, тут мы друг друга не щадили. Привычка срабатывала, сорвался я и на Николае Северьяновиче:

— Зачем тогда всё это мне рассказывать? Чтобы вместе поплакаться? Повздыхать впустую — с тем и разойтись? От этого мы людьми не станем.

От собственной грубости сам содрогнулся. Что это со мной? Никогда бы не позволил. А Николай Северьянович повторил как найденное:

— Верно, людьми не станем. Я и не чувствую себя человеком. Как можно им быть? Подлечишь кого, а его потом истерзают и снова к тебе, и работа — насмарку. Но никому не скажи: подписка о неразглашении... Разве я по собственной совести жил, когда внушал Незнакомке, что она некрасивая и уродливая? Не так ее надо было лечить. Но не было выхода, иначе бы сам подтолкнул к гибели. А я надеялся хоть на время ее уберечь, насильно упрятывал в болезнь. Это же профессиональное преступление — и ничто иное. На днях я узнал, что Надежкину тоже затаскали. Подозревали связь с немцами, ставили в вину, что не эвакуировалась. Что она могла думать, если свои оказались не лучше оккупантов? Вот и вылечи после этого. Нельзя же бесконечно шарахаться от людей. А раз мы шарахаемся, то мы и сами — никто. Человеку никем быть нельзя. Рано или поздно идилия кончается, тогда и спросишь: а кто ты есть?

Мне страшно было всё это слушать. Не исключая, может быть, кто-то так и думал. Но чтобы говорить об этом вслух! Уши закрыл бы. Будь на месте моего учителя кто-либо другой, не ручаюсь, что бы я с ним сделал. Теперь уже очевидно, с такими мыслями Николаю Северьяновичу не сдобровать. Немедленно надо уходить. От греха подальше. Я встал. Николай Северьянович кинулся ко мне, силком усадил на место:

— Не обижайтесь, пожалуйста. Я ведь не вам, я себе всё это говорю. Я так ждал и хотел, чтобы вы пришли. Еще раз молю, не обижайтесь. Мне будет больно об этом думать.

Он протянул руку, судорожно схватил мои пальцы. Затем отстранился, отступил на шаг:

— Повернитесь, чтобы я вас видел.

Пришлось повернуться. Гипноз, что ли, собирается со мною проводить?

— Ну вот, спасибо. Теперь выслушайте и запомните.

Ни в связи с Незнакомкой, ни в связи со мной вам пугаться нечего. Вы тут — ни при чем. Сегодня вы были у меня, говорили о Надежкиной, как ее дальше лечить. Только это. Еще раз повторяю: вам ничего неизвестно. Вы занимались своими больными и — всё. Об остальном ничего не слышали, ничего не знаете.

Зачем он всё это говорит? Бойтся, что продам? Гадко на душе, будто заговор какой. Надо уйти, довольно...

— Посидите, пожалуйста. Еще не всё... Незнакомку зовут Николаева Клавдия Алексеевна. Запомните, совсем нетруд-

но: Николаева Клавдия Алексеевна. Пока об этом — никому. Это вам наказ. Хочу надеяться, когда-нибудь понадобится... Без надежды — ни жить, ни умереть.

В нетерпении я поднялся:

— Могу идти?

— Да, конечно... Хотя... Минуточку еще... Помните наш разговор о мере насилия в медицине? Ну, кошечку — задушить, собачку убить — вот, мол, прямая дорога в медицину. Я вам советовал еще диссертацию на эту тему... Да, да. Значит, помните. Делайте диссертацию. Поверьте, будет здорово. Мера насилия — это ведь не только для медицины, это вообще важно. Характер человека, его должность и мера насилия над другими людьми — ведь это взгляд на человека как такового и на то, что можно и чего нельзя ему доверять. Очень всё это нужно знать, иначе из крови никогда не вылезти.

Я вышел и вернулся из коридора. Надо же, забыл!

— Николай Северьянович, простите. Хотел спросить про Надежкину. Ей-то хоть — ничего?

— Тоже... Их вместе забрали.

— Как?! За что? Мы ее столько лечили...

— Одни лечат, другие убивают. Что еще могу сказать?

Николай Северьянович рывком шагнул к окну, раздвинул шторы. Стало слышно, как воеет ветер. Дребезжали стекла. Будто жалуясь, кряхтели от натуги старые бревенчатые стены. Выстрелами гроыхала крыша... До чего же неприятно на земле!

— А с вами?.. Вас, случаем, не тронут?

Николай Северьянович медленно обернулся:

— Не в том дело: заберут, не заберут. Главное, ничем нельзя помочь. В человеке растоптано человеческое. Как дальше жить?.. Нас приучили быть подлыми. Да, да. Не обижайтесь. И вас, и меня — всех приучили. Вам сейчас жалко Надежкину, а с Незнакомкой вроде так и надо, вроде не касается. Да нет же! Человек складывается из людей. Нет отдельной жизни, всё, что происходит с другими, это же и с нами происходит. А мы?.. Один раз не досказал того, что думал, — дескать, пустяки; другой раз не заступился, мол, не смертельно, время разберется. А в итоге: и там, и там — подлость и предательство. Страх разделил человека на свое и чужое. Только свое больно, а чужое — всегда обойдется, перед чужим горем всегда можно оправдаться. Подлость стала нормой. Бесконечно же невозможно, когда знаешь одно, а говоришь иное, человека в себе таишь, а подлеца выдаешь за истинного человека.

Ото всего услышанного я вконец растерялся. Ничего не воспринимал, бормотал, как помешанный:

— За что Надежкину? Почему ее? Она же только-только на ноги поднялась... Зачем мы тогда бились над нею? Уж лучше бы немцы застрелили... За что сейчас?

— В том-то и дело, что ни за что. От Незнакомки она знала об изнасиловании, в этом вся беда. А теперь ей то же уготовано. Миротворский из рук не выпустит, он уж себя обезопасит. — Николай Северьянович подергал прочные оконные ручки, оглядел задвинутые наглухо шпингалеты: наверное, опасался, как бы ураган рамы не высадил. — Ладно, всего всё равно не выскажешь. Идите. Мне одному нужно побыть... Да, вот еще что. Сюда больше не заявляйтесь. Гипнотарий приказано закрыть. Дали понять, что я под видом лечения организовал политически неблагонадежный приют.

10

Неладная была погода. Рвал, гудел ветер. Заюрило, как зимой. По оттаявшей накануне, но снова заледеневшей земле с наждачным треском неистово и зло вились шершавые языки снега. В парке, где совсем недавно и совсем при иной погоде встретился мне Николай Северьянович, было пусто. Стонали деревья.

Невидимая сила драла, рушила оземь могучие несокрушимые ветви. По живым белым ранам хлопали измочаленные лоскуты древесной коры...

Откуда-то взялась Люся:

— Что ты здесь делаешь? С ума сошел. Простудишься.

— Пусть... Какая разница.

— Что ты сказал? Ветер. Ничего не слышу.

— Как ты могла? Тебе Надежкина доверилась, а ты?

— Что говоришь? Не разобрать.

— Хочешь, отгадаю твои мысли? Хочешь?... Послушай, ты и меня сможешь запродать, как Надежкину.

— Пойдем отсюда. Я вся замерзла.

— Сексотка! — заорал я. — Не подходи!

Вдруг Люся молча вцепилась в меня, сорвала с места и, испуганно обшаривая глазами что-то наверху, поволокла за собой. Когда мы выбрались из веток, она прокричала над ухом:

— Смотри! Вовек не забудешь!

Чугунная скамейка, на которой я только что сидел, была надвое проломлена: на нее упал тополь.

— Не забуду... Уходи! Все!

— Потихе на поворотах...

От бессилия я заскрипел зубами.

Как ни в чём не бывало, Люся привстала на цыпочки и поцеловала меня в щеку:

— Ладно, перебесись. Все равно ты от меня никуда не денешься. Кончился твой гипноз.

11

Этой ночью я не заснул. Измучился, отупел от одних и тех же мыслей. Прикидывал и так, и этак, а концы с концами всё одно не сходились. Надежкина, Николай Северьянович, Незнакомка, как ни отгораживай их друг от друга, сами собой переплетались в единый клубок. Я ни в чём не обвинял Николая Северьяновича. Правда, вчера он высказал столько всего, что и слушать, и думать об этом было страшно. Со мною это впервые, не сталкивался. Я привык, что все и всем бывали довольны, по-иному и представить невозможно. В какой стране живем? У нас не только в принципе, но и на самом деле ничего плохого быть не может. Значит, рано или поздно справедливость восторжествует: первым делом освободят Надежкину, не исключено — отпустят Незнакомку, муж ее хотя и виноват, но она-то сама пострадала. А Миротворского, не исключено, уберут... Но это утешение успокаивало ненадолго. Не было спасу от недозволенных вопросов. Почему от какого-то Миротворского зависит наша судьба? Не секрет, я его тоже боюсь, хотя и не знаю, отчего, и Николай Северьянович перед ним бессилён. Ну ладно, это здесь, здесь, допустим, хозяин Миротворский. А за что вдали отсюда, где нет Миротворского, выселили деда Гобелкина? Что обматерил уполномоченного? Так в селе друг друга матерят на каждом шагу, тот же уполномоченный свою речь тоже не сахаром пересыпает. А тетка Криушина? Больная же, с детьми, муж погиб! Железную дисциплину в колхозе как-нибудь и по-другому можно было наладить. Так она и была, эта дисциплина: воли в ярме позволяли себе больше, чем люди. В чём же дело?.. И я оказывался в таких закоулках, куда не дай бог кому заглянуть. Неужели в меня так же, как и в моего учителя, вселилась зараза сомнения, и нет уже прежней уверенности? Что же будет? Ведь мне за всех больно: за Николая Северьяновича, за Надежкину, за Незнакомку, да-да, и за нее. Но так же нельзя. Разницу между ними я обязан, должен понять. А не понимается... Не найти своего места, не то что раньше, когда всякое место было твоим, везде было хорошо. Теперь — будто выселили из жизни. Куда подевались все краски? Всё серое. Даже солнце после вчерашней бури и то предстало смурым, почти злобным.

Утром Федурков насильно заставил подняться и так же силком потащил на лекцию.

— Дурак, нашел что пропускать! — честил он меня по дороге. — Судебная медицина — не каждый день. Я тебе скажу, такие лекции — лучше всякого концерта. Скажи, что я не прав, скажи. Язык проглотишь от интереса. Куда почище твоей психиатрии, я так считаю... Вот увидишь, еще спасибо скажешь, что не остался в общежитии. Ну, дрых бы. Ну и что? А тут... Да что тебе говорить!

Вместо профессора судебной медицины за кафедрой устраивался улыбающийся доцент Лунев, философ.

— У-у! — загудела аудитория.

Это «у-у!» означало, что экзамены по философии мы уже сдали и, если бы предвидели такой подвох, многие бы не явились, а сейчас весь курс собрался, триста пятьдесят человек — и такой обман.

— Волею случая ваш покорный слуга — на подхвате, — выждав затишье, начал Лунев. И, роясь в бесчисленных листках своей лекции, продолжал: — Судебные медики заняты. Повесился ассистент с психиатрии. Там у них гипнотизёром работал. Я его, к счастью, лично не знал.

Не соображая еще ничего, я вытянул шею, чтобы не пропустить, что будет сказано. Федурков молнией подскочил:

— Николай Северьянович?

— Да, он... Он, — подтвердил Лунев. — Говорят, страдал шизофренией.

Перед глазами выплыли оконные ручки. На них, наверное... Ручки прочные, не зря он их пробовал... Какая, к черту, шизофрения! Он понял: не в силах что-либо сделать. От бессилия, от несправедливости. Совесть не позволила жить, а списывают на шизофрению. Мало самой смерти, надо еще и опорочить.

— Встанем, минута молчания! — предложил кто-то из студентов.

Лунев, как ожидал того, мгновенно набросился:

— Кто сказал?... Ну-ка, повторите! Кто это у нас?..

Аудитория вымерла. Ни одна доска нигде не скрипнула, пока он шарил глазами по рядам, обыскивая лица студентов.

— Не тот случай. Должны понимать. Полезть в петлю — подстать измене. В тот момент, когда страна восстает из руин, на вес золота каждые рабочие руки. А он? Он сдался, как сдавались врагу. Он оплевал наши идеалы и достоин лишь презрения. Смею надеяться, не один я так считаю. У нас, товарищи, есть на что равняться.

Мороз пробирал от этих слов. А тайком думалось все равно по-другому. С Николаем Северьяновичем мне всегда было

хорошо, спокойно и открыто, как с матерью. И больные тянулись к нему, я это не раз и не два видел собственными глазами. Безрассудно буйные, подавленные необузданным страхом, стойки бреда и заживо умершие в безразличии ко всему, неспособные быть людьми, потерявшие разумение в человеческом обиходе, так или иначе оживали перед Николаем Северьяновичем, напрягали ничтожные остатки сознания, пытались что-то вымолвить и обрести защиту, крохами от прежнего сердечного чутья чувствовали: явился тот человек, кто способен понять и пощадить. Иного, по-моему, и не требовалось.

Значит, вчера Николай Северьянович давал мне последний урок. На всю жизнь. И про Люсю не упомянул даже, чтобы ничем не упрекнуть. Учил человечности... А меня заткнуло, доброго слова не нашел. Пробыл с ним, будто деревянный...

Федурков толкал в бок, указывал мне на раскрытую тетрадь, где из-под ручки расплывалась чернильная паучья клякса:

— Пиши: бытие определяет сознание.

Да, бытие, бытие... Сознание не выдерживает бытия. Жутко. Задохнусь... Выбравшись из рядов, я направился к выходу. Лунев перегнулся через кафедру, спросил:

— Вам плохо?

Что он увидел на моем лице, не знаю. Он отшутился:

— А-а, понятно. В туалет. Ну что ж, бывает.

Шутка тотчас вызвала смех, студенты — народ веселый. Добавил свое Федурков:

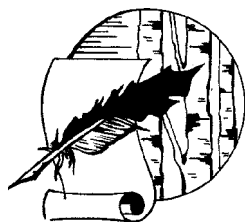
— А он тоже гипнотизер! Как тот!

Догнал и другой выкрик:

— Там дело темное!

Теперь загоготали всею. Когда-то точно так же я мог бы и сам кричать и гоготать. Не зря ведь беспрестанно учат: смеяться — для здоровья полезно. Чем не массовый гипноз?

г. Курск

Олег ИГНАТЬЕВ

Олег Геннадьевич Игнатъев родился в 1949 году на Южном Сахалине. Детство и отрочество прошли в г. Игарке на Енисее. Окончил Ставропольский медицинский институт и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Автор пяти поэтических книг и нескольких книг прозы. Лауреат международной литературной премии им. В. Пиккуля. Живёт в Москве.

НЕ СТРАШАСЬ ИЗМЕНЫ И ОБМАНА

* * *

Что наша Церковь? Храм или собор?
Священник в рясе иль трезвон пасхальный?
Всё вкупе! С первых дней и до сих пор,
И певчих хор, и плач исповедальный.

Украшенный цветами аналой
И свечи, что сгорают, пламенея,
И лик Христа, и Бог, и Дух Святой,
И Матерь Божья, и Россия с нею.

* * *

Машина у крыльца притормозила,
Бибикнула, и захотелось вдруг
Рвануть на юг, причём, с такою силой,
Как будто кто смыкает жизни круг.
Рвануть на юг! Туда, где луговиной
Бежит полынь на зов солончака
И колетса репейная щетина,
Как августа небритая щека.
Там солнце по округе расплескалось,
Кипит на черепице и листве,

И даже память окропило малость,
Которая с душой моей в родстве.
Там раньше дождь на балалайке тренькал,
Гуськом водил по лужам детвору,
А лето, становясь на четвереньки,
Возило их на собственном горбу.
И ни копейки не брало за это!
Да и зачем копейка в пору ту,
Когда ребячий смех звенит монетой,
Упавшей на железную плиту?
Вот, где судьбы моей исток и корни,
И первые страницы книги той,
Что ангел жизни пишет в мире горнем,
Учитывая всё до запятой.

* * *

Глядя на выверты власти,
Страсти-мордасти её,
Станешь ли хвастаться счастьем,
Видя несчастье своё?

Веруя в суетность мира,
Скопишь ли что про запас,
Кроме завидок, придинок
И осуждающих фраз?

В данниках века земного
Трудно поэту ходить,
Вот и приходится снова
Голову низко клонить

Вместе с поникшей ракитой
Над потемневшей водой,
Вместе с душой, не убитой
Злобою правды людской.

* * *

Благословен Кавказ от первых дней,
Благословен во славу Божьей воли,
Которую здесь чувствуешь верней,
Как точечный укол сердечной боли.

Здесь век за веком бурно протекал
И Крест Христов явился миру в силе,
Его горизонталь и вертикаль
Духовный мир с земным соединили.

Святая Нина сродников своих
Крестила виноградною лозою,
Чтоб вера православная для них
Сияла, как свеча пред аналоем.

Благая весть текла, как с гор вода,
И ею утолила жажду света
Алания, а после Кабарда,
Чтоб вечное царило в душах лето.

Благословен Кавказ от первых ран,
Омытых кровью Нового Завета.
Его народы в братстве христиан
Противились ученью Магомета.

Но орды шли, жестокость возлюбя,
Безумие и злобу утверждая,
Иное подминая под себя,
Будь это даже Истина святая.

Не успевали кости истлевать
В земле отцов по взгорьям и низинам,
Как вновь чума войны стелила гать
И смерть несла аланам и грузинам.

Слаб человек, живущий на земле,
Когда её он любит больше Бога,
Забыв в самодовольстве и тепле,
Куда ведёт дорога от порога.

И, словно указуя путь ему,
Стоят кресты на горных перевалах,
И солнца луч пронизывает тьму,
Чтоб лишний раз душа не горевала.

Благословен Кавказ в надежду нам,
Сияющий, вершинный, многоглавый,
Что весь он станет как соборный храм,
Увенчанный одной Христовой славой!

* * *

Снег летит морозный, голубой,
Радостно ниспосланный судьбою.
...Раньше говорил я сам с собой,
А теперь вот говорю с тобою.

Жизнь моя вошла в заветный круг,
И, легко шагнув тебе навстречу,
Я опять коснулся милых рук,
Обнимая вздрогнувшие плечи.

Так давай свиданья назначать,
Не страшась измены и обмана,
Чтоб душа смогла без толмача
Разобраться в замысле романа.

Улицы, деревья — всё в снегу.
Зимний день пускает с горок сани.
Ты прости меня, что не могу
Обойтись без пылких восклицаний.

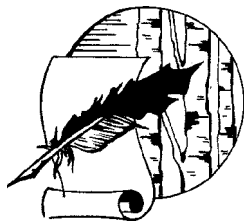
Чувства проверяющий на слух,
Сколько раз хватал я шапкой оземь!
Оттого, наверно, мой треух
Стал гнездом вороньим на берёзе.

И под сердцем, что ни говори,
Как цыплята под крылом у квочки,
Греются синицы, снегири,
И стихов нахохленные строчки.

Всё на этом свете может быть,
Если есть укромное местечко.
Мне тебе бы счастье подарить
Или обручальное колечко.

Так давай свиданья назначать,
Чтоб сказал я трезво, а не пьяно:
— Ты моя келейная свеча,
Я тебя любить не перестану.

Снег летит морозный, голубой,
Радостно ниспосланный судьбою.
...Раньше говорил я сам с собой,
А теперь я говорю с тобою.

Николай **КОНОВСКОЙ**

КРЫМСКИЕ СТРОФЫ

БАЛАКЛАВА

Всё переменится. Вспомни же, росс,
Мощь преисподней —
Базу в скалистой твердыни Таврос
Лодок подводных,

Уничтожающий огненный свет
Ядерной лавы —
Ворогу, если зарвётся, — «привет»
Из Балаклавы!

Гладь потаённая. Всё в ней — добро,
Вечность и мера.
Зря ли места сии зрело перо
Старца Гомера?..

Мощные своды — в забвенья пыли,
Брошены штольни.
Пусть — даже лодки куда-то ушли —
Дух наш не сломен.

Не приведенье и мертвенный прах,
Рыхлая масса, —
Твердью, сокрытою в этих горах,
Дух наш остался.

Как ни беснуется вражия рать,
Оберегаем
Свыше — объект 825
Неубиваем...

Кружит над бухтою, радость лия,
Вещая птица...
Всё возвратится на круги своя.
Всё возвратится!

МЫС ФИОЛЕНТ

Чрез сколько бы ни было — даже чрез тысячу лет —
Всё в памяти сгинет, и только один Фиолент —
Мыс, полный величья, не канет в забвенье и Лету.
Ты помнишь ли медный, звучащий над бездною глас,
Цикад песнопенье и не оставявшее нас
Жарюю и грозами жгучее крымское лето;

И море бескрайнее — высь, поглотившая ширь,
И, мира древнее, на самом верху монастырь
Святого Георгия; тихих свечей колыханье,
И камней громады, и слёзы плетущихся лоз,
И воздух, в котором смешалось дыхание роз
С разлитым над вечностью Божиим неслышным
дыханьем...

ХРАМ ДВЕНАДЦАТИ АПОСТОЛОВ В БАЛАКЛАВЕ

Храм, вышней волею храним —
Явление святыни —
Века стоит: неколебим
Фундамент Византии.

Сиянье тихое лампад.
Старинные оклады.
Свечами выстроились в ряд
Опоры колоннады.

Друг дальний, верь или не верь,
Но Божий мир стоит, как твердь,
И живы мы, покамест

Здесь служба каждый день идёт,
А по средам народ поёт
Владычице акафист.*

* Каждую среду в 9.00 в храме читается акафист перед
иконою Божией Матери «Скоропослушница».

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Отгромыхала в безлюдном просторе гроза.
Медленно ожила и распрямилась лоза.
Травы запахи.
В дальнем овраге шумит ещё слабо поток.
Переливаясь, с листа на зелёный листок
Капают капли.

Дланью незримой небесный очистился свод.
Даль обнажилась, и тоненько стайка поёт
В зарослях сада,
В кронах взлохмаченных мокрого березняка...
Стихла покорно в руке дорогая рука —
Божья награда...

ПАМЯТНИК ЗАТОПЛЕННЫМ КОРАБЛЯМ В СЕВАСТОПОЛЕ*

В России, на одной из скал,
Есть восьмигранный пьедестал
С вознёшейся колонной.
Владыка сущего досель —
Орёл — взлетев на капитель,
Хранит морское лоно.

Парящий над пучиной зол,
Двуглавый царственный орёл,
Величием отмечен.
Он, коего трепещет ад,
Когтящий мировой распад,
Короною увенчан.

Тяжка, тягуче-солона,
Здесь в воздухе растворена
России боль и слава.
Грядущего туманен брег,
Но в клювах у орла навек
Венок из листьев лавра.

* Монумент сооружён в 1905 г. к 50-летию Первой обороны Севастополя, во время которой были затоплены русские парусные корабли, чтобы загородить вход неприятельским судам на рейд и тем самым спасти Севастополь.

«Пилад»... «Сизополь»... «Гавриил»...
«Мессемврия»... «Селафаил»...
О, эта бесконечность
Защитников родной земли,
Что не в морскую глубину ушли,
А в воинскую вечность!

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ В СЕВАСТОПОЛЕ

Лежат — от нижних здесь чинов
И вплоть до генералов,
Хоть мать-сыра-земля давно
Всех в званье уравнила.

Незримо — каждый здесь герой —
В аду не сбившись с курса,
Встают в единый с ними строй
Подводники из «Курска».

На взгорье, всем ветрам открыт,
Пирамидальный храм стоит
Как памятник всем павшим...

Здесь птицы Божии поют
Так, будто славу воздают
За други жизнь отдавшим.

ИНКЕРМАНСКИЙ ПЕЩЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ СВ. КЛИМЕНТА

1
... Там подвиги, что не видны
Глазам случайным.
Там келии иссечены
В обрыве скальном.

Там не тревогою земной,
Враждой иль пиром, —
Там вечной дышит тишиной
И Божьим миром...

Доносится глухая песнь —
Иль море ропщет?..

Там главная святыня есть —
Климента мощи.

2

Тому почти две тыщи лет,
С Траяном в споре,
Был с адской злобою Климент
Утоплен в море.

Душой он к Богу восходил
О всех в заботе,
А телом упокоен был
В подводном гроте.

Но словно отблеск грозовой
Из ниоткуда —
Раз в год, в день памяти его,
Случалось чудо:

Громадное, за пядью пядь,
В послушной мощи
Откатывалось море вспять,
Являя мощи

Для страждущей Тавриды всей, —
Как свет во мраке...
И вновь скрывало их в своей
Бездонной раке...

ХЕРСОНЕССКИЙ МАЯК

На выступе мыса маяк-исполин
У самого края гремящих пучин, —
Где чайки и волны, —
Главою упёршись в небесную твердь,
Побед не считая и тяжких потерь, —
Стоит, словно воин.

В рассеянном прахе событий и дней,
Он белой бронёй инкерманских камней
Доверху окован...
Он землю родную во тьме означал
Огнями, и первым победно встречал
Корабль Ушакова.

Последней войны раскалялось жерло.
У ног твоих столько бойцов полегло...
Утраты — доколе?
Когда над страной нависала беда,
Ты русские вёл корабли и суда
Сквозь минное поле.

Так тихо, как будто Вселенная спит.
И лишь переливчатым блеском слепит
Лазурное лоно.
Пью воздух морской и небес синеву,
И перед тобою седую главу
Склоняю с поклоном.

ВИННЫЕ ПОДВАЛЫ ИНКЕРМАНА

Спущусь в это диво, в сей каменный город подземный,
Лежащий близ брега обжитой таврической бухты,
В скале иссечённый; в её потаённых глубинах,
Её галереях, её уникальных подвалах,
В прохладе пещерной — хранится в объёмистых бочках
Из вечного дуба — хмелящий огонь драгоценный.

На почве, богатой ракушкою, известняками,
Раскрошенным щебнем, под солнечным светом обильным
Взросли виноградные гроздья и ждут винодела.

В бочонках дубовых, в дубовых бутах необъятных
Вино молодое час от часу быстро «взрослеет»,
Рождая особый — пахучий и неповторимый —
Букет с бархатистым и мягким, как бриз, послевкусьем.
Но это — «пожившие» вина; вино молодое,
В бокалы разлитое, передаёт необманно
Отеческий вкус как свидетельство происхождения.

Замру в изумленье, окину лишь взглядом подвалы —
Как тут же с тобой подружиться спешит «Севастополь»,
Мускат «Инкерман», «Бастардо», «Совиньон», «Ркацители»;
Ещё — «Каберне», «Шато Блан», «Шато Руж», «Эльвиадо»... —
Почтенные жители града близ Чёрного моря,
Смешавшие цвет, что стекает по стенкам бокала
Густым масляничным, златисто-янтарным потоком
Со вкусом ореха калёного, дыни и мёда.

И кружит над нами цветистый и радостный запах,
Как бабочка лёгкий, дарующий отдохновение.

Ах, друг мой далёкий, укрыться бы в этом затворе,
И сном бы забыться, и слушать лишь вечность и море...

ДЛЯ НАС ДВОИХ...

За дальнею далью остался, тобою любим,
Веками овеянный, горный воинственный Крым,
Как сгусток божественный незаходимого света.
В томительном бархате дышащих страстью ночей —
Окликну лишь память — была ты, краса, горячей,
Чем морем пропахшее феодосийское лето...

Порой гроыхало — там кто-то небес синеву
Рвал молний клинками, и виделась, как наяву,
Шторма Айвазовского, слышались строфы Гомера;
Был грот знаменитый и хрупкая тонкость стекла,
В которую медленно, переливаясь, текла
Янтарного цвета, со вкусом ореха, мадера.

Затем всё стихало, искрилась плодами лоза,
И были светлее младенческих глаз небеса,
И столько любви было в этом сияющем взоре!
И чудилось: мир сотворён был для нас лишь двоих...
А ты хохотала, из рук вырываясь моих,
И с маху бросалась в объятья ревнивого моря...

г. Москва

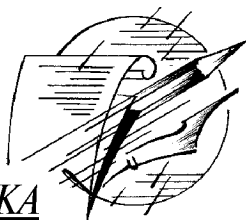
КОРОНОВАННЫЙ ВИРУС

(Март — апрель 2020 г.)

Европейский Содом получает по заслугам

Мировая пандемия — это моровая расплата за содеянное. Расплата, дарованная человечеству Свыше. Это еще одна попытка вразумить людей, живущих на планете Земля. Человечество забывается, и потому на Земле время от времени происходит содомская расплата.

Западный мир, подчинивший себе планету, получает очередной вразумляющий урок. Урок, который, конечно же, вновь будет ему не впрок. Но, повторяю, вразумляющий. Западный мир по своей природе подл, развратен и эгоистичен. И отказаться от своей подлости и своего эгоизма он не способен, несмотря ни на какие уроки. Сталин пытался присоединить к России часть Западного мира ради изменения и спасения этой части. Но т.н. «социалистические» страны Европы изменять свою подлую природу не пожелали и скоро вернулись в Западный мир. И не просто вернулись, а **утроили** подлость и эгоистичность Западного мира, встали в первый ряд врагов России.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

И тогда пришел коронавирус. Он отменил европейскую свободу передвижения, и Западный мир замкнулся в своих «национальных» границах, изолировался от остального мира, презрев все разговоры о т.н. «европейской солидарности» и «европейских ценностях». Он перенес на более позднее время запланированные на март крупнейшие натовские военные учения на территории Европы под командованием США. Он отменил Чемпионат Европы по футболу и Летние Олимпийские игры в Токио в 2020 году, Игры, на которые МОК снова планировал не допустить российскую сборную, а если и разрешить выступать отдельным нашим спортсменам, то под белым флагом, без национального гимна и без национальной формы. Коронавирус оказался сильнее подлости Западного мира. Он заставил Европу, Америку и Японию запаниковать. Он остановил миграцию. Он заставил т.н. «Европейский Союз» наплевать на Италию, запросившую помощи, и на Украину. В «нэзалэжной» он остановил все виды общественного транспорта, в том числе и киевское метро.

Да, коронавирус страшен Западному миру, как страшна всякая расплата за подлость и разврат. Он убивает и убивает мучительно. В Западном мире — по несколько сот человек в день.

Китай на официальном уровне заявил о заражении своей территории вирусом, искусственно созданным американцами. Вполне возможно, что так и было. То есть джин был выпущен из бутылки и перекинулся на самих своих хозяев. Причем накинулся на них с еще большей яростью, нежели на тех, на кого был направлен.

Европейский «свободный» Содом спрятался в квартиры и больше не подает голоса. Поджали хвост и мгновенно заткнулись гендерные «просветители», полуобнажённые феминистки, элгэбэтэшные ублюдки и трансгендеры всех мастей. Еще недавно — такие все раскрепощённые, смелые и агрессивные... Больше не сближаются менее чем на два метра друг с другом... И как-то вдруг оказалось, что «родитель №1» отличается от «родителя №2» тем, что чаще подвержен заражению коронавирусом...

Министр здравоохранения Бельгии Мэгги де Блок ввела запрет на сексуальные действия трех и более человек в закрытых помещениях по причине борьбы с распространением коронавируса. «Бельгия — это пивная и сексуальная столица Европы, если не всего мира. Мы как нация должны урегулировать эту ситуацию, — заявила она в парламенте. — Обмен жёнами, секс втроем и оргии из шести, пятидесяти, ста

или более человек не допускаются до тех пор, пока вспышка не утихнет». Когда журналисты спросили ее о зоофилии, она ответила: «Эти меры применимы только к сексуальному контакту между людьми, а не к контакту между людьми и животными». То есть — можно. Думаю, бельгийский (и не только) Содом уже никакая пандемия не излечит. Поздно.

Чехия конфисковала гуманитарный груз с масками и респираторами, направлявшийся из Китая в Италию. Видимо, посчитав его новыми «европейскими ценностями». Вот она, истинная уголовная «философия» «Европейского Союза»: ты умри сегодня, а я завтра. На самом же деле бывшие чешские «соцбратья» сбросили собственные маски, под которыми пряталась отвратительная, подлая, эгоистичная рожа.

Польша не позволила войти в своё воздушное пространство нашим самолетам, доставлявшим гуманитарный груз и медицинских работников в Италию. Логика позорных ничтожеств: пусть вымрет вся Италия, но России мы подгадим...

Даже на краю гибели Европа не снимет никакие санкции с России — за океанские «друзья» не позволят ей это сделать. Но мировая моровая расплата, на этот раз под названием коронавирус, вскрыет еще не одну язву (как физическую, так и моральную) подлого Западного мира, скрываемую под масками таких вождельных «европейских ценностей».

Репетиция

По сообщению агентства «Интерфакс», в России в 2019 году от СПИДа умерли 37 тысяч человек. То есть **ежедневно** умирали в среднем 100 человек. Кто-нибудь у нас в стране, кроме медиков, приближенных к данной проблеме, об этих цифрах слышал? Что, разве СПИД менее опасная и менее заразная болезнь, нежели грипп под названием COVID-19? А сколько инфицированных СПИДом умерло в этом году? Кому-нибудь известна эта цифра? И хоть кого-нибудь со стороны власти это волнует? Может, и волнует. Но мы ни разу об этом не слышали.

От коронавируса в России за первые два месяца объявленной эпидемии (февраль—март) умерли 17 человек. Это во всей необъятной России. Но истерия, поднятая властями и подчиненными ей СМИ уже в эти месяцы, превратила нашу жизнь в какой-то запредельный кошмар с ежедневными всё более и более жесткими мерами и заявлениями президента, премьер-министра, московского мэра и всех других градоначальников. Мы словно оказались участниками, невольными зрителями и одновременно персонажами какого-то

фантастического фильма ужасов. Власти перекрыли абсолютно все общественные места скопления людей, отменили все культурные и политические мероприятия, закрыли парки, кинотеатры, кафе, рестораны, столовые и непродовольственные магазины, пожилым людям под страхом жутких нереальных штрафов до реальных уголовных сроков запретили выходить из квартир, потребовали беспрецедентной, небывалой «самоизоляции», а московским пенсионерам заблокировали проездные карты. То есть отсекали пенсионное население от жизни, происходящей вне их дома. (При отсутствии введения в стране чрезвычайной ситуации всё это — стопроцентное нарушение действующей Конституции.) Мэр Москвы и питерский губернатор даже попытались запретить посещение храмов... Ну как же отделённую от государства Церковь не подчинить своим запретам? И всё это — под громкую, прямо-таки кричащую, оглушительную сурдинку о «сохранении здоровья старшего поколения»... Да после такой «заботы», когда пожилому человеку под страхом уголовного преследования нельзя целый месяц свежим воздухом подышать, количество смертей пенсионеров в сотни раз превысит количество смертей от вируса гриппа. И с какого это перепугу власти так сильно озаботились жизнью пенсионеров? Многие годы лишали их то одного, то другого, а тут вдруг ради их же здоровья решили заставить их «самоизолироваться»... Но сколько людей умрёт от этих нервных стрессов и от этой панической атаки? Об этом кто-нибудь из нормальных людей во власти задумался?

Честно говоря, все эти небывалые, истерические меры, обрушенные на наши головы, являлись, по сути, издевательскими по отношению к пенсионерам. Многие из них — это одинокие люди. Они прожили жизнь, чего только не повидали на своем веку, бывали и пострашнее времена, но никогда их не обязывали сидеть безвылазно по месяцу дома. Их решили запугать гриппом, как чумой, холерой или войной, назвав «наиболее уязвимой частью населения». Да их главная уязвимость — в этом самом квартирном одиночестве. Оно для них страшнее любого вируса. Но власти то ли сознательно, то ли по чей-то слишком «деятельной» дурости решили их в этом одиночестве заточить. И умирать они начнут (и уже умирают) не от коронавируса, а от исполнительской борзости властей всех уровней.

Как не раз бывало в истории, под прикрытием внешних и внутренних проблем, на нас обрушилась череда беззаконий. Одно беззаконие наслаивалось на другое: беззаконие обну-

ления президентских сроков, беззаконие сумасшедших штрафов за появление на улице, беззаконие принудительной «самоизоляции». И народ безропотно это беззаконие проглотил при солоньевско-скабеевском «одобрямс».

Но задуматься нам нужно не только об этом. Мы стали свидетелями какой-то баснословной **репетиции** гораздо более значительных событий. Нас словно проверяли — как мы себя поведем? Смиримся, проглотим молча издевательства над людьми, поведемся на ту мифологию, которой нас решили пока еще только припугнуть?.. И мы сыграли свою роль исправно, покорно, доверчиво, мы безропотно повелись на раскрученную до вселенских масштабов информационную атаку. Нас словно решили проверить на «вшивость», и мы оправдали надежды проверяющих, мы оказались послушными игроками. И не только в России. Мировая закулиса воочию убедилась в том, что человечество готово и к более масштабным играм...

Сначала нам повысили пенсионный возраст до 65 лет. А в начале этого года все, кто старше 65, то есть пенсионная часть населения, была, как нам сказали, «временно» изолирована от реальной жизни. В столице те, кому за 65, лишились льгот на пользование общественным транспортом — их проездные карты оказались заблокированными. В недалеком будущем тем, кто будет плохо себя вести, — вполне возможно, заблокируют и банковские карты. И случится то, что сказано апостолом Иоанном в его «Откровении»: «...никому нельзя будет ни покупать, ни продавать». От наличных денег уже рекомендовано постепенно отказываться — ради гигиены... А под этот шумок и голосование по обновленной Конституции было «перенесено». На когда «перенесено» — не сказали. Мол, там видно будет. А, собственно, зачем вообще нужно это голосование? Народ уже и так со всем согласился.

Репетиция прошла удачно. А точнее говоря — учение накануне тотальной диктатуры и тотального контроля за каждым.

Не напоминает ли нам этот вирусный карантин «Дни Турбиных» Булгакова, а также блоковское: «Закрывайте этажи, нынче будут грабежи»?..

Сначала по всей стране наши «мудрые» власти позакрывали поликлиники и больницы, «оптимизировали» (т.е. увольняли) медицинских работников, а потом рьяно кинулись на борьбу с т.н. «коронавирусом», заодно отправив в беспросветную изоляцию несчастных и без того сто раз ограбленных пенсионеров.

Что же касается Европы и Америки, то, повторяюсь, они получили свой коронавирус в качестве содомской расплаты Свыше. И эта расплата для них может быть очень жестокой. Мир после нее действительно изменится.

Ясно, что к нам этот вирус прибыл из-за рубежа. Инфицированные коронавирусом, в основном, — это побывавшие за границей или общавшиеся с ними. Так вот и надо было ими жестко заниматься, тотально их контролировать, а не терроризировать всё остальное население страны. Но властям оказалось проще и надежнее всё в стране остановить, всех загнать в домашний концлагерь, всех усадить за телевизор, чтобы по всем каналам изо дня в день долдонить о настигшей нас всех опасности.

И что интересно: в Белоруссии вообще нет никакого карантина. Школы и детские сады работают. Проходит футбольный чемпионат... А ведь Белоруссия ближе к Европе, чем мы.

Но определенные силы, используя этот раскрученный до небес вирус, решили порепетировать с нами... Накануне премьеры пьесы, написанной для нас еще две тысячи лет назад...

Каждый день в России от туберкулеза в среднем умирают 80 человек. Где же у нас противотуберкулёзные карантинны?

P.S. Бывший премьер-министр Великобритании Гордон Браун призвал создать мировое правительство для борьбы с эпидемией коронавируса. Край закулисного занавеса приподнимается...

Коронация вируса

Каждый день, более того, чуть ли не каждый час наши власти всё ужесточали меры наказания людей в условиях и без того жёсткого карантина. Как будто они получали удовольствие от того, что наконец-то могут беспрепятственно всем что-то диктовать и наказывать всех подряд. Вот точно так же вели себя большевички в 1918 году. Во Франции армия была выведена на улицы — с автоматами. Интересно, автоматы воякам были для чего?..

В прошлом году в Санкт-Петербурге от эпидемии гриппа умерло 500 человек. Но что-то не было там никакого карантина, и даже об этой цифре умерших власти вообще не заикались. Как уже было сказано, при нынешней эпидемии коронаванного вируса за два первых месяца (февраль—март) во всей стране умерли 17 человек. Но методы запугивания населения по своей невероятной активности и навязчивости превзошли всё, что было прежде. Ну разве что при оккупации немцами наших западных областей было что-то подобное...

Им осталось только посоветовать: господа, вы еще не всё сделали. Абсурдные штрафы — это лишь полумера. Пора уже пенсионеров наручниками к батарее приковывать, чтобы они уж точно ни в магазин, ни в аптеку выйти не могли. Уж доведите свою демократию до конца.

Кстати сказать, ни в одной аптеке, куда я заходил, не оказалось масок. Видимо, все в Италию отправили в знак заботы о нашем здоровье. Ну и «большой самолет», по словам Трампа, доставил из России сотни тысяч масок в США. Вопреки всем санкциям, которые Трамп продлил нам до конца года. (Ничем не изживаемый кремлёвский «жест доброй воли».) Наверное, поэтому нам и нельзя было на улицу высываться...

Под ширмой распиаренной эпидемии московские власти вознамерились контролировать каждый наш шаг — через видеокамеры и гаджеты. И для этого решили каждому присвоить номер для выхода из дома. По их прихоти мы должны были зарегистрироваться в мэрии и сообщить все свои персональные данные. Они объявили об этом спокойно, открыто, но твёрдо и доходчиво: мол, прежняя жизнь кончилась, отныне вся страна — это электронный концлагерь, примите это как должное и смиритесь. Мол, читайте роман «1984» Д.Оруэлла, там всё об этом написано...

Но мы-то, те, которые не слишком дисциплинированы и послушны, хорошо знаем, что тотальный контроль — это и есть первое условие нового мирового порядка. И продолжение романа «1984», а вернее, общемировой Божественной пьесы — в «Откровении» Иоанна Богослова. А мы являемся участниками и одновременно зрителями предпоследнего акта этой пьесы под названием «Коронация вируса».

P.S. Но для них, для этой власти, есть, оказывается, и привилегированные субъекты, живущие как бы сами по себе — т.н. гастарбайтеры. Они по-прежнему кладут плитку и бордюр, метут асфальт, как ни в чём не бывало, ходят толпами и смотрят на нас свысока и ухмыляясь. Никакая самоизоляция им не писана и никакие запреты на них не действуют. Спят вповалку в подвале или в общежитии, и никакой вирус их не волнует.

Эпидемия сумасшествия

Самоизоляция в четырех стенах — это наиболее легкий способ заражения вирусом гриппа по причине сквозняков, ведь квартиру надо постоянно проветривать. А так как в марте — апреле время еще холодное, то сырой сквозящий воздух

является первой причиной для простуды. И наоборот, свежий воздух на природе для здорового человека — это надёжная преграда от заражения гриппом. Это знает любой нормальный медицинский работник, не свихнувшийся на телевизионном сумасшествии, захлестнувшем все центральные средства медиaproпаганды. Но далекие от народной жизни власти этого скорее всего не знают и не понимают.

Сначала президент объявил нам выходную неделю, чтобы основная часть из нас не могла и даже не пыталась выйти на работу. Но вот что странно: Франция, где от коронавируса умирало столько же людей, сколько в Италии и Испании, не только не объявила никаких выходных недель, но, наоборот, с начала апреля, как сообщил нам Первый канал ТВ, увеличила число недельных рабочих часов... Отчего бы это?..

И с каждым днем всё более и более становилась ясной колоссальная афера с мировой пандемией т.н. «коронавируса». Доктор медицинских наук, профессор-эпидемиолог И.А. Гундаров в интервью, данному интернет-каналу «День ТВ», раскрыл некоторые детали этой раскрученной аферы. От своих друзей — итальянских вирусологов он получил статистические данные по смертности в Италии. И оказалось, что общее число умерших за три первых месяца этого года в Италии в среднем такое же, как и число умерших в Италии за первые три месяца прошлого и позапрошлого годов. То есть общая смертность за этот год там ничуть не изменилась. Но по приказу сверху всех, кто умер в Италии от различных заболеваний в этом году, записывают и объявляют как умерших от коронавируса. Вот потому и получалась эта усреднённая цифра — около тысячи человек якобы умерших от него за один день. И цифра эта объявлялась и раскручивалась в СМИ на весь мир как ужасающая! То же самое происходило и во Франции, и в Испании, и в США. Именно этим объясняется столь небольшая цифра умерших от этого вируса в России, т.к. у нас эта цифра — реальная, причем именно такая, какой она была и в прошлые годы. То есть мы в России, как и прежде, имели дело с сезонным гриппом, но обновленным, мутировавшим, заместившим тот грипп, который у нас за последние годы был подавлен с помощью прививок. Это — реакция природы на вмешательство человека в ее биологическую жизнь.

Другой вопрос — зачем это нужно Западу? Ответ на него, не сомневаюсь, имеется у большинства серьезных политологов. И этот ответ уже не раз раскрывался и в русской печати, и на русских интернет-ресурсах. Западная закулиса и западные хозяева денег с помощью психической коронави

русной атаки готовят человечество к мировой войне и к масштабному сокращению населения Земли. Для этого человечество поначалу должно быть морально раздавлено, запугано и превращено в послушное, не способное к трезвому мышлению стадо. Затем под видом поголовной вакцинации, как откровенно поведал г-н Чубайс, начнется ликвидация населения Земли.

И вот уже третий месяц мы живем в атмосфере повального сумасшествия, гораздо более опасного для нас, нежели любая вирусная инфекция. Медийные средства массовой информации заиклленно эксплуатируют главную для них тему «коронавируса». Получив команду и рьяно выполняя этот заказ, они, похоже, сами того не подозревая, заразились «коронавирусом» мозга и реально рехнулись умом. Эта беспробудная долбёжка, эта умопомрачительная пропаганда завезенного к нам европейского вируса гриппа сделала свое коварное дело — у населения тоже поехала крыша. Народ начал потихоньку сходиться с ума. Одни — будучи запертыми в своих четырех стенах под страхом безумных штрафов и безумных тюремных сроков за выход на улицу. Другие, всё же вышедшие на улицу, стали, отворачиваясь, обходить друг друга, как прокаженных. Третьи, находясь на работе, к примеру, на почте, — очертили себя границами на полу, и рычат на редких посетителей, чтобы те за эти границы не заходили. Не говоря уже о каком-то беспредельном сумасшествии полицейских, которые накидываются на людей возле их дома, заламывают им руки и угрожают пистолетом. Как говорят, заставь дураков богу молиться... И вот уже не коронавирус, а вирус всеобщего помешательства после трехмесячной медийной атаки заразил население страны. Давно известно, что вирус сумасшествия гораздо более прилипчив, нежели любая другая инфекционная болезнь. (Вспомним Германию 30-х годов.)

Некоторые распоряжения столичных властей выглядели даже не столько абсурдно, сколько анекдотично: выйти в магазин москвичам было позволено не более чем на 100 метров от подъезда. Эти 100 метров с рулеткой, что ли, полиция должна была измерять? А если магазин отстоит от дома на 110 или на 130 метров? Или даже на 200? Тогда что, с голоду помирать? Или каждый раз платить штраф 5000 рублей? Люди не могли попасть в поликлиники, которым было велено реагировать только и единственно на подозрения в заболевании коронавирусом. Ну разве это не сумасшествие?

Но главная наша беда даже не в абсурдности и не в нелепости свалившихся нам на голову властных указов и распо-

ряжений. А в том, что в первую очередь эта эпидемия сумасшествия поразила чуть ли не всю нашу власть. Те указы, которые в неимоверном количестве начали выходить из-под пера властей, каждому разумному и каждому нормальному человеку говорили о том, что власти рехнулись умом. Причем власти всех уровней — и городские, и думские, и выше. Карательные законы на головы перепуганных жителей страны посыпались как из рога изобилия. И сумасшедшие законодатели эти законы в мгновение ока единогласно утверждали. Некоторые, еще не свихнувшиеся жители сами себе молча задавали вопросы: «Это чем же мы так провинились перед ними? Это за что же нас так?» А власти в своем сумасшедшем раже всё никак не могли остановиться — каждый день придумывали что-нибудь новенькое... В конце концов самая главная власть выходную неделю заменила всему населению на выходной месяц. Но чем доведенное до нервных срывов и инфарктов население в этот выходной месяц будет кормиться, — съехавшие с ума власти подумать забыли. Правда, затем президент пошел на попятную — разрешил некоторым регионам работать в апреле. Видимо, еще не больные на голову губернаторы до него всё же дозвонились...

Президент тоже самоизолировался, как при ядерной войне, наделив правительство и губернаторов чрезвычайными полномочиями и время от времени записывая на камеру обращения к народу... Вот так у нас вполне явственно одна эпидемия сменилась другой.

P.S. В конце марта на заседании президиума Координационного совета по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории РФ министр здравоохранения РФ Михаил Мурашко заявил следующее: *«Мы видим, что за тринадцать недель 2020 года показатели общей смертности находятся ниже показателей предыдущего года, в том числе мы мониторим показатели смертности и заболеваемости от внебольничных пневмоний. По данному показателю хочу отметить, что по сравнению с прошлым годом он ниже почти на 9%».*

По словам главы Роспотребнадзора Анны Поповой, которая тоже присутствовала на совещании Координационного совета, *«уровень пневмоний в стране не превышает среднегодовалого всплеска... И точно так же уровень заболеваемости ОРВИ и гриппом не превышает среднегодовалый уровень и идёт к снижению».*

Так что причины, по которым всю страну на три месяца подвергли домашнему аресту, к т.н. «коронавирусу» не имели никакого отношения.

Если пристально смотреть на происходящее, то всё явственнее открываются пророчества наших святых. А безумие «коронавируса» закономерным образом переливается в приближающееся безумие опокалиптических времен. Перед Пасхой нам запретили ходить в храмы и на кладбище. Все входы на кладбища в начале апреля были перекрыты. Правительство Санкт-Петербурга издало постановление, запрещающее посещение храмов на время эпидемии гриппа. Такие же распоряжения были сделаны и некоторыми главами других регионов России. Постоянный член Священного Синода митрополит Илларион призвал народ на Пасху сидеть дома. «Давайте спрячемся в дома, — сказал он. — Сейчас это важнее, чем приходить в храм, исповедоваться и причащаться». Такого еще не было **никогда**, чтобы сама Церковь не советовала верующим ходить в храм на исповедь и причастие. Но такое святыми отцами предсказывалось. В интернете всё чаще пишут о том, что всемирно коронованный вирус — это предтеча антихриста.

Вот что писал святой Лаврентий Черниговский (1868—1950) о последних временах: «Все храмы будут в величайшем благолепии, как никогда, а ходить в те храмы нельзя будет». И далее: «При короновании антихрист будет *в перчатках*». «Его будет слышать и видеть весь мир». «Он «своих людей» будет «штамповать» печатями». «Ничего без печати антихриста нельзя будет ни купить, ни продать христианину». «Церкви будут, но ходить христианину православному в них нельзя будет, так как там не будет приноситься Бескровная Жертва Иисуса Христа». «Весь слабый народ пойдет за сатаной». «А перед этим Господь слабым людям пошлет *небольшие болезни*, и они умрут». «И война третья Всемирная уже будет не для покаяния, а для истребления».

И вот самое главное: «На святом месте будет стоять **мерзость запустения** и показывать скверных обольстителей мира, и они будут обманывать людей, отступивших от Бога, и творить ложные чудеса. И после них явится антихрист и весь мир увидит его одноразово». Преподобного спросили: «Где на святом месте? В церкви?» Он ответил: «Не в церкви, а **в каждом доме**. В углу, где стоят и висят сейчас святые иконы, будут стоять обольстительные **прилады** для прельщения людей. Многие скажут: «Нам нужно смотреть и слушать новости...» Вот в новостях-то и явится антихрист».

«Мерзость запустения» и «прилады» — это и есть телевизоры и мониторы.

Иудеи уже установили жертвенник на Храмовой горе в Иерусалиме — впервые после разрушения их второго храма.

Вероника Скворцова проговорила, сказав, что тесты на коронавирус являются чипами. Некоторые серьезные аналитики прямо пишут, что в течение года будет разработана вакцина от него, после чего вакцинация и одновременно чипизация всей страны станет строгойше обязательной.

Мэр Москвы объявил о введении в столице цифровых пропусков.

А заместитель председателя правительства Т.Голикова всех нас «порадовала»: «Россия не успеет выйти из ограничительных мер к 9 мая».

Таинство сошествия Благодатного огня в Храме Гроба Господнего в Иерусалиме и Пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя прошли без паствы.

Президент на Пасху решил ограничиться свечкой в часовне.

Парад 9 Мая и все мероприятия, посвященные Дню Победы, в России были отменены.

ЗАВЕТНАЯ ОСЕНЬ

РАССКАЗ

От автора

Этому рассказу более полувека. Он о расставании с юностью недавнего школьника и не только. К моменту его написания у меня уж было с десяток публикаций, в том числе и в центральной прессе. С каждой новой работой я всё более вживался в глубину родных и любимых слов, прислушивался к их звучанию, и радость разливалась на душе. Мне это казалось волшебством, и слова все были волшебными. В ту пору я много читал, слушал радиопостановки — учился у классиков. И казалось, что никогда не сравняюсь с мастерами, отчего наплывало уныние, но потом вдруг я пропитывался иным настроением и уж твёрдо знал, что новое сочинение будет удивительным по красоте и глубине. Я так составляю слова, так крепко сцеплю одно с другим, что дух захватит от удивления и восторга. Но когда появлялось что-то новое, то понимал: нет, не получается пока то, о чём мечтал и чего желал, что казалось легкодостижимым. Но это не могло повторяться бесконечно. С каждой новой работой приходило понимание таинственной писательской сути. Рассказ «Заветная осень» сочинился в армии, в редкие свободные минуты, которых так мало у молодого бойца. Он был опубликован в местной газете «Пронский рабочий», после демобилизации я дописал его, чувствуя незавершённость из-за спешки. И в таком виде долгие годы рассказ оставался без движения. Лишь в последнее время, когда всё чаще одолевала ностальгия, я вспомнил о нём, перечитал, кое-что поправил (как без этого), но правил аккуратно, стараясь сохранить тогдашнее настроение и «воздух» минувших лет, таких давних теперь, таких сказочных и, увы, неповторимых.

ПРОЗА

На выгоне кто-то бил железом в лемех, и над Князевкой плыл бунящий металлический гул. «Набат» будоражил тишину погожего дня, заставлял людей, семьями убиравших картошку, озираться в недобром предчувствии. Я же копался на грядках один, так как мама и младший брат уехали в областную больницу. Хотел сегодня завершить работу и ни на что не обращал внимания. Но когда соседи один за другим сорвались и стреканули на дальний порядок, то побежал вместе со всеми, начиная понимать, что «горит» наша тётушка: это её крайняя усадьба за оврагом утонула в клубах жёлто-белёсого дыма от полыхавшего двора, крытого соломой.

Возле дома — суматоха, крики, чей-то плач. Вот у палисадника напротив пронзительно заржала лошадь водовоза Потапа, рванулась, будто ужаленная, испуганно оскалив ржавые зубы, и понеслась к пруду.

— Соседние дома спасайте! — подсказал Потап, силясь превозмочь грохот разболтанной телеги и подпрыгивающей бочки.

Студенты, приехавшие на «картошку», вытянулись живой цепочкой и вёдрами подавали воду от колодца, поливали соседские крыши, не позволяя огню полыхнуть по всему порядку, туда-сюда сновал Потап, но воды не хватало, а пламя уж перекинулось и гудело под железной крышей и, будто не ужившись, выплескивалось оттуда густыми и жирными малиновыми языками. Вернулся шофёр Василий, ездивший на ферму звонить о пожаре. Резко затормозив, крикнул:

— Пожарные выехали!

Отогнав машину в сторону, он растворился в дыму веранды — спасти скарб. Следом устремился и я, уже разгорячённый несколькими бросками.

Когда сгорели стропилы, и мятым блином провисла кровля, оголив печную трубу, чёрным столбом торчашую над кирпичной коробкой дома, когда на месте бревенчатого двора остался лишь обугленный дымящийся остов из дубовых подсох, а сарай чадил наполовину сгоревшим сеном, тогда, ревя сиреной, сверкая никелем и краской, из посёлка прикатил пожарный автомобиль. Тётушка, до этого безвольно восседавшая на ворохе спасённого добра, поднялась навстречу подъехавшей машине. Заправляя под платок седеющие растрёпанные волосы, всхлипывая, она стала о чём-то просить пожарных, но те её не слушали и занимались привычным делом. Через минуту водяная струя, вышибая оставшиеся стёкла, хлестала по вспыхнувшей веранде, била под крышу; попадая на закрытые ставни, вода превращалась в пушис-

тые облачка пара, улетавшие в блёклую синеву убывающего сентябрьского дня.

Возможно, от помощи пожарных, возможно, оттого, что гореть уж было нечему, но пламя незаметно обвисло, и люди стали расходиться. Когда пригнали стадо, скотину погорельцев разместили соседи, но кур, оказалось, невозможно загнать в чужой двор, и они приютились в побуревшем от огня вишеннике.

Быстро темнело, и на деревню опустилась ночная свежесть. Я отправился домой сменить мокрую одежду и, переодевшись, вернулся на пожарище, при свете холодных звёзд растаскивал и заливал прогорклое душное сено. В какой-то момент почудился плач, я прислушался, но ничего похожего не услышал и продолжил работу. Вскоре всхлипывания повторились. Тогда пошёл в темноту и прохладу сада, откуда они доносились, и около антоновки обнаружил тётушкиного внука. Павлик, верно, не ожидал меня увидеть и заревел ещё сильнее. Не зная причины слёз, не сразу успокоил его.

— Пойдём, у нас переночуешь, — заботливо предложил мальчишке, когда тот перестал всхлипывать, но он ничего не ответил, лишь прижался и дрожал так, что его дрожь передалась мне. Всегда он был словоохотлив, но сейчас молчал, сколько я ни просил рассказать, что случилось, а заговорил только тогда, когда я собрался оставить его одного.

— Это я случайно... поджёт, — еле слышно пролепетал он и вновь расплакался.

— Курил, наверное?

Он кивнул и сквозь слёзы попросил:

— Мамке не говори!

— Никому не скажу! — пообещал я. — Я ведь тоже иногда дымлю!

От доверительных слов он мало-помалу успокоился. У меня много было вопросов, но ни один я не решился задать. Отвёл мальчишку к нам, уложил спать и ещё раз поклялся хранить тайну.

2

Утром у погорельцев собрались родичи, съехавшиеся из соседних сёл и деревень, и на какое-то время я забыл о Павлике. Мужчины сразу начали разбирать провисшее железо и счищать гарь с потолка, залитого раствором глины, а потому уцелевшего, женщины скребли затоптанный пол, смывали грязные потёки на стенах и потолке. К ним присоединилась мама, вернувшаяся из области, а брат-пятиклассник принялся чинить полуобгоревший велосипед Павлика.

Перед обедом появился тётушкин муж, ездивший в лесничество оформлять документы на строевой лес. Иван Алексеевич поездкой был явно доволен. На вид он неповоротливый и медлительный, а теперь живо отдавал команды, готовый тотчас ехать на лесосеку, пока стоит ядрёная погода. Но всё-таки перед отъездом торопливо пообедали.

На телеге нас четверо. За вожжами сам Иван Алексеевич или Лексеич, как мы, племянники, называем его меж собой: аккуратный Владимир, мой тёзка, живёт в Рязани, работает электриком на заводе, приехал в родные места в отпуск; приземистый, по-деревенски загорелый Николай из соседнего села — обучает в школе ребятишек труду. Худой и высокий, нигде пока не устроенный после поселковой десятилетки, я был четвёртым в нашей компании. Чтобы не терять времени на разъезды, едем с ночёвкой и, кроме пил и топоров, везём два тулупа, одеяла. Не обижены и едой: горкой возвышаются сумки со съестными припасами и фляга с водой. Когда собирались, откуда-то появился хмурый Павлик. Он выразительно посмотрел на меня, и я понял его взгляд, потрещал по белокурым вихрам, нажал на кнопку курносого носа и потихоньку сказал: «Не переживай. Всё будет хорошо!» Он ничего не ответил, лишь благодарно вздохнул.

Лес у нас большой, но начинается не сразу: по склону сухого оврага разбежится корявый орешник, в сырой ложине спрячется хрупкий ольшаник — и лишь после такой своеобразной разведки начинается настоящее чернолесье. Из хвойных пород — лишь кое-где встречаются молодые посадки сосны. Мерин Буланчик, поначалу трусивший спокойной рысцой, приустав на вязком лесном просёлке, окончательно разленился.

Лексеич и в обычной-то жизни не говорун, а сейчас и вовсе ни на что не обращал внимания: молчал и озабоченно мял прилипшую к губам сигарку. Понять его нетрудно: до снега всего ничего, а как зиму встречать без крыши над головой? В самом былой силы уж нет, жена в таких делах не помощница, а с дочери и внука какой спрос? Зять не ужился с Варварой, а быть может, она не смогла семью наладить — попробуй, разберись теперь. Сын погиб в войну, а то бы первым помощником стал... Изредка, для вида более, Лексеич понукнёт прихрамывающего Буланчика, но на подъёмах жалеет его: сам прыгивает с полка́ и нас сгоняет, приговаривая:

— Разомнитесь, племяши, чего мерина рвать!

Поднявшись на очередной взгорок, дядька вновь умолкал, о чём-то задумываясь, а мы болтали кто о чём. Николай завёл с Владимиром разговор о дефицитном транзисторе,

которого нет в районной мастерской, и который нигде не достать. При слове «достать» мне вспомнилась недавняя летняя неделя, которую я провёл в столице, сдавая экзамены в институт, и заодно пытался добыть дефицитные крышки для консервирования. Остановился я тогда у дальней родственницы, каждым летом приезжавшей к нам отдыхать. У нас она всегда казалась аккуратной, с хорошо уложенными волосами, накрашенными губами, хотя это никому было не нужно, а дома выглядела растрёпой. Супруг у неё умер, сын постоянно мотался на Север, дочь жила у мужа, и она, работая посменно, одна занимала трёхкомнатную квартиру и не особенно страдала от одиночества, занимаясь в свободное время шитьём собачьих поддёвок и продавая их в сезон на Птичьем рынке. Антонина Фёдоровна на завтрак готовила омлет, нахваливая подарок от деревенских курочек. «Подарков» я привёз полное ведро, и хозяйка была готова кормить меня омлетами с утра до ночи, а яичница мне и дома приелась.

Побывав на экзамене, я возвращаться не спешил и бродил по центру Москвы, и она вскоре надоела суетой, вот только не могло надоест мороженое в ГУМе. На последний экзамен и вовсе не пошёл, потому что предыдущие сдавал не лучшим образом, а с тройками об институте и думать нечего. Забрав документы, сообщил хозяйке о решении вернуться домой, чувствуя себя неуютно в большой квартире; мне казалось, что всё я делаю не так, неправильно, словно хожу по ровному месту и постоянно спотыкаюсь.

— И то верно. Поживи с матерью, трудно ей одной вас воспитывать, — сказала она, напомнив о моём недавно умершем отце.

На следующий день проводы были недолгими. Когда поезд тронулся, и замелькали приземистые привокзальные постройки, я почувствовал себя как никогда свободным. Не огорчало и то, что возвращался без нужных в хозяйстве крышек. О них я и не думал, а более радовался, что меня ждёт Оля из посёлка, перешедшая в десятый класс. Я вспоминал её зеленовато-серые глаза, пушистую косу, вспоминал, как она не хотела отпускать меня в Москву, и подумал, как теперь обрадуется, когда узнает, что в институт я не поступил.

3

Лесосека встретила стуком топоров, шумом падающих деревьев, горьким запахом осинового коры и рассыпанных под ногами желудей. Из-за куч хвороста навстречу вышел лесник.

— Принимай гостей горемычных, Евгений Иванович, — остановив Буланчика, доложил леснику дядька.

— Слышал, слышал — угораздило вас. Ну да ничего, поможем, — успокоил сухой и поджарый Евгений Иванович, будто сделанный из витого корневища, и указал место валки.

Распрягли лошадь и, задав ей сена, сразу принялись за работу. Лексеич ходил по отведённому участку и придирчиво выбирал деревья, обстукивая каждое, чтобы не попалось с гнилью. Николай и Владимир тем временем начали валку. Николай мастерски определял, где сделать запил и подрубить, и, послушные его воле, деревья падали в одном направлении, не громясь. Я тоже без дела не сидел: раздвоённым шестом помогал направлять деревья. Когда подходил к очередному, становилось жалко его: невинное, оно едва трепетало чуткими листьями, не догадываясь о близкой кончине. И вдруг беспощадная пила, брызжа жёлто-лимонными опилками, стремительно утонула в податливом стволе. Проходила минута, и, обречённо крикнув, дерево ступило к земле, отчаянно оглашая лесосеку протяжным скрипом рвущихся волокон. Гулко стукнувшись, оно затихало, а в воздухе ещё долго кружились осиротевшие разноцветные листья.

Незаметно Евгений Иванович присоединился к нам и работал так, будто специально приехал помочь.

— Если будем так ворочать, то до сумерек управимся с валкой, а утром останется сложить брёвна в штабель! — устроив перекур, сказал дядька и радостно заиграл глазами.

Под вечер, на петлявшем мимо вырубке просёлке появился мотоциклист. Узнав знакомого, Николай помахал ему, и тот остановился. Послышались обрывки разговора: «Меча, пожар...» Заглушив мотор, незнакомец и Николай подошли.

— Знакомьтесь — Андрей, — указал Николай на мотоциклиста, — в одной роте служили. В Быкове агрономом работает, а сейчас на Мечу собрался — постеречь крикун на перелёте.

— Можно сказать, из дома сбежал, — улыбнувшись, добавил Андрей, — чтобы зорьку встретить.

— Эта штука увлекательная, — продолжил мысль агронома Евгений Иванович. — Как бы ни был занят, а к ружьишку всегда тянет. Да и вечерок добрый намечается.

Они начали обсуждать охоту, но Лексеич осторожно остановил:

— Ребята, поговорили и хватит — дело стоит...

— Папаш, не торопись, — не согласился Андрей, — всего не ухватишь!

— Во, указчик нашёлся!.. Поля свои бросил, с ружьишком не может расстаться! Уж не ты ли за нас всё сделаешь?

— Эх, батя, и сделаю! — он снял ружье, патронташ, скинул кожаную куртку. — Николай, покажем, как работают!

Дядька невольно указал на очередное дерево и крикнул Андрею, чтобы не шибко надрывался-то.

— Подменил бы его, — через некоторое время сказал Лексеич Владимиру — упреет парень, а сучки-то обрубать успеется.

В сентябре вечерет рано: едва солнце заплутало в чаще, как сразу ступились сумерки. Работать закончили в темноте. Я занялся костром, Андрей же стал собираться домой, так и не побывав на Мече. Заметив это, дядька попросил:

— Не обижай, парень. Сейчас по маленькой сообразим, если уж охоту испортили!

— Не ради этого задержался, да и нельзя — за рулём, хотя и рогатым. Так что — извините, — придумав повод, Андрей направился к мотоциклу, а дядька вздохнул:

— Нехорошо получилось...

Когда затихло урчание мотора, сели ужинать. Разложив на скатерти провизию, Лексеич откупорил бутылку и разливать начал с Евгения Ивановича (он остался ночевать с нами, зная, что намечается выпивка). Когда дошла очередь до меня, я отказался, но дядька настоял:

— Много не налью, а сто граммов можно — не маленький, скоро на службу пойдёшь!

Соглашаясь, я почувствовал себя взрослым с нечужими людьми, хотя ста граммами дядька поздногато решил меня удивлять.

После ужина запаслись соломой на ближайшем поле. От неё веяло полынным духом, и казалось, что ночуем не в лесу, а среди ржаного разлива. Под тулупами разговаривали недолго — сказалась усталость. В наступившей тишине лишь слышался звон уздечки и редкое всхрапывание Буланчика, шуршавшего сеном. Вскоре все уснули, а мне почему-то не спалось. Я смотрел на крупные звёзды, на Млечный Путь и загадывал, что будет со мной через пять, десять...тридцать лет.

4

Проснулся от озноба. Вместе со мной и все проснулись, поеживаясь, принялись укладывать брёвна в штабель. Теперь пришлось потрудиться застоявшемуся Буланчику. Он усердно волочил осиновые и дубовые хлысты, и вскоре его светло-кофейные бока потемнели от пахучего пота. Мерин

был приписан к пастухам, но второй год пошёл, как его использовали на вспомогательных работах, так как он хромал, а какому пастуху нужна бракованная лошадь. Поэтому эта осень была последняя для Буланчика. С первым снегом его отправят на мясокомбинат так же, как и лошадь водовоза Потапа, потому что на днях около фермы поставили водонапорную башню, и теперь занимались наладкой поильного оборудования. И тогда лошадей в деревне почти не останется. А лет пять назад их было три десятка — целый табун пасся по ночам в долине. Но всё поменялось в ту пору, когда Хрущёв провёл очередную реформу. Князевку приписали к райцентру, до которого всего-то километр, сделал нас «городскими», местный колхоз оформили отделением совхоза и в разгар лета стали «отрезать» огороды, доводя их до «городской» нормы, изводить скотину — вой и плач стоял над деревней. Зато население сразу стало «культурным», и все с этим — хочешь не хочешь — смирились, понимая, что выше головы не прыгнешь, тем более что деревенский уклад по-настоящему и не поменялся.

Складывать штабель закончили к обеду, Евгений Иванович замерил кубатуру.

Оставив братьев дожидаться машину, я отправился с Алексеичем, чтобы разыскать в деревне Василия. Мы возвращались с азартом удачливых охотников. Буланчик, почувствовав желанное возвращение, торопливо рысил, словно и не было тяжёлой работы и собственной хромоты. Временами перед нами неспешно расступался лес, воздух был чист и свеж, в нём далеко разносилась трескотня жирующих перед отлётом дроздов, шумными стаями кипевших над алыми рябинами. На закрайках изумрудных озимых полей спугивали вяхирей. Эти осторожные лесные голуби, взлетая, оглушительно хлопали крыльями и, покружив над полем, опускались, как только мы удалялись с облюбованного ими места.

Вернувшись из леса, я сразу увидел Павлика. Он встречал нас двоих, но смотрел только на меня, словно спрашивал о тайне, которую доверил позавчера.

— Всё нормально, — сказал ему, а он понятиливо и благодарно взглянул ещё раз. Было видно, что мальчишка мучается, и не хотелось терзать его, ведь лишними вопросами ничего не изменишь. Я надеялся, что со временем история эта забудется, он успокоится и будет прежним весёлым Пашкой и когда-нибудь расскажет о своей проделке.

Поговорив с Павликом, я отправился на поиски Василия и удачно нашёл его около фермы. Сразу поехали в лес. Уст-

роившись в кабине, я наблюдал, как он вёл грузовик: легко преодолевал подъёмы, умело объезжал рытвины, а на ровном месте рвался навстречу ветру, колыхавшему кучерявую шевелюру Василия.

— Трудно водить машину? — спросил я, когда возвращались после первого рейса.

Он внимательно посмотрел на меня и, убедившись, что вопрос задан не от скуки, поправил пшеничные усы:

— Баранку крутить просто, но этого мало. Чтобы стать асом, надо машину знать, а главное — любить. Я слышал, ты на шофёра решил учиться?

— В октябре начнутся занятия...

— Вот это дело! — подмигнул он и предложил, остановив машину: — Садись на моё место!

Я слегка растерялся, а он спросил:

— Приходилось за баранкой сидеть?

— Несколько раз рулил грузовиком, когда прошлым летом возил зерно на ток.

— Тогда — вперёд!

Неуклюже усевшись за рулём, я постарался плавно тронуться с места и уже ничего более не видел вокруг до самой делянки. Только дорогу впереди.

5

Со следующего дня три-четыре человека стучали, пилили, строгаги. Ударной силой был Николай. После школы он приезжал из соседнего села к погорельцам и, поставив в сторонке велосипед, приступал к работе. Вместе с ним и мы начинали работать веселее.

Частенько появлялся дед Потап, благо его изба стояла напротив тётушкиной. Именно — появлялся. Маленького, жухлого, его замечали не сразу, лишь когда, мусоля самодельную трубчонку из корневища ореха, он начинал давать советы или вспоминать молодые годы. И такой у него всегда получался рассказ, что, мол, нынешняя молодежь не та. «Вот мы были!»

— Это вы зря, дядя Потап, — не согласился однажды Владимир, когда зашёл разговор об учёбе. — Вот взять, к примеру, Павлика. В начальной школе учится, а в науке вас за пояс заткнёт!

— Ясно — заткнёт! — согласился Потап. — Я лишь две осени в школу ходил, две пары лаптишек поистаскал — вот и всё обучение. А если мне три года поучиться — не то было бы!

— Ничего особенного...

— Как так! Коли я с двухосенним образованием бригадирствовал, то, поучись-поболей, — мне прямая дорога в председатели наметилась бы!

— Хорошо, это при царе Горохе. А в наше время смогли бы возглавить бригаду?

— Я те, мил-человек, вот что скажу: коли ты бригадир, то более смекалка нужна, и от людей уважение надо иметь — это уж само собой!

Владимир не уступал:

— Сейчас техника кругом. Её знать надо!

— Это верно, — не сдавался Потап, — техники много нагнали, но не всякая машина заменит человека, без него в любом деле не обойтись. Как, к примеру, с картошкой справляться?! Молчишь? Вот и приходится в город за помощью обращаться, потому что своя молодежь норовит улизнуть. Сперва улизнут, а потом возвращаются на уборку. А чего, спрашивается, туда-сюда мотаются?

— Посылают!

— Вот и плохо, что посылают. Невольник — не богомольник! Ты вот пожил в городе, и топор разучился держать — у самого обуха вцепился. Свободно держи топорщице, а бей с отяжкой!

Потап выхватил инструмент у сконфуженного Владимира и начал заново протёсывать стропилу, исправляя его огрехи.

— Вот так, вот так, — повторял в такт топору разгорячившийся дедок.

— Учись, Володь, — улыбнулся Николай, — не упускай возможности.

— Ты тоже нос-то не дери, — мельком взглянув на Николая, хмыкнул Потап. — И тебе его утру, не погляжу, что давнишний плотник.

— Может, соревнование устроим? — предложил Николай.

— Устроим! — согласился Потап.

Недолго думая, выбрали две одинаковые лесины, кинули жребий. Потап приладил шнурку и шлёпнул ею по зеленоватому боку осинового бревна, оставляя на нём след мела. И вторую лесину разметили. Отложив трубку и половчей ухватив топорщице правой рукой, культяпой с войны, Потап замер, ожидая сигнала Алексеича, назначенного судьей.

Приготовился и Николай.

Когда раздалась команда, топоры ударили одновременно, но постепенно удары расстроились, участились, и уж стало заметно, что Николай обходит соперника, а вскоре, вонзив топор в стропилу, он выпрямился.

— Всё ясно, — остановил разошедшегося Потапа Владимир, — можно не продолжать.

Потап ничего не ответил, а, разделавшись с лесиной и немало отдышавшись, закурил трубку и подозвал его:

— Проведи ладошкой. Оцени!
— Молчу, — развёл руками тот, — в этом ваш верх.
— То-то же, — заулыбался Потап. — Сделать быстро — полдела, важно — как сделать! Ныне качество на первое место ставят!
— Что это вы, мужики, расшумелись? — поинтересовалась тётушка, возвращавшаяся из магазина с двумя сумками наперевес.
— Евдокея, — взмолился Потап, — хоть ты заступись — одолела молодёжь, совсем затюкала!
— Тебя затю-юкаешь...
— Это точно, я мужичок ножевой, острый, — просиял дед, — не враз поддамся.
— Вот, мужики, о чём хотела спросить, — тётушка на минутку замолчала, на лбу резче обозначились морщины, а в выцветших серых глазах усилилась печаль, с которой в последние дни она не расставалась. — Управимся ли до престольного праздника?
— Не беспокойся, Евдокея, — за всех ответил Потап. — Страшно гореть, а постройтесь — станет любо смотреть. Так что успеем к сроку!
— Дай-то Бог, — вздохнула тётушка.
— Бог-то Бог, а и сам не будь плох, — хмыкнул Потап и, вспомнив о прерванном разговоре, стал наскокивать на Николая: — Так кто же победил? Кто, спрашиваю?
— Будет вам, — вмешался Лексеич, — как судья, предлагаю ничью. Согласны?
— Согласны! — нестройно, как обиженные мальчишки, отозвались они.

6

Осень шла неспешно, но с каждым днем всё заметнее набирала силу. В лучах солнца уж не было летнего тепла, исчезли паутины бабьего лета, а воздух уплотнился, наполнился влажной свежестью, которая не рассасывалась и в погожие дни. Разукрашенные клёны шуршали на ветру пожухшими листьями и незаметно теряли их, расстилаясь цветастой позёмкой.

Стройка завершилась. Над домом возвышалась новая крыша под шифером, стоял бревенчатый двор, веранда тарачилась узорными рамами. Владимир заменил электропроводку. Отпуск у него подошёл к концу, и перед отъездом он заглянул к погорельцам попрощаться. Как водится, было угощение и «посошок» на дорожку.

После его отъезда неожиданно исчез Потап. Думали, что он окончательно загоревал с пуском водопровода на ферме, оставшись без работы, и теперь залёг у себя в саду, где в шалаше стояла замаскированная бутылка с бражкой, но нет — через несколько дней появился, правда, взъерошенный и слегка красноглазый. Мы с Николаем обшивали тёсом сарай, Лексеич укладывал сено, собиравшееся соседями, и не сразу заметили Потапа. Опустив с плеча мешок, ничего не объясняя, он попросил у хозяина лестницу.

— Зачем? — удивился дядька.

— Нужна, коли спрашиваю! — не церемонясь, настоял Потап.

— За двором, под пеленой висит...

Едва дотащив тяжёлую лестницу, сколоченную на скорую руку из сырых жердей, Потап попытался приставить её к фронтому, но ничего у него не получилось.

— Помочь? — вызвался Николай.

— Подсоби, — не отказался Потап. — Двое-трое — не как один: лошадь отнимут, мы сани не дадим.

— Что ты, старый, затеял? — облокотившись о череноквил, спросил Лексеич, когда лестница была установлена.

Потап с ответом не спешил. Он осторожно извлёк из мешка деревянного петуха и потряс им:

— А вот то!

— Как живой! — удивлённо заморгал Лексеич.

Подхватив петуха, Потап полез на лестницу, но дядька остановил:

— Погоди, моложе есть, чтобы по верхам скакать... Вовка, — посмотрел на меня дядька. — Чего уши развесил, не видишь, как старик корячится?

Потап не сразу расстался с поделкой. Повертел петуха, осмотрел со всех сторон и лишь после этого передал мне:

— Поосторожней будь, не вырони.

Поднявшись по лестнице, я прибил шест к наличнику, и петух-флюгер, не сопротивляясь набежавшему ветру, послушно крутнулся туда-сюда, словно обживался.

— Вертлявым получился, ну прямо твоя копия! — пошутил Лексеич.

Потапа это не смутило:

— У него служба хлопотная — на месте не посидишь. Есть такое поверье, что для погорельцев петух на князьке — первый сторож, он огонь отводит!

Дядька притворно засомневался:

— Не улетит? Как хвост-то распушил!

— Не волнуйсь. Из него летун, как из меня председатель.

Решив, что дело сделано, Потап присел на бревно, достал кiset. Глядя на Потапа, Алексеич подсел к нему, раскрыл банку из-под леденцов, приспособленную для самосада, но Потап остановил:

— У меня послаще есть. Вчера сын «Золотое руно» прислал! Балует пенсионера!

— Тогда давай твоего попробуем...

7

Престольный праздник у нас в октябре, на Алексия, но стройку завершили к концу сентября. Так что было время навести окончательный порядок у погорельцев: покрасить фронтоны, веранду, ставни — это уж была моя забота. Не такая уж и сложная. К тому же дни заметно убавились, у меня оставалось время сходить в посёлок, встретиться вечером с Олей, необыкновенно за лето повзрослевшей. Мы либо гуляли у реки, либо шли в кино, но в любом случае мне с ней было очень уютно, я чувствовал себя счастливым человеком. Поэтому работал в эти дни со значительной радостью, всё более осознавая, что минувший месяц стал для меня чередой серьёзных событий, и теперь необыкновенным взглядом смотрел на сделанное, смотрел с таким чувством, словно без меня ничего и не вышло бы. Мне было неведомо, как сложится дальнейшая жизнь, дружба с Олей, но теперь я твёрдо знал, что многому научился, многое понял за минувший месяц, и всё это стало моим опытом. Пусть пока и небольшим.

Праздничное утро выдалось тихим и влажным. В тёплом, мягком тумане, лёгкой наволочью накрывшим деревню, стойко держался запах пирогов, жареных уток и гусей, малосольных огурцов и укропа. Из садов притекал хмельной запах зрелых антоновок. Застольный дух баламутил мужчин, самые нетерпеливые пенсионеры с утра успели «освежиться» и собирались группами, громко разговаривали, а смеялись чему-то своему ещё громче. К полудню туман поредел, и мутным пятном обозначилось солнце. Народившийся ветер вскоре разогнал остатки тумана, но тишины не нарушил. Не нарушало её и мужское население, разошедшееся по домам, чтобы собираться в гости или встречать гостей.

Вернувшись из обхода по деревне, Иван Алексеевич устало опустил на лавку и радостно сказал жене:

— Евдокия, всех обошёл, всех пригласил!

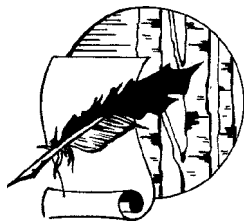
— О гармонисте не забыл?

— Как забыть. Юрку первому напомнил.

Тётушка с утра успела побывать в поселковой церкви, а после полудня с дочерью и моей матушкой хлопотала у стола, мы же с Алексеичем и Павликом, пришедшим из школы, встречали гостей; Павлик за время стройки оттаял, стал по-маленьку улыбаться. Наверное, понял, что я никогда не расскажу о его тайне, которой он поделился со мной в трудную для себя минуту.

В назначенный час первым прибыл к тётушкиному дому раскрасневшийся от ходьбы хромоногий Юрок (в детстве он упал с печи, повредил ногу, зато теперь считался первым гармонистом в Князевке). Он щеголял новой клетчатой кепкой, новым же хлопчатобумажным костюмом серого оттенка, плащом из хрустящей болоньи свинцового отлива и цветастой гармошкой через плечо. У крыльца он заиграл елецкого, и звонкий наигрыш легко выпорхнул, торопливо побежал по порядкам, заглядывая в каждую избу, извещая о начале праздника для всех и каждого.

1968 г.

Николай ПИДЛАСКО

Николай Тихонович Пидласко родился в 1956 году на Украине. Окончил Киевский инженерно-строительный институт. Служил в ВС СССР и России. Лауреат литературной премии им. Александра Прокофьева «Ладoga» за 1918 год. Публиковался в журналах «Наш современник», «Север», «Родная Ладoga». Автор четырех поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в г. Колпино Ленинградской обл.

ВСЁ НАВЕКИ ВО МНЕ

БАБУШКА ВАЛЕДА

В доме тюль до потолка
И полы со скрипом,
Стойкий запах молока
И медовой липы.

На окне вазон резной,
Свечи на божнице.
За окном простор родной
Рожью золотится.

И портреты на стене.
В тумбочке — медали...
Все сыночки на войне
Без вести пропали.

И годам потерян счёт
Бабушки Валеда.
И живёт, живёт, живёт,
Пережив все беды...

ПРАЗДНИК ПОКРОВА

Кровать и стол, и стульев ряд,
Известкой выбелены стены.
И руки женщины лежат
На хрупких старческих коленях.
Она давно живёт одна,
Живёт назло судьбе немилой.
Всех забрала родных война —
Ни похоронок,
Ни могилочек...
И завтра праздник Покрова.
И дремлет рядышком котёнок.
Половичок.
И кружева.
И звук часов.
И свет иконок.

* * *

Облако тенью пасётся в долине,
Ветер залётный ерошит копну.
Вот моя Родина: роща, малинник,
Речка — всего два шага в ширину.

Плачется иволга где-то далёко.
Неугасимое в сердце тепло.
Милая Родина — шелест осоки,
Старые ивы, церквушка, село...

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Перекрёсток. Тын. Копна.
Над долиной просинь.
Речка светлая до дна.
Пахнет тыквой осень.

Рожь не кошена, черна.
В памяти былое:
Невозвратная страна,
Время золотое.

И печалится душа
У родных обочин,
Годы жизни вороша,
Исповеди хочет.

У могилек постою,
Помолчу с родными.
Я в отеческом краю
Богом лишь хранимый.

Оттого тепло плетней
И жердин-стожаров
Мне дороже всех огней
Городских бульваров.

Невозвратная страна.
Василёчков просинь.
Частоколов белизна.
Лихолетье.
Осень.

* * *

... Чем еще мне в родимом краю дорожить,
Как не грустью седых, вековых тополей,
Как не полюшком хлебным, где тропочки нить
Стала болью и светлой надеждой моей.
Я хочу дорожить и всегда быть в родстве
И с пшеничной межой, и с речною волной,
С каждым кустиком малым в траве-мураве,
И с небесной звездой, и с душистой копной,
И с плетнями белёными солнечных сёл,
И с погостами, рядом, чуть-чуть в стороне.
Чем ещё дорожить?.. Всё, что мог — всё обрёл!
Всё в себе сохранил. Всё навеки во мне...

МЕЖА

Смотрю на поля и долины —
В отаве желтеет жнивье.
Нет горечи прежней в полыни,
И запах не тот у неё.

У клёнов пострижены кроны,
Как будто калеки стоят.
Хоромы, балконы, фронтоны.
Ни клуба, ни стареньких хат.

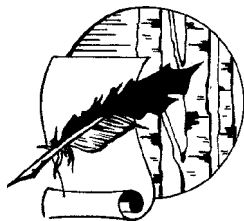
На сердце тревога, усталость,
И радость — не радость уже.
Но горечь полыни осталась
На этой вот самой меже...

В НОЧНОМ

Долина. Ивы. Огороды.
Гляжу в ночные небеса:
В созвездье Девы месяц бродит,
Рассвета брезжит полоса.

Притихли лошади.
Услышать
Хочу, как вертится земля,
Как тишина с небесной крыши
Стекает тихо на поля...

г. Колпино Ленинградской обл.

Валентина БЕЛЯЕВА

ПОД ШУРШАНЬЕ ЖЕЛЕЗНЫХ КОЛЁС

ПРОЩАНИЕ

Горел, как обезумевший, закат,
Как света неотвратное скончанье.
Тоскливые глаза и долгий взгляд,
Обрывки фраз неясных невпопад,
Зависшее нелепое молчанье.

Мой бедный ум его уже постиг —
В шагах по нотах лестничных ступеней,
В чужом кольце в протянутой горсти.
И не произнесённое «Прости»
Сползало на пол с дрогнувших коленей...

И ветром распахнуло настежь дверь,
И падали за окнами деревья,
Скребились и бились в стёкла. Но поверь:
Ничто мне так не дорого теперь,
Как боль в твоём горящем подреберье.

Та боль, что мне однажды суждена
Обманчивым мгновением покоя...
И не твоя преступная вина,
Что так она бессильна, холодна.
И над тобой сияние такое...

Он — в стекле. На стене. В тонкой рамке.
Как ни горько, родная, тебе.
И ему только преданный ангел
Будет спутником-стражем в судьбе.

Ну а там, средь вселенского снега,
Средь равнин из серебряных льдов,
То ль Медведица, то ли Омега
Вспыхнет горним цветеньем садов.

И не путник, актёр или зритель —
Он найдёт для себя островок,
Где тепла и надёжна обитель,
Где недвижим взошедший восток.

И растерянный взгляд оживится
Среди сонма светящихся крыл.
И он тихо в окно постучится.
И услышится: «Мама, я был...»

ЭТОТ СНЕГ..

Пусть давно был окончен их бал.
Но всё так же горели закаты!
И никто никогда не узнал,
Что связало двух женщин когда-то...

Оглянуться не страшно, там — век!
И война, и столбы, и границы,
Леденящие ветры и снег,
Что теперь так игриво вихрится.

Этот снег — в щёлки их же дверей.
Этот снег — им в глаза, сивогривый,
Покружившись вокруг фонарей
По дорогам, обочинам стылым,

Свирепея метелью, сметал
Умиравшие мокрые листья

И горошинки лихо кидал
На рябин леденевшие кисти.

Этот снег, и прекрасен, и наг, —
С огнеглазою осенью венчан.
Этот снег — как предательский флаг.
Этот снег — со следами двух женщин...

Этот снег! Он преследовал их!
И хотя видел мир наизнанку,
Был сражён, неожиданно тих,
На асфальте увидев фиалку...

А вдали — словно огненный крест,
Словно отсвет венца сотворенья,
Розовея сползал край небес —
Неразгаданной тайной рожденья...

И, заплакав, сбивая разбег
По пустынным промозглым аллеям,
Что-то скажет двум женщинам снег..
Что-то нежное скажет обеим...

У ВАГОННОГО ОКНА

Под глухое шуршанье железных колёс
Погляжу из окна, сколько видится оку.
И мелькнёт за рекой задремавший откос,
И озябая рошица русских берёз
Молчаливо кивнёт и проводит в дорогу.

Всё знакомо: поросшие взгорки мелькнут,
Позабывтое мёртвое царство меж сосен.
У дороги во мху — лошадиный хомут,
Чуть поодаль — в листве утопающий пруд,
Разноцветной матрёшкой — беспечная осень.

Завиднеется грусть молчаливой стерни
И тревожные думы плывущих обочин.
Меж безногих стволов — сучья, ветви и пни..
А вдали за холмами мерцают огни,
И за кромкой земли что-то странно рокочет..

МОИ ДЕРЕВЬЯ

(Лина Костенко. Перевод с украинского)

Снега метут, невольно нас сближая,
И с каждым мигом всё тесней наш круг.
Мои деревья, вас я приглашаю
На белый танец — вальс поющих вьюг.

Пусть будут снег и музыка, и свечи,
И пламя в жадном чреве очага!
Сложите ветки мне свои на плечи,
Страхните с них колючие снега!

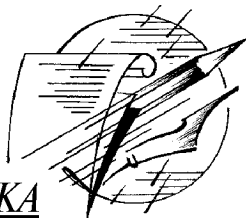
Мои деревья, вас я обожаю
За преданность, не мыслимую тут.
Зима идёт, мне душу обнажая...
Метут снега... Снега метут, метут...

г. Воронеж

ПРОЕКТ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Слишком много признаков того, что «хозяева денег» (главные акционеры Федеральной резервной системы США) добиваются установления полной власти над миром. Короче говоря, из «хозяев денег» они хотят превратиться в «хозяев мира». Все свои действия, направленные на строительство нового мирового порядка, они прикрывают «красивыми» словами о том, что все это делается ради «благополучия человечества».

Примерами такой «заботы» о человечестве являются, например, иницилируемые «хозяевами денег» международные программы по борьбе с «потеплением климата», по контролю над рождаемостью, по борьбе с международным терроризмом и т.п. Еще одним направлением «благородной» деятельности, всячески педалируемой мировой элитой, является цифровизация всех сторон жизни общества (финансы, экономика, образование, здравоохранение, культура и др.). Об этой цифровизации я уже писал много. В частности, можно упомянуть мою книгу: «Мир под гипнозом цифры, или Дорога в электронный концлагерь» (М.: Библиотека РЭО им. С.Ф. Шаrapова, 2018).

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Как можно догадаться по самому названию книги, в ней я прихожу к выводу: лукавые увещевания мировой элиты об удобствах и выгодах цифровизации призваны, в конечном счете, заманить отдельные народы и всё человечество в «цифровую мышеловку» или «мировой электронный концлагерь». С помощью «цифры» мировая элита планирует, прежде всего, установить контроль над поведением и жизнью человека.

Сегодня разработки в области цифровых (информационно-компьютерных) технологий продвинулись так далеко, что можно уже контролировать не только действия человека, но даже его мысли. По крайней мере, в Китае уже имеются такие технологии, которые можно назвать «детекторами лжи», но для проверки человека не нужно датчиков и проводов. Да и сам человек может даже не подозревать, что он подвергается «тестированию».

Во всех вариантах построения мирового электронного концлагеря неизменным условием является цифровая идентификация человека. Последние 20—30 лет (особенно после событий 11 сентября 2001 года) активно обсуждается такой способ цифровой идентификации людей, как вживление в тело человека электронного микрочипа. Такое чипирование позволит Большому Брату не только видеть всех людей, но даже при необходимости управлять ими.

С помощью посылаемых на электронный микрочип сигналов можно вызывать чувство боли, помутнение рассудка, вызывать слепоту, глухоту и т.д. Сегодняшние технологии позволяют не только «блокировать» человека, но заставлять его действовать в нужном направлении. Т.е. из человека можно сделать биоробота, или киборга. Еще одним шагом к тому, чтобы обеспечить эффективное управление людьми, должен стать отказ от наличных денег. Оцифрованный человек будет привязан к банковскому счету, в случае необходимости Большой Брат может заблокировать человеку его счет и обречь его на голодную смерть.

Технически всё уже давно проработано. Самое узкое место в проекте построения электронного концлагеря — индивидуальные микрочипы. Тотального охвата населения такими микрочипами достичь пока не удастся. Народ интуитивно чувствует, ради чего всё это делается, и всячески сопротивляется. Есть, конечно, добровольцы. К ним можно добавить заключенных, умственно больных, военнослужащих и еще некоторые категории людей, которым чипизацию делают в обязательном порядке, т.е. принудительно. Но даже в США, где власти уже с конца прошлого века «продавливают» мас-

совую чипизацию и грозят людям уголовной ответственностью и тюрьмой, эффективность усилий крайне невысока.

Новый натиск на народ со стороны властей предрержащих (особенно в США и Западной Европе) начался с первых чисел нового, 2020 года. Как вы догадываетесь, этому способствовала истерия с коронавирусом. Появился ряд дополнительных сильнодействующих аргументов в пользу массовой чипизации.

Во-первых, в условиях пандемии (а нынешняя пандемия, надо полагать, не последняя) власти должны иметь полную информацию о состоянии здоровья каждого человека, включая информацию о том, какие прививки у него были сделаны. И получить такую информацию любой проверяющий сможет одним нажатием клавиши компьютера, если, конечно, у человека будет микрочип, связывающий его с централизованной базой данных.

Во-вторых, такой микрочип позволит Большому Брату отслеживать перемещение человека, его контакты с другими людьми, а также идентифицировать местонахождение в каждый данный момент времени (на случай, если человека потребуется срочно изолировать, вакцинировать и т.п.).

В-третьих, микрочип будет действовать как передатчик, пересылающий в централизованную базу данных сведения о физическом состоянии человека (в первую очередь, о температуре тела).

Таким образом, чипизация и вакцинация — тесно между собой связанные темы. Но до недавнего времени многие воспринимали эту связь следующим образом: чипизация нужна для вакцинации. А недавняя пандемия всё поменяло местами: вакцинация становится средством чипизации. На первое место выходит вакцинация. О чипизации власти неожиданно стали помалкивать.

С начала года в СМИ появилось бесчисленное количество материалов (статей и выступлений) на тему вакцинации. К официальным заявлениям чиновников отдельных государств и международных организаций (особенно ВОЗ) о том, что человечество от чумы коронавируса спасут вакцины (которые, вот-вот будут разработаны и будут брошены на спасение людей), с доверием относятся далеко не все. Многие честные и смелые эксперты справедливо отмечают, что у тех, кто занимается продвижением вакцин и прививок по миру, истинные цели совершенно иные, чем декларируемые. Таких целей две.

Во-первых, обогащение. Фармацевтические компании рассчитывают на вакцинах заработать миллиарды. Долларов, евро, фунтов стерлингов, швейцарских франков и т.д.

Во-вторых, убийство. «Хозяева денег» стремятся отправить на тот свет миллиарды граждан всех стран мира, включая даже те, которые принято относить к «золотому миллиарду». В конечном счете, на планете должен остаться всего один миллиард человек. Таковы «рекомендации» Римского клуба. И вряд ли этот миллиард можно будет назвать «золотым». «Золотым» в нем будет лишь один миллион, вчерашние «хозяева денег», а отныне «хозяева мира». А на них будут работать остальные 999 миллионов.

Но, оказывается, имеется еще одна цель вакцинации, о которой знают только узкие специалисты. Несколько лет назад для борьбы с онкологическими заболеваниями были разработаны вакцины с использованием достижений нанотехнологий. Появилось новое поколение препаратов, получивших название нано-вакцины. Приставка «нано» означает мельчайшую величину — одну миллиардную часть (10 в минус девятой степени). В нано-вакцинах используются мельчайшие частицы, которые и создают необходимый лечебный эффект (впрочем, имеется достаточно большое количество оппонентов, считающих, что долгосрочные последствия нано-вакцин на здоровье человека еще не исследованы).

Но нас интересует не медицинская сторона вопроса. Дело в том, что нано-прививку можно использовать в качестве своеобразного троянского коня. Вместе с нано-вакциной в тело человека можно запустить сверхминиатюрный микрочип, который является нано-веществом. Человек, согласившийся на прививку, даже не будет знать, что в него одновременно внедрили нано-чип. Оказывается, разработка таких троянских коней началась еще в нулевые годы, причем главным в создаваемом продукте был нано-чип, а нано-вакцина должна была выполнять роль своеобразного прикрытия.

В одном электронном издании США, специализирующемся на разоблачении планов американской и международной «медицинской мафии» («Prevent Disease.Com»), еще в 2009 году появилась статья: «Are Populations Being Primed For Nano-Microchips Inside Vaccines?» («Подталкивается ли население к принятию нано-микрочипов, упрятанных в вакцины?»). Как отмечается в указанной статье, еще в последние годы XX века удалось разработать микрочипы нового поколения, основанные на использовании нанотехнологий. Сверхкомпактные (не больше пылинки, радиус порядка 5 микрометра, что примерно в 10 раз меньше толщины волоса) и недорогие.

В этой связи родилась идея такие микрочипы внедрять в тело человека посредством уколов, капельниц, прививок.

И лучше всего это делать в момент появления ребенка на свет в роддоме. А для тех, кто сумел уже проскочить рубеж роддома, вполне сгодятся пандемии. А создавать искусственные пандемии может Всемирная организация здравоохранения, которая уже давно была замечена в обслуживании интересов международной «медицинской мафии» и контролировалась «хозяевами денег». Вот что, в частности, говорилось в указанной выше статье: «Запущенный Всемирной организацией здравоохранения сценарий с пандемией свиного гриппа как нельзя лучше подходит для пропаганды и принуждения населения добровольно согласиться на введение микрочипов через нано-вакцины. Все это будет сделано под лозунгом «высшего блага» для человечества».

В Устав ВОЗ в нулевые годы были внесены некоторые любопытные изменения. ВОЗ изначально могла лишь выдавать международному сообществу «рекомендации». Поправка 2005 года позволяет ВОЗ в чрезвычайных ситуациях (при тех же пандемиях) издавать не «рекомендации», а «приказы», обязательные к исполнению всеми странами. Недаром сегодня ВОЗ называют частью мирового правительства. Так же сняты существовавшие ранее в документах ВОЗ критерии (например, такой, как процент смертности среди инфицированных), позволяющие объявлять появление и распространение вируса как «пандемия». Теперь ВОЗ сама решает, что есть пандемия, а что нет. И объяснять общественности свои решения она не обязана.

Приведу в этой связи мнение по поводу последнего решения ВОЗ Питера Кёнига, научного сотрудника Центра изучения глобализации (Канада), экономиста и геополитического аналитика, ранее работавшего во Всемирном банке: «ВОЗ объявила коронавирус COVID-19 «пандемией» — при том, что нет ни малейшего следа пандемии. При пандемии смертность от заражения достигает более 12%. В Европе уровень смертности составлял около 0,4% или менее — за исключением Италии, которая представляет собой особый случай, когда пик смертности составил 6%... Скорее всего ВОЗ получила приказ «сверху» — от тех людей, которые также управляют Трампом и «лидерами» Европейского союза и его стран-членов, т.е. от тех, кто стремится управлять миром с помощью силы Единого мирового порядка».

В 2010 году Татьяна Грачева в своей известной книге «Когда власть не от Бога. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы» посвятила большую главу

вакцинам как оружию массового поражения. И уже тогда она писала: «Внедрение нано-микрочипов в вакцины — вопрос ближайшего будущего».

Сегодня это будущее уже наступило. Опуская детали, скажу, что тогда пандемию свиного гриппа А/Н1N1, начавшуюся ровно 11 лет назад в Мексике, не удалось раздуть до вселенских масштабов (она немного задела США, но к лету того же года полностью «выдохлась»). И разработки нано-вакцин с нано-микрочипами тогда еще не вышли за пределы лабораторий. Другое дело — теперь. Уже весь мир был охвачен пандемией коронавируса. И «-тройские кони», судя по многим признакам, уже готовы для того, чтобы поразить миллионы и миллионы людей на планете.

Сегодня мы видели, как под флагом борьбы с коронавирусом происходило соединение двух, казавшихся ранее автономными, глобальных проектов — проекта «спасения» человечества с помощью вакцин и проекта «цифровизации» человечества. Олицетворением этого «синтеза» стал известный всем миллиардер Билл Гейтс, устойчиво входящий в первую тройку самых богатых людей Америки.

До конца прошлого века имя Гейтса ассоциировалось прежде всего с компьютерами и «цифровыми» технологиями. Ведь он — основатель, владелец и руководитель знаменитой корпорации Microsoft. Но незаметно Билл Гейтс стал отходить от своего «цифрового» бизнеса, создав благотворительный фонд (Фонд Билла и Мелинды Гейтс). Основное направление деятельности Фонда — разработка вакцин и распространение вакцин по всему миру.

Деятельность Фонда сопровождается мощной PR-поддержкой. Миллиардер представляется как «спаситель» мира от пандемий и всяческих зараз. Билл настолько озабочен судьбами человечества, что, как сообщили СМИ, недавно полностью вышел из капитала своего детища Microsoft. Но как человек, хорошо разбирающийся в электронике и компьютерах, он призван обеспечить «органический синтез» «цифры» и «медицины».

Мало кто обратил внимание на мероприятие, которое было проведено по инициативе и при активнейшем участии Билла Гейтса в конце прошлого года. 18 октября 2019 года в Медицинском центре Джонса Гопкинса в Балтиморе, спонсорами которого выступили Всемирный Экономический Форум и Фонд Билла и Мелинды Гейтс. В мероприятии приняла участие структура с не очень пока еще знакомым широкой публике названием ID2020.

Оказывается, это программа, базирующаяся на государственно-частном партнерстве. В ней также участвует ООН и ее специализированные органы, неправительственные организации. Из бизнес-структур следует особо упомянуть компании Microsoft, Accenture, Cisco Systems, Pricewaterhouse Coopers (PwC). Это программа, призванная провести цифровую идентификацию в мире, полностью оцифровав планету к 2030 году. Из документов ID2020 узнаешь, что особую ставку программа делает на цифровую фиксацию человека в момент рождения (т.е. в роддомах) и при проведении массовых вакцинаций во время пандемий.

Альянс ID2020 к встрече в Балтиморе очень неплохо подготовился. Накануне в сентябре в Нью-Йорке он организовал встречу на высшем уровне под названием «Переход к хорошей идентификации». Под «хорошей» имеется в виду «идентификация», происходящая в моменты рождения человека и в моменты пандемий.

На встрече в Нью-Йорке было оглашено, что пилотный проект цифровой идентификации в 2020 году будет реализовываться в Бангладеш, в нём будут участвовать многие партнеры. Но, наверное, главным партнером будет ГАВИ — Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации. Это, как и ID2020, альянс, базирующийся на государственно-частном партнерстве, занимающемся вопросами «иммунизации для всех». Среди главных партнеров ГАВИ — ВОЗ и фармацевтические корпорации.

На встрече в Балтиморе ее участники, включая Билла Гейтса, горячо поддержали идею «хорошей идентификации». Кстати, были высказаны пожелания, чтобы не ограничиваться одним государством Бангладеш. Начинать надо с самых бедных, а это десятки стран Азии, Африки и Латинской Америки. Плюс миллионы малообеспеченных и даже бездомных в США и Европе. Они — социальная группа повышенного риска, поэтому уже в нынешнем году надо приступить к цифровой идентификации «низов» в странах «золотого миллиарда».

Кстати, на встрече в Балтиморе ключевым мероприятием стало компьютерное моделирование в Медицинском центре Джона Гопкинса глобальной пандемии. Результаты моделирования — 65 миллионов смертей. В январе 2020 г. на ежегодном саммите в Давосе МЭФ поддержал программу ID2020, а его участники при закрытых дверях ознакомились с результатами «моделирования» в Медицинском центре Джона Гопкинса. Как ни удивительно, всё сошлось в одной временной точке! Трудно поверить в такие случайные совпа-

дения. В то время, когда в Давосе проходил саммит, в китайском городе Ухань начало разгораться пламя пожара пандемии вируса COVID-19.

Теперь будем ждать следующего акта драматического спектакля под названием «Пандемия коронавируса». Акта, когда на сцене появятся «спасители» человечества с вакциной. Я уверен, что такая вакцина уже есть, и она ждет своего выхода на сцену. Впрочем, правильнее было бы назвать эту вакцину «тroyанским конем» «хозяев денег».

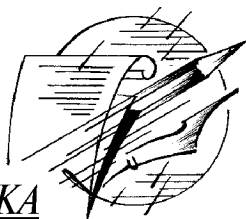
P.S. Волнения американцев (особенно тех, кто считает себя христианами и мусульманами) в связи с планами ID2020 и GAVI проводить массовую вакцинацию и идентификацию населения США вызывает все большие протесты. 19 марта Билл Гейтс выступил с объяснениями (через информационный ресурс Biohackinfo News). Пытаясь успокоить публику, он сказал, что вводимый в человека нано-микрочип, мол, будет иметь ограниченное назначение и будет позволять лишь ответить на вопросы: проходил ли данный человек тестирование на предмет вируса и была ли ему введена вакцина. Однако, как отмечают в социальных сетях противники вакцинации и чипизации, заявлению миллиардера доверять нельзя.

НА ПУТИ В «ЦИФРОВОЙ РАЙ»

Куда идет человечество

«Мы должны отдавать ясный себе отчет, в какое время мы живем. Ведь только духовно слепой или уже продавший свою душу врагам нашей святой веры и Церкви может не ощущать во всем, что сейчас происходит в мире, дыхание приближающегося антихриста», — писал ещё в 70-годы прошлого столетия архиепископ Аверкий (Таушев).

Сегодня на наших глазах конкретно реализуется глобальный проект, целью которого является построение нового рабовладельческого общества, управляемого посредством использования информационно-коммуникационных технологий, основанных на применении микроэлектроники, локальных и глобальных компьютерных сетей, которые собирают, обрабатывают, генерируют и распределяют информацию через системы глобальных телекоммуникационных сетей. Всё это подаётся человечеству как очередное достижение прогресса с целью «улучшения качества жизни» и обеспечения «мира и безопасности» (1 Фес. 5: 3).

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

А теперь по порядку. В 1995 году Международной академии информатизации (МАИ) был присвоен консультативный статус категории I при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС) — одном из высших органов Организации Объединённых Наций.

Вице-премьер правительства РФ Виталий Игнатенко прислал в адрес МАИ официальное поздравление с этим событием: «В этом уникальном решении Международного Сообщества, когда Академия, единственная в мире, получила такой статус при ЭКОСОС, проявляется признание крупных заслуг Академии в сфере информатизации и прежде всего — в информатизации мирового сообщества. Глобальная информатизация — это очевидный вызов XXI века. Особую радость доставляет то, что у истоков Международной академии информатизации стоит Россия. Выдающиеся российские специалисты во всех сферах человеческого знания».

Ранее, в 1992 году, на I Международном форуме информатизации при активном участии делегации РФ была принята разработанная МАИ «Информациологическая конвенция единого Мирового локально-распределённого информационно-сотового сообщества — новой информационно-космической цивилизации». «Конвенция» является «программным политическим документом ООН, определяющим развитие мирового сообщества на ближайшее будущее». За наукообразным названием документа умело скрывается его оккультная суть, враждебная православному мировоззрению.

Вот лишь некоторые выдержки из этой «Конвенции» с краткими комментариями:

«Информация — первооснова мира. Информация — внутри нас и вне нас. Всё, что нас окружает, везде и всюду — информация... Единый информационный мир состоит не только из космоса, природы, но и общества. Сознание общества принадлежит информационному миру Вселенной... Основным направлением развития единого мирового информационно-сотового сообщества является обеспечение перехода к конечной цели человечества — информационно-космической цивилизации».

Итак, по мнению авторов документа, конечная цель жизни человека — не в стяжании Духа Святаго Божия, не в спасении души для жизни будущего века, а в соучастии в построении «информационно-космической цивилизации», антихристианская сущность которой не вызывает сомнений.

Далее по тексту «Конвенции» читаем: «В информационном обществе нет разделения людей на рабочих, крестьян, интеллигенцию, служащих и так далее; нет разделений по расовому и национальному признаку: все люди — свобод-

ные информациологические личности... Человек обретает истинную свободу только в информационно-сотовом обществе (ИСО)... В ИСО нет власти законодательной, нет власти исполнительной, нет власти судебной... Во Вселенной и на планете есть единственная власть — власть информации».

Каково! Авторы «Конвенции» предлагают создать некую «серую расу» людей, лишенных семьи, национальных и культурных корней. При этом они скромно умалчивают, как будет осуществляться «власть информации», управляющая этим стадом «общечеловеков». Кто будет закулисным кукловодом у обитателей «информационно-сотового рая»? Несомненно, что эта «единственная на планете власть» будет основана на новейших технологиях психотронной обработки сознания людей. Так, человек получит «истинную свободу» не во Христе, а в бесовском сотовом сетевом обществе. Снова неувязка — Слово Божие учит нас иному: «Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5: 1).

Вернемся к тексту «Конвенции»: «В ИСО сначала границы, а затем и государства (как таковые) исчезнут. Планету Земля со временем все будут называть своей единой родиной... В ИСО за единицу структуры принимается территориальное самоуправляемое деление — информационно-сотовое. Соты — это территория с населением от нескольких десятков до 20 тысяч человек... Оптимальные соты с населением от 10 до 20 тысяч человек...»

Вот образ нового цифрового Вавилона, построенного по системе концлагерей ГУЛАГа, в которых, в среднем, также содержалось от 10 до 20 тысяч заключенных. Как уже отмечалось в статье, «Мир готовят к поголовной чипизации через вакцинацию», пожизненными и посмертными лагерными номерами, неотделимыми от тела человека. Глобальный альянс готов обеспечить всех жителей планеты цифровой идентификацией личности ID2020 в сотрудничестве с глобальным альянсом вакцин GAVI.

И вновь текст манифеста строителей «глобального цифрового рая»: «Люди в сотах и соты между собой взаимодействуют на основе радиотелекоммуникаций, своевременной и достоверной информации... Информационные сети для каждого члена общества будут являться источником информациологических ресурсов, самодисциплины, самоорганизации, самоуправления, источником высоконравственной морали и порядка в каждой соте... В ИСО информация становится мировым информационным бассейном для каждого члена общества, как воздух для птиц и вода для рыб...»

Итак, из соты далеко убежать не дадут. Каждая «свободная» личность должна сидеть в своей соте и жевать информационно-наркотическую жвачку, принимая те образы, которые ей навяжет система. Люди будут «плавать» в «бассейне» виртуальной реальности, забыв о действительности, забыв о Боге. «Источником высоко нравственной морали» станут не заповеди Святого Евангелия, а всемирные информационные сети. Если современные телевидение и пресса активно используются для массового оболванивания и зомбирования людей, то можно только представить, какой «достоверной информацией» будут накачивать обитателей информационно-сотового цифрового общества через информационные сети нового поколения!

Что будет происходить дальше, видно из нижеследующего: «В ИСО осуществляется свободное перемещение информации, трудовых ресурсов, продукции. Денег не будет... Информационно-справочные банки придут на смену денежным банкам... В информационном обществе функционирует местная охрана общественного порядка. Фактически она будет контролировать возможные социальные отклонения, ибо выражение «охранять» со временем потеряет свой смысл в силу развитой и функционирующей во всем обществе безопасности всех сотовых образований и каждой личности в отдельности. К информационной безопасности относятся элементы микробиологической электроники, инфракрасные, лазерные и сверхбиохимические микросредства, обеспечивающие почти стопроцентную надежность и безопасность личности, семьи и общества».

Последнее означает переход к применению в обязательном порядке вживляемых в тело человека «чипов» и наносимых с помощью специальных технологий «меток», превращающих свободную личность в «гибрид электронного интеллекта и души», объект манипуляций или зомбированный придаток автоматически действующей системы.

Реализация плана по созданию на планете Земля локально-распределенного информационно-сотового сообщества совершается поэтапно. В его основу положен процесс глобальной цифровой трансформации, который реализуется под эгидой Всемирного банка и ООН. В нем участвуют 193 страны мира и более 800 частных корпораций. Но для того, чтобы единое наднациональное глобальное цифровое общество превратилось именно в локально-распределенное сотовое, необходимо людей поместить в соты и запретить без особого разрешения передвижение между сотами. Подобное социально-общественное устройство уже создано в Синьцзян-Уй-

гурском автономном районе Китая. Об этом уже немало написано. Фактически — это «полигон тестирования новейших технологий контроля». Об этом рассказывает «Коммерсантъ» в статье «Синьцзян стал воспитательным полигоном». В целом ряде других источников подробно описана структура этого района, реально состоящего из ряда отдельных строго контролируемых с помощью современных электронных средств территорий, разделённых контрольно-пропускными пунктами.

И вот весной этого года в мире была объявлена «пандемия коронавируса». Людей призывали строго ограничить число социальных контактов или вовсе уйти в «самоизоляцию». За этим последовали запреты на передвижение и собрания. Привычные житейские действия — повседневную работу, получение образования, покупки-продажи, банковские операции предлагалось совершать дистанционно (онлайн).

Онлайн — это любая деятельность, которая доступна исключительно через Интернет. Жизнь переходит в виртуальный формат. Уже реально вошли в жизнь онлайн-банкинг, онлайн-магазины, онлайн-лекции для студентов и онлайн-уроки для школьников, онлайн-концерты знаменитостей, онлайн-церковные службы различных конфессий, онлайн-тренировки, онлайн-прогулки и путешествия, онлайн-уроки танцев и даже «виртуальные пикники с друзьями».

Так, вся жизнь переходит в онлайн, что и требуется для построения информационно-сотового локально-распределённого цифрового общества. И всё это под неусыпным контролем Большого Брата.

И вслед за этим мы услышали предложения о создании мирового правительства для борьбы с очередной эпидемией... Об этом открыто заявил бывший премьер-министр Великобритании Гордон Браун. «Нам нужен кто-то вроде рабочего руководителя», — сказал он. Несложно догадаться, кто может стать таким «руководителем»...

Апокалипсис на наших глазах

Один из самых почитаемых в Греции старцев, архимандрит Афанасис Анастасиу, наместник священной обители Великие Метеоры писал в 2015 году: «Откровение святого апостола Иоанна Богослова говорит нам об одном весьма важном признаке — это постепенное направление хода истории к завершению. Антихрист не явится и не возьмёт окончательно свою всемирную власть внезапно, каким-то самым радикальным образом, опрокидывая весь ход истории. На-

против, он утвердится в некой, намного ранее созданной обстановке, в среде, в которой люди привыкли жить на протяжении длительного периода времени. Это всемирная богоборческая люциферова тирания, которая совершенно очевидно формируется в наше время, на наших глазах. Она создается не по Божией воле, но, напротив, стремится изменить и вытеснить всё подлинно христианское из жизни людей».

В наши дни процесс формирования богоборческой люциферовой тирании принимает ускоренный характер. Несомненно, катализатором этому послужило объявление ВОЗ о «пандемии» коронавируса, которое, по словам специалистов, стало информационной террористической атакой, породившей пандемию лжи, страха и паники.

События разворачиваются стремительно, чтобы в большинстве своём люди сразу не поняли, что на самом деле происходит. Многие последние сообщения информационных агентств в значительной степени объясняют происходящее.

5 апреля 2020 на канале Newstube в разделе «Главное» появился сюжет «Тотальная слежка: власти по всему миру используют пандемию в свою пользу». «Всё больше государств накрывает волна ограничительных режимов: чрезвычайных ситуаций и чрезвычайных положений. Уговоры сменяются приказами. И многие в таком подходе видят опасность того, что после пандемии мир уже не будет прежним», — говорится в комментарии редакции к видеосюжету, который начинается с выступления президента Филиппин Родриго Дутерте. Он разрешил военным и полиции стрелять по нарушителям карантина. А далее рассказывается, как устанавливаются новые тоталитарные порядки, ограничивающие права и свободы граждан в различных странах, в том числе с помощью современных цифровых технологий. Во всём мире людей приучают жить в условиях богоборческой тоталитарной тирании.

Даже во времена жестоких репрессий конца 30-х годов прошлого века никто не мог приказывать советским гражданам не отходить от дома более чем на 100 метров, а «нарушителям» не грозил самыми суровыми карами, вплоть до уголовных. Не было такого режима и на оккупированных фашистами территориях в период военного времени.

Сегодня слежка за людьми вкупе с грубейшими унижениями человеческого достоинства осуществляется самыми различными способами: «На федеральном уровне систему отслеживания нарушений карантина готовит Минкомсвязь в сотрудничестве с операторами связи», — сообщает URA.RU. — В арсенале властей есть множество способов, позволяющих отслеживать местоположение россиян. Существует техниче-

кая возможность реализовать подобные меры во всех крупных городах страны». Известно, что уже сегодня применяются способы геолокации мобильных приложений, самих смартфонов, слежка через банковские карты, социальные сети, проездные билеты или социальные карты, биометрию и камеры видеонаблюдения. Главное, чтобы человек был оцифрован! Личный код — идеальное средство автоматической идентификации или тотального контроля — основа построения цифрового общества.

Очень немногим известно, что осуществляемый под руководством Всемирного Банка процесс глобальной цифровой трансформации (с участием Российской Федерации) направлен к созданию единой глобальной системы идентификации и аутентификации всех граждан планеты. Собственно, ещё 11 июля 2005 года на сессии ИКАО в Монреале были утверждены единые всемирные стандарты машиночитываемых «электронных паспортов» с личными кодами для «гражданина мира сего» в системе «нового цифрового порядка» антихриста, включающие дополнительные биометрические параметры. Помимо трехмерного образа лица, предлагается использовать биометрические параметры радужной оболочки глаза или дактилоскопию в качестве вспомогательной технологии.

Впервые в истории человечества во всех странах мира вместо традиционных документов, удостоверяющих личность гражданина, по которым человек опознает человека, внедряются биометрические «электронные паспорта» с личными кодами, с помощью которых бездушная электронная система опознаёт человека, словно некую вещь.

«В условиях современной электронной тирании личность упраздняется и навязывается насильственное её превращение в пронумерованный предмет (товар). Иначе говоря, осуществляется превращение человека в номер. Человеческий фактор нейтрализуется, человек теряет свое неповторимое своеобразие, система признаёт только номер. Мы перестаем быть целостными личностями со свободной волей и деятельностью, а становимся объектами сбора персональных данных в информационно-управляющей системе», — пишет отец Афанасис Анастасиу.

Очередным этапом развития системы цифровой идентификации личности может стать применение так называемых «человеческих штрих-кодов» — идентификационных микрочипов, вживляемых в тело человека, а также других идентификационных меток, наносимых на тело, которые становятся неотделимой частью человеческой природы. Об этом

говорил в своём докладе Святейший Патриарх Кирилл (еще будучи митрополитом) 2 марта 2006 года, на конференции «Развитие биотехнологий: вызовы христианской этики»: «При худшем же сценарии развития событий естественное состояние человека трансформируется настолько, что станет совершенно невозможно должным образом обеспечивать его человеческое достоинство. Ибо в данном случае речь идет об изменении самой природы индивидуума и его естества, о вторжении извне в Божие творение и о покушении на замысел Творца о человеке и мире. Бог не без причины создал человека таким, а не иным. Но когда сам человек при помощи изобретенных им технологий, посредством всяческих имплантантов, вживлений и замещения естественного на искусственное подменяет самую свою природу, в которой он рожден, возникает один неприятный вопрос. Будет ли эта новая природа человека обладать той же непреходящей ценностью, восходящей к образу Божию, что и его прежнее естество? Будут ли эти полулюди-полуроботы, напичканные электроникой, обладать божественным достоинством или это будут уже иные существа? Ведь их с легкостью можно будет уничтожать и воссоздавать, модернизировать, ухудшать, разбирать на запчасти и собирать из них аналоги, превращать в объект множества новых манипуляций...»

Вживляемые физические носители личного кода гражданина могут использоваться не только для определения его личности, но и для осуществления безналичных операций купли-продажи. Несложно увидеть в этих «достижениях научной мысли» аналоги апокалиптического «начертания». Система цифрового кодирования людей введена с целью нанесения, в конечном итоге, «начертания» на тело человека. Таков принцип автоматической идентификации — идентификационный номер или личный код в машинно-читаемом виде должен быть нанесен на объект управления и стать его неотъемлемой частью. Причём, всё начинается не с присвоения человеку идентификатора в каком-то ведомстве, а с добровольного принятия и использования его человеком для получения каких-либо земных благ и так называемых «услуг».

Это необходимо знать и нужно помнить каждому, кто желает сохранить свою богоданную свободу.

ДВА РАССКАЗА

ДОМОВОЙ

Эта мистическая история произошла со мной в 1995 году. В то смутное время вседозволенности и безнаказанности бандиты стреляли на улицах, а всевозможные целители, маги, экстрасенсы, медиумы и колдуны вещали о своих сверхспособностях с телевизионных экранов. Тогда я мало верил в потусторонний мир и inferнальные чудеса, пока не испытал воздействие чёрной магии на себе...

На тот момент мне было тридцать четыре года, я служил в одной из войсковых частей города Севастополя. В начале сентября взял отпуск и решил исполнить давнее желание отца, который, живя в Бахчисарайском районе, мечтал побывать на своей малой родине — в Ивановской области, где жила его 95-летняя мать и, соответственно, моя бабушка Катя. В те годы выплаты мизерных пенсий задерживали по несколько месяцев, и у отца денег на дорогу просто не было. Мне, военнослужащему, полагался бесплатный проезд, а билеты для отца я купил в оба конца.

И вот я и мой отец Вячеслав Алексеевич, которого я обычно называл батя, сидим уже в купейном вагоне

ПРОЗА

скорого поезда «Севастополь—Москва». Вскоре за окном промелькнули домики маленького и тихого Бахчисарая, путешествие началось. По расписанию вышло так, что в Москву наш поезд прибывал рано утром, а потом предстояла пересадка на Ярославском вокзале на поезд «Москва—Кинешма», который отправлялся поздно вечером. Времени было предостаточно, но погулять по столице нам не довелось, потому что шёл сильный дождь. Но не сидеть же целый день на вокзале!..

И тут я вспомнил о своих давних друзьях — Нине и Володе Зеленковых, живущих в Химках, которых я не видел уже лет пять. Номера их телефона у меня не было, поэтому решили поехать наудачу — вдруг будут дома. Добирались к ним чуть больше часа, что по московским меркам совсем немного. К счастью, Нина оказалась дома, у неё был выходной, а её муж, Володя, должен был приехать с работы часов в шесть вечера. Она очень удивилась нашему визиту, но искренне обрадовалась, встретила нас тепло и радушно. Оказалось, что у них в семье пополнение: три года назад родился сыночек Иван, о котором я ничего и не знал.

— Мама, это что за дяди к нам пришли? — несколько раз спросил он.

Мы познакомились с ним и вручили крымские гостинцы — персики, груши, виноград. Однако малыш к ним даже не притронулся и убежал смотреть телевизор.

— Фруктами его не удивишь, у нас холодильник забит до отказа, — извиняющимся тоном объяснила Нина. — Вы лучше проходите к столу на кухню, будем завтракать, а заодно и обедать, — пригласила она.

В те нелёгкие времена Нина работала шеф-поваром в спортивном комплексе, приносила домой кое-какие продукты, да и финансовый доход у них в семье был вполне достаточный, чтобы холодильник не пустовал. В общем, угостила она нас очень хорошо, сидели мы за столом несколько часов, пили водочку, закусывали всевозможными яствами. Нина и в дорогу нам собрала целый пакет с продуктами. Батя потом ещё долго вспоминал, как нас замечательно приняли москвичи. Вечером вернулся с работы Володя, и через пару часов подвёз нас на своей «Ниве» к Ярославскому вокзалу.

Ночь в пути промчалась быстро. Ранним утром мы с батей ступили на перрон железнодорожного вокзала Кинешмы. Я немного помнил этот чудный провинциальный городок на Волге, потому что прожил в нём в детстве целых шесть лет. Батя ориентировался значительно лучше, и минут через сорок мы уже стояли перед калиткой частного дома, в котором

проживала Мария — жена его покойного брата Анания.

Она встретила нас приветливо и, как мне показалось, совсем не удивилась нашему неожиданному визиту. Тётя Мария не отличалась разговорчивостью, больше молчала, такой уж была особенность характера. Отец решил остановиться в её доме, а уже оттуда навещать других родственников, живших в близлежащих деревнях и посёлках.

На следующий день мы отправились на рейсовом автобусе в деревню Овчинниково Юрьевецкого района, где в доме своей дочери Зины проживала престарелая бабушка Катя. С ней у меня связаны самые приятные и тёплые воспоминания о своём счастливом детстве. Когда мне было лет семь-восемь, родители каждое лето отправляли меня и мою старшую сестру Валу к бабе Кате в деревню Гришино. В то время там стояло шесть избушек, а на момент нашей с батей поездки их уже не было — одни поросшие травой фундаменты.

...Помню, как мы в детстве ходили по первой росе в лес по грибы и ягоды, помню изумительный вкус земляники и черники, запахи и пёстрые краски полевых цветов на лугах и полянах, вкус воды в маленькой речушке под косогором, в которой мы бултыхались среди кувшинок, лягушат и пиявок. Помню огромную горку блинов, испечённых бабушкой Катей в русской печи. К тем блинам подавалось на выбор варенье из всяких лесных ягод, мёд, топлённое маслице, сметана... И всё это было настоящее, здоровое, чистое и вкусное.

Так вот, когда изба у бабушки Кати совсем прохудилась и сильно покосилась от старости, она переехала жить в соседнюю деревню — к своей дочери Зине, которой тогда было лет семьдесят. Зина приходилась мне родной тёткой по отцовской линии. Ходили слухи, что её покойный муж был ведьмаком, а по уходу в мир иной, передал жене свою силу и тёмные знания. Я тогда не верил в мистику и подобным слухам не придавал серьёзного значения.

Итак, тёплым сентябрьским днём мы с батей зашли на подворье тёти Зины. Недалеко в загоне бляели овцы, под ногами сновали непоседливые куры. Тётя Зина знала о нашем приезде и встретила нас во дворе. Сначала обняла и поцеловала своего брата, а потом и меня — племянника. Пригласила в дом.

Я первым зашёл в полутёмные сени, заметил слева у стены огромный старинный сундук, а чуть впереди, метрах в трёх от себя, бабушку Катю, с которой не виделся лет десять.

— Здравствуй, баба Катя! — негромко произнёс я.

— Вовка, это ты, что ли? — услышал в ответ.

Сомнений не было — это бабушка Катя. Только она всех родственников и называла по именам в уменьшительной форме.

— Я, баба Катя, вот приехали с отцом...

— А Славка-то где? — с окающим ивановским говорком спросила баба Катя.

— Да вот он, следом идёт.

— Зрение у меня-то слабое стало, совсем плохо вижу, а вот слышу хорошо.

Мы по очереди обнялись с бабушкой Катей, прошли в избу. Большой круглый стол на кухне был накрыт к нашему приезду. Посередине стола на огромной чугунной сковороде дышали теплом и лесным ароматом жареные грибы с картошкой. Рядом стояли всевозможные солёные, квашенные, маринованные закуски и прочая деревенская снедь. Не обошлось и без водки. Даже бабушка Катя в свои-то преклонные годы выпила стопку за наш приезд.

После застолья и душевных разговоров вышли проветриться во двор. Батя прикурил сигарету, присел на край лавочки.

— Целую машину дров привезли, а поколоть-то некому, — тётя Зина кивнула на гору берёзовых чурбанов. — Может, вы поколете, а я вам баньку истоплю?

— Да запросто, поможем, а заодно и разомнёмся, — ответил отец.

Тётя Зина выдала нам колуны и пошла топить баню.

Слава Богу, что берёзовые чурбаны довольно легко кололись пополам, главное было точно попасть по центру. В общем, к вечеру мы с заданием справились и отправились в баньку. Русская баня, сложенная из еловых брёвен, — это настоящее чудо! Главное — зайти внутрь через низкую дверь, и ты очутишься в сказке, в домике гнома. В бане практически всё из дерева: и полы, и потолок, и бочки, и лавки, и коврики. От еловых стен от горячего пара шёл изумительный пряный запах. Попарились берёзовыми веничками мы от души.

После бани поужинали, выпили грамм по сто, и стали укладываться на ночлег. Отца разместили в доме — в большой общей комнате, а мне тётя Зина постелила на террасе, благо ночи были ещё довольно тёплые.

Уснул я быстро. Сказались и дорога, и колка дров, и банька... Усталость взяла своё. Посреди ночи приснился мне страшный сон. Две большие мохнатые лапы сдавили моё горло и пытаются задушить. Я отчётливо видел эти ужасные лапы. Дышать стало трудно. Пытаясь от лап освободиться, схватил их своими руками и изо всех сил дёрнул. Сильные мохнатые лапы разжались, я проснулся, присел на кровати. Боковым зрением увидел тень, метнувшуюся из террасы. В ту же секунду во дворе дико завyla кошка.

Дрожащими руками я включил настольную лампу. Машинально прикоснулся к шее и горлу. Понял, что на мне нет цепочки с крестиком, а вечером они были на месте. Раскинул мозгами и решил, что оборвал цепочку во время кошмара, когда отрывал от себя лапы чудовища.

«Ладно, утром поищу, а сейчас надо спать», — подумал я и снова заснул.

Проснувшись, сразу вспомнил о дурном сне, принялся искать цепочку с крестиком. Действительно, разорванную цепочку вскоре нашёл на простыни, а крестик будто испарился. Долго искал его и на кровати, и под кроватью, по всей террасе, но безуспешно. Раньше где-то слышал, что потеря нательного крестика не сулит ничего хорошего, поэтому решил обратиться за советом к бабушке.

— Баб Кать, сон страшный снился, крестик бесследно исчез, — поведала ей.

— Ох, дура я старая, не доглядела, моя ошибка. Надо было мне перед сном террасу побрызгать святой водой, да молитву почитать. Точно, это Зинка домового на тебя наслала, ты тут человек новый да молодой. Это её рук дело. Только ты ей ничего не говори, а крестик ищи, надо его обязательно найти, а то плохо тебе будет. Пойду молиться за тебя.

Ошарашенный ответом, я кинулся на поиски. Заново перерыл всю террасу, но ничего не нашёл. В отчаянье прошёл через сени на кухню и сел за стол. Вдруг, словно какая-то невидимая сила потянула меня под стол. Я нагнулся и увидел на половике свой маленький нательный крестик. Но как он мог там оказаться? Домовой обронил? Этот вопрос до сих пор остаётся без ответа...

Я поднял крестик и поспешил поделиться своей радостью с бабушкой. Она искренне обрадовалась, перекрестила меня и сказала, что всё будет хорошо.

В обед мы попрощались с тётёй Зиной и бабой Катей и отправились в гости к другим родственникам. На прощанье бабушка открыла свой большой сундук с одеждой и вытащила из него несколько денежных купюр, как потом оказалось, это была её месячная пенсия.

— Возьми, внучок, пригодятся в дороге. Славке не дам, он их пропьёт с братом Колькой.

Через несколько дней мы вернулись в Кинешму, надо было навестить в городе ещё нескольких друзей и родственников. До нашего отъезда оставалось дня три, как я вдруг внезапно заболел. Поднялась температура, начало ломить сначала одну ногу, потом другую, затем руки. Подумал, что это просто простуда, скоро пройдёт. Тётя Мария истопила баню, чтобы я

хорошо попарился, но мне стало ещё хуже. Вызывать врача я отказался. Боялся, что положат в местную больницу, билеты на поезд пропадут. Решил потерпеть оставшиеся двое суток до отъезда, принимал таблетки, но они мало помогали и от боли, и от высокой температуры.

Большую часть времени я лежал пластом в постели, передвигаться по дому было невыносимо тяжело и больно. Тётя Мария приносила мне еду в постель, но аппетита совсем не было. Время тянулось ужасно медленно, я считал каждый час до отъезда. Телевизор находился в другой комнате и, чтобы как-то отвлечься от постоянной тупой боли и дурных мыслей, я без конца слушал старенький кассетный магнитофон тёти Марии с песнями Влада Сташевского и других популярных исполнителей девяностых годов.

Наконец настал день отъезда. Родственники помогли мне дойти до автомобиля и привезли нас с батей прямо к поезду. Тяжелее всего мне пришлось в Москве, где надо было переезжать с Ярославского вокзала на Курский. О поездке в метро речь не шла, я бы физически не смог этого сделать. Пришлось на оставшиеся деньги заказать такси. И вот тут очень пригодилась бабушкина пенсия, потому что таксист заломил втридорога.

Как бы то ни было, сели мы в поезд «Москва—Севастополь» и поехали домой. В дороге мне стало ещё хуже, целые сутки пролежал на нижней полке, уже и подниматься-то не мог.. Батя нервничал, переживал, но до конца, наверное, не понимал, как мне было тяжело и больно. В Симферополе я попросил проводницу, чтобы она связалась с Севастополем и вызвала «скорую помощь», а отцу сказал, чтобы он с вещами вышел в Бахчисарае и ехал домой в посёлок.

Надо сказать, что несмотря на тяжёлые и смутные девяностые годы, севастопольская «скорая помощь» сработала отлично и оперативно доставила меня как военнослужащего в военно-морской госпиталь. Правда, в приёмном отделении вышла заминка, невыносимая для человека, находящегося в тяжёлом состоянии. Я просил срочно сделать мне обезболивающий укол, но никто из врачей не реагировал на эту просьбу. Сначала дежурный офицер, взяв моё удостоверение личности, долго звонил в комендатуру и уточнял, в российской части я служу или в украинской? Выяснив, что всё-таки в российской, они стали оформлять меня в госпиталь. Но только после сдачи анализов крови наконец-то сделали мне обезболивающий укол и повезли в палату.

Лечащий врач позже сказал, что с такой высокой температурой я выдержал бы ещё максимум сутки, не больше. Две

недели меня по нескольку раз в сутки кололи пенициллином, назначили целую кучу таблеток. Установили диагноз: инфекционный ревматический артрит. В общем, пролежал я в госпитале сорок дней, подняли меня на ноги флотские врачи.

Я уверен, что в моей внезапной болезни главную роль сыграл деревенский домовый с мохнатыми лапами, который сорвал с меня нательный крестик.

Спустя два с половиной месяца, когда я окончательно выздоровел, пришла печальная весть из Ивановской области — умерла бабушка Катя.

МОИ ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ

Безусловно, человеческая память избирательна. Мы можем детально, до мелочей помнить события полувековой давности, а можем забыть, что было с нами неделю назад. Расскажу об одном случае, который произошёл со мной сорок девять лет назад, когда мне было всего девять лет.

Дело было в далёком уже 1970 году. В июне мои родители, продав частный дом в приволжском городке Кинешме, приехали в Крым для нового места жительства. Временно остановились у моего дедушки Феди по материнской линии, который со своей женой Дуней проживал в селе Танковое, что в Бахчисарайском районе. Дед Федя и баба Дуня, так я их называл, встретили нас хорошо, но особо не баловали. В то лето в их небольшом домике из детей, кроме меня, проживали еще две внучки бабы Дуни, так что хлопот ей хватало. С утра до вечера она занималась по хозяйству и готовила пищу на всю большую семью.

Мои родители каждое утро выезжали в соседние сёла и посёлки для поиска нового жилья. В Танковом на то время продавались всего два-три дома, но они не подходили родителям: то цена за дом высокая, то место им не нравилось, то в огороде земля плохая. Вот и решили покупать дом в другом селе.

Первые недели три мне было интересно. Большую часть времени я проводил со своими сводными двоюродными сестрами Леной и Ирой, которые гостили у своей родной бабы Дуни. Мы бегали купаться на речку Бельбек, играли и в доме, и на сеновале, и в саду, где росли яблони, вишни, персики. Особенно мне нравился ароматный, какой-то неземной запах поспевающих персиков. Я мог просто зайти в сад, сесть под деревцем и вдыхать чудный сладковатый нектар.

Но в этой райской идиллии была одна неприятность... Баба Дуня категорически запрещала рвать персики с деревьев.

Плоды предназначались для продажи на рынке в Ялте, куда периодически ездил дедушка Федя. В то время регулярно ходил через перевал Ай-Петри рейсовый автобус Бахчисарай—Ялта.

— Хотите персиков? — спрашивала баба Дуня. — Вон за нашим огородом колхозный персиковый сад. Идите туда, с краю нарвите персиков и быстро назад, сторож в середине сада сидит, он вас даже не увидит.

Раза два или три мы с Ленкой и Ирккой так и сделали. Правда, страшно было и немного стыдно, но что было, то было. Зато ароматных плодов мы наелись до отвала.

Тёплыми июльскими вечерами мы все вместе ужинали за домом, за огромным деревянным столом под навесом. «Идите вечерять», — обычно говорила на суржике баба Дуня. Она была похожа на цыганку, и я её немного боялся.

Помню, как целую неделю подряд на вечерю подавались исключительно вареники с вишнями. Они мне не особо нравились, потому что были кислотатыми, а когда я откусывал вареник, то вишнёвый сок брызгал по сторонам. «Что морщишься? Кислые вареники? А ты их сахарком сверху присыпь, краше стануть», — советовала баба Дуня.

В детстве я был худой и болезненный. Поэтому каждое утро мне наливали огромную кружку парного молока и заставляли её выпить. Вкус и запах парного молока мне шибко не нравились, но приходилось через силу пить. Я брал кусок хлеба, чтобы было не так противно, и маленькими глоточками приступал к ненавистному ритуалу.

По выходным дням к нам в гости приходил дядя Лёня — тридцатилетний сын деда Фёдора. Он был симпатичным весельчаком с пышной кучерявой шевелюрой. Лёнчик — так его все называли — любил детей и музыку. При нашей встрече он обычно подхватывал меня своими сильными руками и поднимал вверх, а затем опускал вниз, щекотал меня пальцами по рёбрам и громко смеялся.

— Вовчик, ты что такой худой и высокий? Ну, вылитый дед Шмеда, — говорил он всегда, подразумевая под дедом Шмедей своего отца Фёдора.

Все вокруг смеялись и хихикали, я обижался, и только тётя Люба, старшая сестра Лёнчика, говорила:

— Ну, худой, и что? Были бы кости — мясо нарастёт.

К исходу второго месяца, казалось бы, моего беззаботного времяпрепровождения, я стал скучать по родителям. Тем более, что Лену и Иру уже забрали к себе их родители и я остался из детей один. Моих родителей не было целыми днями, возвращались они из своих поездок по району только вече-

ром. Стал я их просить, даже плакать: «Возьмите меня с собой, мне скучно одному». Они отвечали, что это для меня будет слишком утомительно, и пообещали, что совсем скоро мы переедем в наш новый дом, который находится в посёлке Куйбышево на улице Заречной.

Я запомнил эти названия и, когда родители снова уехали, спросил у деда Феди, где находится этот посёлок.

— Видел большую асфальтовую дорогу, через которую вы переходите, когда на речку идёте? Так вот, если по этому шоссе в левую сторону поехать, то через несколько километров и будет Куйбышево, — ответил дедушка Фёдор.

«Всего несколько километров, да это ерунда, быстро дойду. Вот мама с папой удивятся, когда увидят меня», — подумал я.

На следующий день, сразу после завтрака, я сказал бабе Дуне, что иду купаться на речку. Дойдя до шоссе, повернул налево и быстро пошёл по обочине. Августовское солнце поднялось уже довольно высоко и светило мне прямо в глаза. Первый километр я одолел довольно легко, даже как-то весело, играючи. Взглянул на километровый столбик и подумал: «Ещё три-четыре таких столбика и будет посёлок».

Но с каждым шагом идти становилось всё тяжелее. Солнце пекло всюду, градусов тридцать жары было точно. Питьевой воды я с собой, конечно, не взял. А зачем её брать? Ведь недалеко идти. Позади остались уже четыре километровых столбика, а долгожданного дорожного знака со словом «Куйбышево» так и не было. Наручных часов у меня не имелось, но по моим подсчетам, я был в пути уже более часа.

Решив немного отдохнуть, присел на траве, прямо на обочине. В те годы автомобили и автобусы ездили не так часто, как в наши дни. Пройдя пешком целых четыре километра, я встретил всего несколько колхозных грузовиков, пару легковых автомобилей и трактор. Я сидел спиной к шоссе и смотрел с высокого обрыва на противоположную сторону долины, где за фруктовым садом петляла руслом горная речка Бельбек, а за ней плотной стеной громоздились серые мрачные скалы.

Немного отдохнув, отправился дальше. Шоссе постоянно изгибалось в разные стороны, одни сплошные повороты. И тут я услышал, совсем поблизости надрывный лай собак и сиплое кукареканье петухов. Это означало только одно — до посёлка рукой подать. Взбодрившись, ускорил шаги. Наконец, после очередного поворота, дорога выровнялась и, впереди замаячил долгожданный дорожный знак с названием населённого пункта.

Каково же было моё разочарование, когда я прочитал на белом продолговатом щите: «Малое Садовое». Чуть не заплакал от обиды и досады. «Наверно, дед Федя что-то перепутал, нет тут никакого Куйбышева», — с горечью размышлял я. Постояв в нерешительности минут пять, повернулся и отправился в обратный путь.

Часа через два вернулся в Танковое.

— Ну, шо, накупався? Что-то долго тебя нэ було. Сидай, будэмо борщ исты, — сказала на родном суржике баба Дуня.

Вскоре домой пришёл дедушка Федя, и я спросил у него:

— Деда, а что это за село Малое Садовое? Где оно находится?

— Это по дороге в Куйбышево. Сначала будет Малое Садовое, а за ним километра через два и посёлок Куйбышево. Я же тебе вчера об этом говорил.

Я не стал спорить с дедушкой, а про себя решил, что утром снова отправлюсь в поход, но обязательно прихвачу с собой питьевую воду.

Сказано-сделано. На следующий день я вновь шагал по обочине шоссе. Благо, маршрут мне был известен уже до самого конца. Настроение было хорошее, приподнятое.

Пройдя около трёх километров, я вдруг услышал откуда-то сверху знакомый голос:

— Эй, Шмедя, далеко собрался?

По левую сторону шоссе был крутой, метров в сто, подъём, поросший колючими кустарниками и венчавшийся высокими скалами. Оттуда, из-под самых скал и донёсся до меня этот голос. Внимательно всмотревшись, я увидел в расщелине скалы двоюродного брата Витьку, который был старше меня на пять лет.

— А ну, быстро лезь сюда, — приказал Витька.

С трудом забравшись к нему и изрядно запыхавшись, я переводил дух, а четырнадцатилетний двоюродный брат, сын тётки Любы, отчитывал меня:

— Ты что это удумал? Куда шёл? А вдруг бы тебя машина сбила?

Я сбивчиво рассказал о цели своего путешествия. Витька заметно смягчился:

— Ладно, приведу тебя к дедушке и бабушке, там и поговорим. А теперь тихо, — он приложил палец к губам, — видишь вон там наверху пещерку? Скоро туда должны дикие голуби прилететь, я на них охочусь.

Он с важным видом продемонстрировал мне старое отцовское одноствольное ружьишко и стал внимательно всматриваться в расщелину скалы. Я затаил дыхание, стараясь не спугнуть голубей.

Ожидание дичи затягивалось. Только через час Витька прошептал:

— Пара сизарей прилетела, сейчас шамальну.

Двоюродный брат прицелился и выстрелил. Когда дымок развеялся, Витька огорчённо произнёс:

— Промазал, жаль, не повезло. Ладно, пошли домой.

Когда родители узнали о моём неудавшемся походе в Куйбышево, мама заплакала, а отец отругал меня. Успокоившись, мама сказала:

— Хорошо, сынок, завтра поедешь с нами посмотреть новый дом.

Моей радости не было предела. Я мечтал скорее увидеть наш новый дом, в котором предстояло жить многие годы.

Я увидел не только дом, который был ещё не оштукатуренный, но увидел и наш сад, и наш огород. В саду росли старые высокие сливы, а также молодые яблони и груши.

— Мама, а можно мне попробовать сливы и яблоки?

— Конечно, сынок, можно. Это теперь наш сад, и наш дом.

Мне очень понравился новый дом, хотя он был и не полностью достроенный. С одной стороны, за дорогой, текла горная речка Бельбек, а с тыльной стороны дома начинался пригорок, а за ним поле, лес и большие таинственные горы.

Сидя на скамеечке в тени огромного грецкого ореха, раскинувшего свою крону невдалеке от дома, я вспоминал свои неудачные походы в Куйбышево. Кстати, о моём первом походе родители так и не узнали. Не стал я их волновать...

ЧЕЛОВЕК-НИЧТО

РАССКАЗ

Теперь я — ничто. Полный Нуль Нульевич.

Так-то, конечно, я еще дышу, шумлю, двигаюсь, и сознание еще бодренькое, но, считай, нет уже такого на этой земле, из всех реальных списков выкинули.

То ли им жилплощадь моя неремонтированная понадобилась: дом-то у нас старинный, архитектурный, в самом центре, здесь любой их бордель разместить можно. Или из-за критики моей справедливой окрысились: я же своих идей против богатеев не скрываю, письма во всякие высокие инстанции пишу..

В общем, вызывают меня вдруг повесткой в суд: дескать, отвечать я должен по иску некой Лиги всё имущих за свое бесполезное существование. А я и знать не знаю никакой такой лиги, впервые об этой, с позволения сказать, бражке слышу.

Прихожу в назначенный срок на суд — а там прямо как в телешоу: кругом телекамеры, микрофоны, все что-то тарахтят, рыскают... Слышу, кто-то возбужденно по телефону докладывает: пришел, пришел этот люмпик (то бишь я), сейчас начинаем!..

ПРОЗА

А тут и сам истец из лиги ко мне подскакивает. Молодой такой, но уже сразу видно: всё имущий... Приобнял меня по-свойски, говорит: мол, лично против меня он и его лига ничего не имеют, могут даже помочь со средствами, но таких неплатежеспособных, как я, тьмы, поэтому надо что-то с нами делать, вот они этот показательный процесс и затеяли...

Потом усадили меня на отдельную скамью, как какого-нибудь уголовника, и давай вершить суд. Судья, молодая такая баба, толстая, говорит: мол, слушается дело по иску к гражданину такому-то о его низведении в ничто...

Я тут же вскочил: «Что это еще, — говорю, — за ничто?! Вы думайте, прежде чем такие слова в присутствии прессы бросать?»

А она: «Тихо, папаша! Тут тебе, блин, не Страсбург, свои права качать! У нас всё в соответствии». И поясняет: «Никто на вашу оставшуюся жизнь не покушается, вы здесь рассматриваетесь только как нехозяйствующий субъект». И дает слово истцу.

Тот сразу на меня: «Такие типы, — говорит, — и сами ничего заработать не могут, и нам развернуться не дают. Поэтому нужно, наконец, юридически упорядочить их статус, иначе мы из этой нашей затратной гуманности никогда не вылезем... Я тут кое-что подсчитал, — говорит, — так вот, не будь у нас этих самых неимущих, мы бы уже давно по уровню жизни Португалию догнали... В конце концов мы не для них наши реформы делали». И для большего впечатления начал на меня компромат свой выливать: сколько я за электроэнергию и газ недодал, сколько налогов за собранные бутылки в госказну не заплатил, даже про вырезвитель, сучонок, вспомнил... Ну и в итоге потребовал объявить меня этим самым ничто, чтобы я уже на них не замахивался.

Потом пошли эксперты. Первым вылез какой-то писатель, новый классик, автор лучшего романа года «Путешествие сперматозоида». И прямо сходу начал по-писательски про мою детородную функцию что-то болтать: дескать, когда она отмирает, индивидуум-производитель, то есть я, ведет себя социально неадекватно, становится агрессивен, капризен... Поэтому таких, — говорит, — надо еще и юридически кастрировать...

Выходит следующий эксперт, из какого-то сообщества Куршевель, дорогуший такой мужчина, с зимним загаром, прямо, видать, оттуда скатился. Тот попер на меня еще круче сперматозоида.

«Мы, — говорит, — из-за этих беднячков и старичков сами скоро состаримся. Ну просто обложили нас своими проблемами. Надо же все-таки и о других, кто помоложе и побогаче,

немножко подумать... Ты, папаша, — усмехается, — наверно, уже больше нашего наиндексировался, и всё вам мало, мало...»

Ну, тут я опять сорвался, начал всё по цифрам раскладывать. Говорю ему: «Да у тебя одна пуговица на пиджаке больше всех моих доходов стоит...» А он: «Крутиться надо, папаша, а не чужие пуговицы считать»... И к судье: «Пора, — говорит, — нам кончать с этим напором голытьбы!.. Ну почему из-за них должны страдать всё имущие?! Нам надо все-таки более решительно с этой публикой размежеваться, отправить их, скажем, в какие-нибудь специальные деревни, там природа, чистый воздух, пусть наслаждаются, письма султану пишут, критикуют, но только избавьте нас от этого балласта...»

Наконец судья говорит: «Всё! Даем слово ответчику. Пусть он нам расскажет, как он дошел до такой жизни никчемной».

Я хочу сказать, а нужные слова не идут. «Да я не виноват, — бубню, — я всю жизнь работал... Я заплачу, когда деньги будут... Я и не собирался никому мешать...» И вручаю судье мои грамоты старые, разными ответственными товарищами подписанные...

Тогда судья, похоже, разжалобилась, говорит уже душевнее: «Может, вы хотите своих свидетелей пригласить?» Я говорю: «Нет у меня никаких свидетелей, отдыхать на небесные курорты улетели...»

Она фыркнула и поплыла к себе на совещание. А через час выходит, облизывается, видно, заправила вкусно, и зачитывает мне приговор: иск всё имущих удовлетворить, а меня, значит, признать человеком-ничто.

В зале сразу аплодисменты, вой: «У-у-у-у!!!» Не поймешь: то ли сердятся так, то ли одобряют...

Потом какой-то мужик бородатый ко мне подбегает, лицо умное, злое, выпаливает: «Этого так оставлять нельзя! Надо жаловаться! В Европейский суд!»

Я говорю: «Вот еще! Без них обойдемся! Нечего им вмешиваться в наши внутренние дела!»

Вышел на улицу, самочувствие, конечно, хреновое: непривычно все-таки себя уже официально ничем чувствовать. Хорошо хоть мужики со двора малость успокоили. Говорят: «Да плюнь, ты, Василич! Это всё чистый пиар... Чего ты, собственно, теряешь? Так оно, — говорят, — даже лучше. Чуть что — доставай свою справку, что ты полное ничто, чего с тебя взять? — сразу отстанут».

И мы пошли отмечать это мое новое положение.

ТВОРЦЫ ОРУЖИЯ ПОБЕДЫ

Мы знаем имена полководцев Великой Отечественной войны — маршалов Жукова, Василевского, Конева, Рокоссовского и других прославленных командующих фронтами и армиями, которые, несмотря на тяжёлые поражения в 1941—1942 годах, привели нашу Армию к Победе. И, конечно, знаем генералиссимуса Сталина, вдохновителя и организатора (без всяких кавычек) наших побед.

Куда меньше мы знаем об оружии, с которым воевала наша Армия и без которого не смогла бы победить сильнейшего врага. А это было превосходное, зачастую лучшее в мире оружие. И совсем мало мы знаем об авторах оружия — людях, сочетавших творческую гениальность с самоотверженной, на износ, работой. Чтобы в полной мере оценить величие того, что они сделали, нужно вспомнить обстановку, в которой они создавали свои шедевры.

Следствием событий 1917 года были не только Гражданская война, продразвёрстка, эпидемия тифа и голод с 13-ю миллионами жертв (по осторожным оценкам). Следствием был и разрыв связи поколений учёных, инженеров и квалифицированных рабочих.

Одни из них погибли — как гениальный кораблестроитель И.Г. Бубнов, другие эмигрировали — как гениальный авиаконструктор И.И. Сикорский, гениальный радиоинженер В.К. Зворыкин и выдающийся кораблестроитель В.И. Юркевич, третьи остались, выжили, но надолго были лишены своего дела, ибо разорённой стране было не до нового оружия.

Да и к тем, кто остался, власть относилась с недоверием и подозрением: не только в 1918—1922 гг., но и на рубеже 1920—1930-х гг. многих подвергала репрессиям. По надуманным обвинениям были арестованы великие авиаконструкторы Дмитрий Павлович Григорович и Николай Николаевич Поликарпов (после двухмесячного ожидания расстрела и двух лет тюрьмы их амнистировали). Сидели в тюрьме Борис Сергеевич Стечкин — гениальный учёный-моторостроитель, Борис Михайлович Малинин — выдающийся учёный и инженер, создатель большинства советских подводных лодок мирового уровня, успешно воевавших в войну, Николай Александрович Астров — создатель самых массовых в годы войны легких танков Т-60, Т-70, самоходной артиллерийской установки СУ-76 и другие выдающиеся учёные и инженеры.

Еще с 1918 года был закрыт доступ в вузы молодёжи «непролетарского» происхождения (создатель лучших в мире лёгких военных автомобилей-внедорожников, сын мелкого торговца Виталий Андреевич Грачёв был изгнан со 2-го курса и диплом инженера так и не получил). Социальная дискриминация была отменена лишь в 1935 г. За это «преступление» (в числе прочих) Троцкий из-за границы обвинял Сталина в предательстве дела революции.

Когда в 1929 г., с началом Первой пятилетки начала возрождаться и военная промышленность, старых и опытных специалистов осталось совсем мало, и правительство сделало ставку на подготовку новых кадров из рабоче-крестьянских слоёв. А о том, что дореволюционные специалисты были высочайшего уровня, свидетельствует тот факт, что в 1-ю Мировую войну у России были первые и лучшие в мире многомоторные бомбардировщики (типа «Илья Муромец»), лучшие в мире винтовки («трёхлинейки» Мосина), лучшие в мире полковые пушки (знаменитые «трёхдюймовки»), лучшие в мире эсминцы (типа «Новик»), мирового уровня линкоры (типа «Севастополь») и др. оружие, часть которого успешно воевала и в Великую Отечественную войну.

Новым кадрам во многих случаях учиться было не у кого, и начинать им пришлось почти с нуля. Исключение составляли лишь специалисты оружейной промышленности, не прекращавшей работу в годы Гражданской войны и после-

военной разрухи. Поэтому достойно восхищения то, что это поколение создало не просто современное оружие, а выдающееся оружие. И всё это — собственными силами, тогда как на вооружение Германии работала почти вся Европа с её огромным промышленным и интеллектуальным потенциалом.

Создавая новую военную технику, её творцы всегда помнили о нехватке на советских заводах сложного оборудования и о невысоком уровне квалификации среднего рабочего — в большинстве своём вчерашнего крестьянина. Эта проблема особенно обострилась с началом войны, когда при нашем отступлении немалая часть заводов оказалась на оккупированной территории, рабочие ушли на фронт и к станкам встали наспех обученные женщины и дети.

Надо также признать, что уровень технической грамотности советского солдата (тоже вчерашнего крестьянина) был ниже, чем немецкого. Поэтому не только простота изготовления оружия, но и простота обращения с ним относились к числу приоритетных задач конструктора. Поэтому и отличительной чертой отечественного оружия было оптимальное сочетание боевых качеств, простоты устройства и дешевизны производства. А оптимальное — не всегда идеальное. Какие-то качества приносятся в жертву другим.

Важно иметь в виду и то, что любая война — это соревнование конструкторов. Вот только один пример. В первые полтора года войны на полях танковых сражений господствовал лучший в мире русский средний танк Т-34 (создатель его — выходец из крестьян Михаил Ильич Кошкин). У немцев ничего похожего не было, пока они не создали тяжёлые танки «пантера» и «тигр». В 1943 г. господство перешло к ним, но ненадолго. В ответ в 1944 г. был создан ИС-2, лучший тяжёлый танк 2-й мировой войны (автор танка — сын ротного фельдшера Николай Леонидович Духов). Такие «соревнования» шли всю войну и в других областях военной техники. Главное, что «последнее слово» оставалось за нашими конструкторами.

Ограничусь лишь несколькими именами.

Березин Михаил Евгеньевич (1906—1950) — создатель лучшего в мире авиационного пулемёта УБ калибра 12,7 мм, который с 1941 г. устанавливали на всех советских самолётах, и лучшей в мире авиационной пушки Б-20 калибра 20 мм, которую с 1944 г. устанавливали на всех истребителях. Родился он в бедной крестьянской семье, рано осиротел, с 9 лет трудился (батраком, чернорабочим, плотником), окончил рабфак, с 1934 г. после окончания Ленинградского военномеханического института и до конца своей короткой жизни

работал на Тульском оружейном заводе. Человек огромного таланта и трудолюбия, он отличался исключительной скромностью. Нагрузка военного времени подорвала его здоровье, умер он на 44-м году жизни.

Горюнов Пётр Максимович (1902—1943) — создатель лучшего по совокупности боевых качеств станкового пулемёта СГ-43. Пулемёт уступал новейшему немецкому MG-42 в скорострельности и был на 2 кг тяжелее, но — безотказнее в бою и на порядок проще в изготовлении и обслуживании. Серийно его изготавливали до 1960 г., а на вооружении ряда иностранных армий он находился даже в 1980-е. Происходил П. М. Горюнов из крестьян, работал слесарем в Коломне, служил в Красной Армии. С 1930 г. стал работать слесарем, а потом техником на Ковровском оружейно-пулемётном заводе в КБ под руководством знаменитого В. А. Дегтярёва. Всё его образование — три класса церковно-приходской школы. Перенапряжение сил привело его к смертельному инфаркту.

Грабин Василий Гаврилович (1900—1980) — создатель дивизионной пушки ЗиС-3 калибра 76 мм и противотанковой пушки ЗиС-2 калибра 57 мм, лучших в мире орудий данного класса по всем показателям. Родился в кубанской станице, работал почтальоном, в 1923 г. окончил Артучилище в Петрограде, служил в РККА строевым командиром, после окончания Военно-технической академии в 1930 г. приступил к конструкторской деятельности — вначале на Путиловском заводе, а потом на заводе №92 в Горьком, где возглавил КБ и где были созданы его знаменитые пушки. В конце жизни написал интереснейшие мемуары «Оружие Победы».

Ильюшин Сергей Владимирович (1894—1977) — один из крупнейших авиаконструкторов XX века, создатель знаменитого штурмовика Ил-2, прозванного фашистами «чумой» («чёрной смертью») и подобного которому не было ни у врагов, ни у союзников. Он же — автор самых массовых советских дальних бомбардировщиков Ил-4, которые в августе 1941 г. впервые бомбили Берлин. Сын бедного вологодского крестьянина, он с 15 лет трудился рабочим, в 1914 г. призван в Русскую Армию, обучился лётному делу, потом служил в Красной Армии, окончил Военно-воздушную академию и лишь в возрасте 40 лет приступил к самостоятельной конструкторской работе. Все его последующие самолёты тоже принесли мировую славу отечественной авиации.

Ледин Евгений Григорьевич (1914—2008) — создатель сверхмощного взрывчатого вещества, секрет которого не был раскрыт нашими «партнёрами» более 50 лет (вероятно, его продали американцам предатели, господствовавшие в прави-

тельстве РФ в 1990-е гг.). Обычный динамит взрывался в момент попадания снаряда, не причиняя большого ущерба броне. Лединская взрывчатка взрывалась с задержкой и выжигала всё, что было внутри танка. Ею начинали не только снаряды, но и авиабомбы. Родился Е.Г. Ледин в семье земского фельдшера, в 1938 г. окончил Ленинградский химико-технологический институт и стал работать в Артиллерийском морском НИИ в Ленинграде, где в 1940 г. и создал свою взрывчатку.

Логинов Михаил Николаевич (1903—1940) — создатель противотанковой 45-мм пушки, 25-мм, 37-мм и 85-мм зенитных пушек, лучших орудий в мире в своем классе. Его «сорокопятка» сыграла решающую роль при отражении танковых атак фашистов в 1941—1942 гг., а зенитные орудия — в защите Москвы от бомбардировок. Родом из крестьян, он окончил 4 класса земской школы и с 1920 г. служил рабочим на артиллерийском заводе в Подлипках (ныне г. Королёв Моск. обл.), окончил рабфак и Механический институт в Ленинграде (1931). По возвращении на завод проявил выдающиеся конструкторские и организаторские способности и в 1937 г. возглавил КБ завода. Тогда и были созданы его знаменитые пушки. Работал на износ, умер от туберкулёза.

Ощепков Павел Кондратьевич (1908—1992) — великий учёный и инженер, основоположник радиолокации, интроскопии и энергоинверсии, создатель первой в мире радиолокационной установки для обнаружения самолётов. На основе его работ были созданы первые отечественные станции РУС-1 и РУС-2, сыгравшие громадную роль в защите Москвы от авианалётов. Родился он в крестьянской семье, в 10 лет осиротел (родители погибли в Гражданскую войну), беспризорничал, в 12 едва умел читать и писать, но, благодаря любознательному уму и сильному характеру, окончил школу, техникум, а затем и Московский энергетический институт — досрочно и с отличием. Служа в армии, в 1932 г. выдвинул идею о применении электромагнитных волн для обнаружения самолётов. Руководство РККА идею поддержало и поручило автору довести её до практических результатов.

Петляков Владимир Михайлович (1891—1942) — создатель самого массового в СССР фронтового бомбардировщика Пе-2, знаменитой «пешки», героя фильма «Хроника пикирующего бомбардировщика», который по многим параметрам превосходил самый лучший немецкий бомбардировщик Ю-88. Он же автор лучшего в мире стратегического бомбардировщика Пе-8, превосходившего американские «летающие крепости» В-17. Родился В.М. Петляков в семье мелкого чиновника,

рано остался без отца. В 1910 г., совмещая работу с учёбой, окончил Техническое училище в Таганроге, в 1912-м поступил в МВТУ, но учёбу оставил из-за необходимости работать и помогать бедствующей семье. Лишь в 31 год получил диплом инженера и был направлен в ЦАГИ в отдел А.Н. Туполева, где быстро проявил свои выдающиеся способности и фактически стал главным конструктором серийных бомбардировщиков 1930-х гг. ТБ-1, ТБ-3 и крупнейшего в мире пассажирского АНТ-20 («Максим Горький»). Был он необыкновенно скромным и отзывчивым человеком. Погиб в авиакатастрофе.

Петров Фёдор Фёдорович (1902—1978) — создатель лучших в мире гаубиц и корпусных пушек, блистательно проявивших себя в наступательной половине войны. О его 122-мм гаубице маршал артиллерии Одинцов спустя многие годы говорил: «Лучше её ничего не может быть». Крестьянский сын, Ф.Ф. Петров прошёл типичный путь советского инженера: рабфаковец, студент вуза, начальник сборочного цеха, старший инженер-конструктор. Дальнейший путь определили его гениальные конструкторские и организаторские способности: главный конструктор артиллерийских заводов в Мотовилихе, затем в Свердловске, где он проработал почти до конца жизни.

Рудницкий Михаил Алексеевич (1897—1976) — создатель лучших в мире крейсерских (стратегических) подводных лодок серии «К», которых моряки ласково называли морскими «катюшами» и наличию которых у СССР завидовали и враги, и союзники. До войны успели построить только 6 «катюш», но на их боевом счету 37 потопленных судов водоизмещением 83 тыс. т, 20 боевых и 8 вспомогательных поврежденных кораблей врага. Родился М.А. Рудницкий в семье провинциального чиновника, учился в Морском инженерном училище, после закрытия которого (1918) служил на подводных лодках в Красном Флоте. В конце 1920-х гг. под руководством Б.М. Малинина участвовал в проектировании первых советских больших подлодок типа «Декабрист», затем по линии наркомата ВМФ участвовал в разработке тактико-технических заданий для подлодок, а в 1935 г. начал самостоятельную конструкторскую работу.

Судаев Алексей Иванович (1912—1946) — создатель лучшего в мире автомата ППС-43, который по боевым качествам превосходил даже легендарный ППС-41 Г.С. Шпагина (не говоря уже о «шмайсере»), был на 2 кг легче, а на изготовление требовал в 2 раза меньше металла и в 3 раза меньше трудозатрат. В некоторых зарубежных армиях он состоит на воо-

ружении до сих пор. Родился А.И. Судаев в семье телеграфного механика, на своем коротком жизненном пути (умер после тяжёлой болезни) успел поработать на разных должностях и везде оставлял след в виде изобретений. Перед самой войной окончил Артиллерийскую академию. В 1944 г. после появления промежуточного (между пистолетным и винтовочным) патрона начал, но не успел завершить работу над новым автоматом, некоторые элементы которого были использованы его учеником М.Т. Калашниковым при создании АК-47.

Таков выбранный наугад и, возможно, не вполне справедливый список творцов русского оружия. Несправедливый потому, что в него не вошли столь же выдающиеся создатели всемирно знаменитых «катюш» Н.И. Тихомиров, В.А. Артемьев, Б.С. Петропавловский, И.Т. Клеймёнов, Г.Э. Лангемак и В.Н. Лужин, создатели уникального оружия — радиоуправляемых мин В.И. Бекаури и В.Ф. Миткевич, создатель лучшего в мире фронтового бомбардировщика и самых скоростных торпедных катеров А.Н. Туполев, создатель лучших в мире истребителей Н.Н. Поликарпов (на основе его И-200 был создан МиГ-3, а на основе И-185 создан Ла-5), создатели лучших в мире миномётов Н.А. Доровлёв, Б.И. Шавырин и Г.Д. Ширенин, создатель лучших в мире авиамоторов воздушного охлаждения А.Д. Швецов, создатель уникальной ВЧ-связи В.А. Котельников, создатель первых в мире приборов автоматического раскрытия парашюта Л.В. Саввичев, создатель лучших в мире лёгких крейсеров типа «Киров» А.И. Маслов, создатель легендарного автомата ППШ Г.С. Шпагин, создатель ручного и крупнокалиберного пулемётов и противотанкового ружья В.А. Дегятрёв и многие-многие другие.

Подводя итог, скажем главное. Войну мы выиграли благодаря не только героизму бойцов и тружеников тыла, не только высокому профессионализму полководцев, но и благодаря таланту русского народа, который в нужный час выдвинул из своей гущи гениальных творцов победоносного оружия.

ПРОЕКТ «УКРАИНА»

Прошёл год после смены президента на Украине. Можно делать выводы.

Первый. С уходом Порошенко закончилась эпоха яростной жадности подраться с Россией. Было предпринято несколько попыток. Но всякий раз он получал по зубам. Крепко получал. Тогда начались потуги «насолить» каким-либо иным способом, вроде прикупки томоса у Константинополя. При этом все годы своего президентства он поливал грязью «страну-агрессор» со всех возможных политических трибун и в СМИ. Естественно, под видом борьбы за «нэзалэжность». Его хозяевам это нравилось, народу — нет. Несмотря на всемерную поддержку мировой закулисы, выборы он с треском проиграл. До смешного обидно проиграл гривенному юмористу. Агрессивную политику против России и своего собственного народа избиратели оценили очень низко.

Новый президент до выборов успешно разоблачал и Порошенку и депутатов Рады. Тем самым давая людям надежду на примирение с Донбассом и отказ от бандеровщины. За что и получил свои семьдесят процентов. Но по-

РУССКИЙ МИР

местившись в президентское кресло, новый президент продолжил политику прежнего, слегка изменив риторику. Можно только гадать, сам он такой или обстоятельства на него влияют? Очень вероятно, что бандеровская идеология ему близка, и он не собирается её менять. И тут дело не только в его личных пристрастиях. К сожалению, идеология, созданная по проекту «Украина», уже овладела умами значительной части украинцев.

Тема «Украины» по-прежнему остаётся самой злободневной и сложноразрешимой на пространстве «бывшего Советского Союза», то есть Большой России.

Наша политическая линия по отношению к Украине заметно изменилась. Чрезмерная сдержанность сменилась открытым недовольством. Но, к сожалению, она по-прежнему страдает отсутствием внятного последовательного курса и конкретных действий. Всё упование на т.н. «минские соглашения» и возможность договориться с влиятельными лицами украинского истеблишмента. Этого явно недостаточно. Болезнь украинизации поразила слишком многих жителей Украины. Даже на многострадальном Донбассе остаётся немалое число людей, готовых остаться «в Украине». Вот почему здесь не проходит Крымский сценарий, где подавляющее большинство не мыслило себя без России.

Проект «Украина». Предсказать, в какую сторону повернёт проект «Украина» сейчас невозможно. Он в значительной мере себя дискредитировал, но ожидать что украинский народ «прозреет» и всё сам исправит, бессмысленно. Ему не дадут окончательно «прозреть» и «майданную» психологию искоренить. Слишком важна Украина в борьбе против России. Другой такой дубины против русских создать не удастся. Поэтому будут проклонять украинскую «демократию», но использовать ее в своих целях до последней возможности. Исправить положение сможет только **правильная** политика Российского государства.

Проект «Украина» действует уже несколько столетий. Его активно использовали в своих целях поляки, австрийцы, немцы, американцы. Он довольно глубоко въелся в подсознание миллионов украинцев, и расколдовать «уснувшее самосознание» этих людей будет очень непросто. Для многих психология украинизации стала национальной идеей. Исключительной идеей украинской нации. Становясь бандеровцем, как ранее петлюровцем, они считают, что отстаивают самостоятельность рідной неньки Украины.

Сам по себе национализм может нести огромную созидательную энергию. Но может и разрушительную, если замешан

на ненависти. Основные положения украинского национализма основаны именно на этом.

Вкратце напомним его главные постулаты, которые и не скрываются, а наоборот, всеми силами внедряются:

Украина — это не Россия.

Россия — постоянно препятствует процветанию Украины.

Русские — это москали, которые присвоили себе украинскую историю и название.

И как вывод: каждый патриот должен добиваться полной независимости Украины от северного соседа.

Этому проекту уже несколько сотен лет. Создан он был поляками во время противостояния Московской Руси с Речью Посполитой. В XIX веке он был подхвачен Австро-Венгрией и продолжен Германией. В последние десятилетия верховенство перехватили США. Незримым участником проекта всегда был Ватикан.

Главная цель проекта — вырвать Малороссию из тела Большой России и натравить на неё.

Очень удобно. Русские сами перебьют друг друга, и можно беспрепятственно хозяйничать на русской земле. Для продвижения проекта вскармливалась националистическая украинская интеллигенция. В советское время этот проект вписался в политику коренизации окраинных народов СССР. Сепаратистские движения (включая украинское) стали одним из главных рычагов развала Советского Союза. После революции 1991 года на Украине усиленно внедрялась украинизация, что считалось главным показателем независимости. Майдан 2014 года привёл к власти крайних националистов, которые ввели режим жестокого террора против «врагов Украины». Врагом объявлялся каждый, кто хоть как-то проявлял симпатии к России. Даже если ты стопроцентный украинец по крови и разговариваешь на украинской мове. Началась война на истребление против неукраинизированной части собственного народа.

За прошедшие столетия украинизм впитался в кровь и плоть многих западэнцев. За последние тридцать лет было воспитано новое поколение свидомых украинцев, которые не знают или не хотят помнить наше общее прошлое и готовы воевать за «рідну нэньку» против «клятых москалей». Прошедшие выборы продемонстрировали результаты многовековой обработки сознания украинцев. «Агрессивные радикалы — это, конечно, нехорошо. А вот умеренный украинский национализм наконец-то принесёт нам процветание» — вот внутренний мотив патриотического сознания на Украине.

Опять же скажем, что патриотизм сам по себе явление положительное, но если он не замешан на повсеместной русофобии. Ненависть не может принести добрые плоды.

Такое состояние сознания украинцев надо учитывать при разработке политики России по отношению к современной Украине. Для этого необходимо понять, кто мы по отношению друг к другу. В прошлом мы действительно были одним народом, но это было очень давно. Монгольское нашествие нас разделило политически и ментально. Владимирская Русь стала продолжением Древней Руси. Юго-западная стала украинской Литовского княжества, а затем Польши. При этом Левобережная Украина всегда тяготела к единокровной и единой России. Правобережная подстраивалась под того, кто давал наибольшую выгоду. Единой Украина никогда не была. Их было две, зачастую противоборствующие между собой. Даже во времена вхождения в Российскую империю и Советский Союз. В особенности после воссоединения с Западной Украиной в 1939 году.

Наши действия. Исходя из сложившихся обстоятельств, нам следует протянуть руку тем братьям, которые считают нас своими. Центральная киевская власть пока до этого не дозрела. Мы для них в лучшем случае партнёры, причём не особенно желательные. Так что нужно быть прагматиками.

Если говорить конкретно, то следует всеми возможными способами поддержать тех, кто уже сделал свой выбор в сторону России. Донбасс (Новороссию) надо воспринимать не как часть Украины, а как русскую землю, отвоёванную у перевёртышей. С перспективой «возвращения в родную гавань». Не разумно отдавать своих союзников на закланье Киеву в надежде заполучить всю Украину. Как мы видим, большинство украинцев желают независимости от России больше, чем единства.

Также следует поддержать дружественные силы в областях, составляющих русский пояс на Украине, от Харькова до Одессы. По всей видимости, врачевание раскола Русского мира на Украине будет долгим и болезненным. Скорее всего, восстановление единства русского народа будет проходить по частям. По мере осознания этих частей необходимости воссоединения с Россией.

Опять же вкратце скажу, что сотрудничать нужно обязательно, но упор делать на культурные связи и не поддерживать экономику недружественного государства из братских чувств. Нового президента (увы, не Зеленского. — Ред.) можно поддержать только после того, как он реально наладит дружественные отношения с Россией. Не раньше. У нас уже

был опыт поддержки Януковича. Чем это закончилось? Большими невосполнимыми затратами и плевками в нашу сторону.

В обязательном порядке необходимо создать **идеологическую доктрину**, противостоящую петлюро-бандеровской доктрине проекта «Украина». Эта доктрина должна возратить сознание украинцев из ложной антирусской установки к пониманию единства наших народов. И в итоге восстановить целостность некогда единой нации.

При наименовании доктрины можно использовать устоявшиеся исторические понятия Малороссия и Новороссия. **Украина жизнеспособна только в едином Русском мире.**

Вместе с тем необходимо создать разветвлённую систему средств массовой информации, работающую на украинском направлении. Пока враждебные СМИ значительно превосходят нас по всем показателям. Без победы на информационном поле разрешить самое сложное противоречие Русского мира просто невозможно.

Особо необходимо отметить значение Православной Церкви на Украине. В условиях жестоких гонений она проявила невиданную стойкость и в настоящее время является единственной действенной скрепой соединяющей Украину и Россию. Канонической Украинской Православной Церкви необходимо оказать всестороннюю помощь — молитвенную, идеологическую, дипломатическую, культурологическую — для поддержания нашей братии в тяжелейшей духовной брани за Русский мир на земле наших предков — исконной Руси.

Нам следует твёрдо усвоить: земля Украины — Русская земля. На ней живёт русский народ. Этот народ разделён ментально на русских по духу и непримиримых наших противников, для которых борьба со всем русским есть защита т.н. «национальных ценностей». Русских по духу надо поддерживать. Тех, кто решил приехать в Российскую Федерацию, принять как братьев. Тем, кто продолжает бороться в пределах современной Украины, всемерно помогать. Возвращение русских земель «в родную гавань» — наша всеобщая первоочередная задача. Общенациональная задача.

СНИМЕМ С ВИРУСА КОРОНУ

«...Жил-был газетчик, и жил-был читатель. Газетчик был обманщик — всех обманывал, а читатель был легковёрный — всему верил. Так уж истари повелось на свете: обманщики обманывают, а легковёрные верят. Сидит газетчик в своей берлоге и знай себе обманывает да обманывает. «Берегитесь! — говорит, — дифтерит обывателей косит!»... «Не знали мы, что у нас везде дифтерит, — хором поют легковёрные читатели, — ан оно вон что!» И так им от этой уверенности на душе легко стало, что скажи теперь этот самый газетчик, что дифтерит был, да весь вышел, пожалуй, и газетину его перестали бы читать...» М.Е. Салтыков-Щедрин. «Обманщик газетчик и легковёрный читатель».

Почти полтора века минуло с написания классиком этих строк. Но ничего не изменилось на Руси. Разве что «обманщик-газетчик» давно уже перерос свою газету и подмял под себя сначала радио и телевидение, а затем и электронные СМИ. Да пугает он легковёрного читателя теперь не дифтеритом... Но читатель-зритель все тот же — верит!

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Да и как здесь не поверить, если по всем каналам, всем интернет-порталам с утра до вечера одна тема — коронавирус. Еще 3-5-10 заболевших. Звезда Маша Пупкина заболела коронавирусом! Россия закрыла границы с Гонолулу! На всех фотографиях люди в масках — жуть!

Не буду подробно останавливаться на судебно-медицинском аспекте проблемы, ведь любой квалифицированный медик знает — люди умирают не от вируса, а от осложнений. Например, от пневмонии. И насколько достоверны эти безапелляционно навязываемые нам цифры в условиях, когда в первые месяцы, по словам д.м.н. Игоря Гундарова, вскрытия не производились вообще?! А значит, не назначались судебно-медицинские экспертизы, не установлены причинно-следственные связи между болезнями и последствиями в виде смерти, что, в свою очередь, делает выводы о причинах смерти юридически несостоятельными!

Ну да речё не об этом. Зайдём на сайт Всемирной организации здравоохранения и посмотрим, а чем же у нас люди болеют вообще и в каком количестве.

Возьмём для примера такой раздел, как «забытые тропические болезни». По данным ВОЗ более 1 миллиарда (!!!) человек болеет одной или несколькими «забытыми тропическими болезнями».

Приведем точную цитату с сайта ВОЗ:

«Шистосомоз. Инфицировано более 200 миллионов человек. Из них 120 миллионов имеют симптомы заболевания, а примерно у 20 миллионов человек проявляются тяжёлые последствия.

Лимфатический филяриоз. Инфицировано около 120 миллионов человек. Эта болезнь является второй по значимости причиной инвалидности во всем мире.

Трахома, приводящая к слепоте. Инфицировано около 80 миллионов человек, 6 миллионов из которых являются слепыми. Эта болезнь является основной инфекционной причиной слепоты в мире.

Онхоцеркоз. Инфицировано около 37 миллионов человек, подавляющее большинство из которых живёт в Африке. Помимо того, что эта болезнь вызывает тяжёлые поражения кожи, нарушения зрения и слепоту, она может укорачивать ожидаемую продолжительность жизни инфицированных людей на целых 15 лет.

Болезнь Шагаса. По оценкам, инфицировано 13 миллионов человек, в основном, в Латинской Америке. В результате миграции, переливания крови, пересадки органов, а также из-за наследственности эта болезнь появилась в районах, ранее считавшихся свободными от неё, и в странах, не являющихся эн-

демичными, поэтому необходимо придавать большое значение инфекционному контролю и эпиднадзору».

Это далеко не полный перечень.

Итак, более миллиарда человек заражено тяжелейшими формами заболеваний, почти все из которых являются инфекционными и заразными, нуждаются по официальному заявлению ВОЗ в инфекционном контроле и эпиднадзоре. Для примера в Непале, являющемся центром горного туризма (одна гора Эверест чего стоит) количество заболевших забытыми тропическими болезнями превышает 18 млн. человек. И что?! Вы думаете, кто-нибудь закрыл границу или авиасообщение с Непалом? Или кого-то интересуют вернувшиеся из Непала туристы? А, может быть, вы читали о лимфатическом филяриозе в последних новостях? Как, нет?! Вы хотите сказать, что редакторов новостных блоков по какой-то причине не интересует болезнь, являющаяся по официальному заявлению ВОЗ второй по значимости причиной инвалидности, которой уже болеют в мире 120 миллионов человек?! Ах, да... Ведь их по какой-то странной причине интересует исключительно коронавирус, как будто это самая страшная болезнь на земле! Ни сердечно-сосудистые заболевания, ни рак во всех его формах, ни пресловутый грипп, от которого умирает в сотни раз людей больше, ни правительственных чиновников, ни СМИ почему-то не интересуют.

Но вернемся в Россию.

14 марта в сети появилась информация о том, что Министерство просвещения *рекомендовало* регионам (читай — приказало) рассмотреть вопрос о переводе всех школьников на дистанционное обучение. Мы давно уже привыкли к разного рода юридическим перлам, которые нередко позволяют себе наши чиновники, но тут уже явный перебор. Простите, но любой юрист знает, что по закону «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» за санитарно-эпидемиологическое благополучие населения отвечает Роспотребнадзор. Причем здесь Министерство просвещения?! Оказывается, всё просто. С учетом количества заболевших в России и официальной смертностью от болезни чуть выше 2 % никаких правовых оснований для введения мероприятий санитарно-карантинного контроля со стороны Роспотребнадзора просто нет. Но, как в известном фильме, что не может запретить закон, то может запретить исполком...

Когда начинаешь сопоставлять факты, даже не специалисту сразу бросается в глаза, что мы имеем дело с хорошо отрежиссированным спектаклем. Причем, режиссер-постановщик пьесы обладает какой-то загадочной силой, кото-

рой подчиняются все — от Министерства просвещения до дешёвой бульварной газеты. В самом деле, выступает президент страны и говорит: спокойно, оснований для паники нет, вся паника нагнетается из-за рубежа. Проходит несколько дней, и Министерство просвещения вопреки установкам главы государства и действующему законодательству в нарушение гарантированного Конституцией права на образование иницирует, по существу, остановку образовательной деятельности в масштабах страны. Причем повсеместно, включая регионы, где нет ни одного случая заболевания коронавирусом!

Так кто же автор этого общественного психоза, заставляющего людей, словно по условному сигналу, массово скупать защитные повязки и в ожидании карантинных мероприятий «сметать» всё с полок магазинов?! Точный ответ мы с вами вряд ли в ближайшее время узнаем. Дай Бог, чтобы это удалось тем, кому положено — специальным службам, отвечающим за безопасность государства. Тем более что понять, откуда ветер дует, мы им всё же поможем...

Как известно, каждый год журнал «The Economist» примерно в ноябре месяце выпускает номер, на обложке которого в форме коллажа содержится зашифрованный конспирологический прогноз событий на будущий год. В качестве примера такого прогноза можно привести обложку номера журнала, вышедшего в конце 2015 года, на которой в т.ч. были изображены Святейший Патриарх Всея Руси Кирилл рядом с главой Римско-католической церкви папой Римским Франциском. Напомню, «встреча» не планировалась заранее и состоялась в феврале 2016 года, причем на неё Патриарх улетел практически прямо с Архиерейского Собора, даже «не успев» поставить о ней в известность архиереев. Так что в ноябре 2015 года, когда готовился к выходу очередной пророческий номер «Экономиста», о будущей встрече не мог знать никто.

Предположив, что «раскрутка» новой болезни имеет авторов в среде зарубежной глобальной элиты, мы стали искать следы коронавируса на обложке журнала «Экономист» с прогнозом на 2020 год. И нашли.

Обложка журнала состоит из 21 следующих одно за другим английских слова, среди которых 16-м по счёту идет слово «Rat», переводимое как «крыса». 15-м в списке находится английское слово «biodiversity». Последнее, переводимое как «биоразнообразие», происходит от слова «diversion», имеющего несколько значений, одно из которых — ложная атака или отвлекающий удар. Хотя, на наш взгляд, правильнее было бы перевести его на русский просто как «диверсия», а «biodiversity» как биологическая диверсия...

Ну, а для точного перевода слова «RAT» нам следует вспомнить, в каком мире мы живем с точки зрения журнала «Экономист». Ну, конечно же, в цифровом. А значит, в этом контексте и следует искать расшифровку значения слова «RAT». И тогда ответ приходит сам собой. Ну, конечно же, это тот самый «Rat» или «Rattrojan» — известнейший компьютерный вирус! В последовательности двух слов получаем: биологическая диверсия — вирус!

Не хотим утомлять читателя продолжением разгадки этого конспирологического сканворда, желающий сможет сам заняться этим в свободное время. Мы также оставляем право каждому самостоятельно или с помощью врача, которому он доверяет, определиться, насколько опасным он считает коронавирус лично для себя. По нашему мнению, основанному на анализе медицинской статистики и прочих фактов, вероятность получить тяжёлое осложнение от сезонного гриппа многократно выше вероятности получить аналогичное осложнение от коронавируса. Но, вместе с тем, необходимо сказать несколько слов об угрозах, которые мы считаем действительно опасными.

Речь идёт об атмосфере истерии, которая сложилась вокруг ситуации с коронавирусом, как во всем мире, так и в нашей стране в частности. Опыт убедительно показал, что при «грамотной» работе со СМИ и властными структурами государств можно взять практически любую болезнь и «раскрутить» её по примеру того, как раскручивают молодую, никому не известную девушку, претендующую на роль поп-звезды. И если коронавирус COVID-19 с порогом смертности чуть выше 2% и смешным в масштабах восьми миллиардного мира количеством заболевших так нас «напугал», то что же будет, когда из пробирки выпустят гораздо более опасного «диверсанта»? И как быть, если в качестве единственной защиты человечеству будет предложена вакцина, от которой ни у кого не будет права отказаться?! И это в условиях того, что уже сейчас некоторые разработчики вакцин открыто заявляют о реализации через вакцинацию глобальных задач по сокращению населения планеты!

Думаем, анализ ситуации с коронавирусом должен дать почву для размышления всем патриотически настроенным представителям государственной власти и спецслужб с тем, чтобы «содрать» наконец звёздную корону с этого раскрученного вируса и не сделать государство, а значит, и нас с вами, заложником фейковой пандемии в будущем.

ПОД ЗАЩИТОЙ ВЕРЫ

Пандемия COVID-19 по всему миру приняла поистине апокалиптический характер. Речь не о количестве погибших, которое ничтожно в сравнении с любой другой эпидемией в истории человечества, и не об экономических последствиях карантина и мирового экономического «суперкризиса», который поставит сотни миллионов людей на грань выживания.

До нынешнего карантина верующие христиане с подозрением относились к стремительной «цифровизации» отношений человека и государства, предупреждали о планах откровенных сатанистов по созданию всемирного правительства и обращению всего человечества в экономическое и духовное рабство. Сегодня можно констатировать, что мы уже живём в реальности, описанной в «Откровении» Иоанна Богослова, и очень легко можем представить себе, что значат слова «ничего нельзя продать или купить» без санкции властей.

Тотальный контроль государства над человеком, описанный в антиутопиях

СИМВОЛ ВЕРЫ

конца XX века стал технологически возможен, а, следовательно, неотвратим. Ещё недавно трудно себе было представить, что Западный мир, одержимый «правами человека», либеральными ценностями и приматом превосходства интересов личности над интересами общества и государства, согласится безропотно протопать по тропе научно-технического прогресса в электронный концлагерь. Сегодня уже меры по контролю над перемещением человека, его социальными контактами предъявлены человечеству и стремительно внедряются по соображениям, его же, человечества, блага, при широкой общественной поддержке.

Обоснования окончательного и бесповоротного лишения человека личной свободы безупречны с логической точки зрения. Сегодня каждый человек может быть носителем «летучемышьего гриппа» и может заразить им окружающих. Завтра любой человек может стать носителем «медвежьего», «змеинового», «тараканьего» гриппа, неизвестно какую еще заразу умудрится сожрать какой-нибудь обитатель Восточно-азиатских джунглей или смогут вывести любознательные натуралисты в биологических лабораториях по всему миру. А механизмы тотальной слежки, предъявленные и легализованные на сегодня, легко позволят выявить все его контакты за последние часы, дни, месяцы, годы и без суда, но на основании действующего карантинного законодательства поместить всех, с кем он встречался, под домашний арест.

Человек таким образом превращается в тотально несвободное, зависимое и лишенное права на какие-либо поведенческие девиации существо под внешним контролем. И далее начинается лишь борьба за право осуществлять этот контроль.

Коронавирусная паника была раздута, в первую очередь, затем, чтобы списать на китайца, сожравшего летучую мышь, катастрофические последствия предсказанного и неминуемого экономического «суперкризиса», вызванного достижением предела развития капиталистической экономики. Все предстоящие беды, глады и войны, вызванные жадностью владельцев мирового капитала и биржевых спекулянтов, в итоге будут списаны на любителей экзотической кухни и граждан, не соблюдавших карантин. И именно в таком виде и они будут постфактум представлены выжившим в качестве обоснования необходимости создания эдакого «суперкитая» во всемирном масштабе с «суперконтролем» над личностью. Но уже не со стороны национальных государств, большая часть из которых окажется банкротами, не способными элементарно обеспечить безопасность собственного населения, а со стороны глобального мирового правительства.

Обзор многочисленных дайджестов на тему бушующей в мире пандемии, в которых фиксируются наиболее знаковые явления, обнаруживает, что обязательной их частью является оголтелая антирелигиозная пропаганда. Причём направленная против всех основных мировых религий. Всевозможными «аналитиками» неизменно акцентируется внимание публики на том, что «никакие священники, раввины, имамы не смогли спасти пациентов». Формат этих анонимных деклараций в мессенджерах и социальных сетях не предполагает дискуссии.

С подачи существ, которые сосредоточили в своих руках контроль над мировой экономикой, и своими действиями предопределили текущий экономический кризис, развернута компания дискредитации религиозности как таковой. Выдвигаемые против всех мировых религий обвинения подразаывают, а значит, навязывают публике представление о том, что функция священников заключается в том, чтобы лечить людей и спасать их от болезни и смерти. А если они с этой функцией не справляются, то они бесполезны. Противопоставляется религии традиционно наука, которая вот-вот докажет в очередной раз свое превосходство над архаической и замшелой религиозностью, создав спасительную вакцину от «коронавируса». Эта организованная антирелигиозная кампания по всему западному миру является еще одним свидетельством в пользу того, что нынешний эпидемический хаос не только искусственно создан и развивается под умелым управлением, но и преследует вполне определенные цели в виде дискредитации всех мировых религий. В точном соответствии с «Откровением» Иоанна Богослова.

Между тем, предназначением мировых религий и церковью является не спасение жизней и не лечение людей от болезней, а проповедь веры в Создателя и посредничество в отношениях с ним. Потому что все мы смертны. И те, кто уберутся от нынешнего ужасающего вируса, и те, кто очень скоро изобретут от него вакцину, умрут. Неизбежно. И по историческим меркам буквально мгновенно после эпидемии «коронавируса», которую им, благодаря достижениям науки и неустанной заботе правительств, удастся пережить. Значительная часть умрёт прямо в ходе пандемии от причин, никоим образом с вирусом не связанных.

«Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще — не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер», — намекал на это обстоятельство Воланд обречённо-му на встречу с трамваем Берлиозу в романе «Мастер и Мар-

гарита». Жизнь и смерть человека не в руках правительства или общества и тем более не в его собственных руках.

Наукой на сегодня уже практически доказана не только непрерывная связь всего живущего с Высшим Творцом, но и протекание всех физических и природных процессов под его контролем. И тот, кто этого до сих пор не знает или не постиг, попросту не интересуется научными открытиями или не в состоянии осмыслить окружающие его явления.

Еще в середине XX века учеными был открыт и до сих пор не объяснён поражающий феномен, который является сегодня одной из основ квантовой физики и называется «принцип квантовой неопределенности Гейзенберга». Суть его заключается в том, что фотон света меняет своё поведение в зависимости от того, наблюдают за ним или нет. И только мировая диктатура секуляризма (атеизма) не позволяет физикам, понимающим суть этого явления, заявить об истинном значении этого открытия: «Вселенная, которую мы изучаем, разумна и изменяет свойства элементарных частиц, подстраиваясь под наше за ней наблюдение».

Антирелигиозная пропаганда, апеллирующая к достижениям науки, рассчитана на весьма малообразованную и любопытную публику. Никакому стороннику эволюционного пути развития и теории естественного отбора не удастся доказать человеку, знакомому с основами программирования, что самый сложный программный код, который представляет наше ДНК, сам собой в случайном порядке изменялся, дописывался, и в результате получилась исполняемая программа, которая стала лучше, чем была изначально. Это абсурд!

Постижение генетики давно опровергло теорию эволюции, то есть случайного возникновения новых признаков живых организмов. Вера в то, что неодушевлённая природа умудряется случайно производить чудовищные, с точки зрения математической вероятности, операции со самым сложнейшим четырёхзначным кодом, составленным из аминокислот, гораздо бессмысленней, чем представления мировых религий и описанные в них чудеса.

Достижения науки свидетельствуют о том, что в каждой живой клетке на планете содержится подпись Творца в виде программного кода, а мысленно мы взаимодействуем с окружающим миром на уровне изменений свойств элементарных частиц. Не мы меняем мир, а он изменяет себя под нас.

Однако философия никогда не была наукой публичной. Да и религия воспринимается большинством людей довольно примитивно. Причем степень этой примитивности напря-

мую зависит от того, насколько примитивны сами о ней рассуждающие.

Однако в момент пандемии, да еще и на фоне событий явно апокалипсического характера не очень-то отвлечёшься от мыслей о смерти и размышлений о том, что будет после неё. Во все времена подобные размышления во время войн и эпидемий приводили к всплеску религиозности в обществе. Вот и в наши времена одновременно с нагнетанием паники происходит и оголтелая пропаганда недоверия и презрения к Церкви. Потому что цель сатанистов, стремящихся к власти над человечеством, и заключается в том, чтобы заставить человека отказаться от ценностей, лежащих вне осязаемого мира. От того, что за пределами земного существования. От его божественной природы. И это позволяет превратить его в полностью подконтрольное, рабски зависимое и покорное существо. Которое уже не будет Человеком.

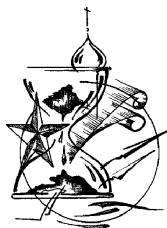
Это уже не первая попытка «сильных мира сего» доказать своё превосходство во власти над Человеком перед Богом. Замысел «мирового интернационала», в сути своей, — всё та же попытка превознестись над Создателем. Христианство исходит из того, что это неизбежно: всемирное рабство под властью антихриста неотвратимо.

В этот ли раз? Вот об этом мы точно не знаем. Всё в руках Божьих и зависит от его решения. Если не будет воли Его, то и эта изощренная и исключительно технологически подкреплённая попытка овладеть абсолютной властью над творением Божьим окажется неудачной. И пресечена она будет руками людей, которые, даже вряд ли будут осознавать сакрального смысла своих деяний.

ТЕСТИРОВАНИЕ СТРАХОМ

Оставим экономистам и политикам рассуждать, почему совпали несколько событий: мировой экономический кризис с обвалом цен на нефть, смена российского правительства, внедрение «цифровой экономики», разработка новой Конституции и пандемия коронавируса. И здесь следует с удовлетворением отметить, что России удалось сохранить основы мощнейшей системы биологической защиты, созданной в СССР. Вспоминается начало 90-х. Тогда либеральная рать вела в СМИ травлю занимающегося этими проблемами 15-го управления Минобороны и руководителя этого управления генерала В.И. Евстигнеева. Понятно, в чьих интересах действовали либералы. Они же добивались уничтожения Роспотребнадзора. Но и эту задачу им не удалось осуществить. Ведомство, хотя и в ослабленном виде, продолжает действовать.

Но вот что не может не тревожить. Антихристово мировое правительство, его агенты в российской «новой элите» одержимы стремлением установить тотальный контроль над «физическими лицами». И это практически уже сделано! Создана система слежки посред-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

ством сотовых телефонов, гаджетов. За нами наблюдают, нас слушают. Повсеместно, даже в деревнях, прописались видеокамеры. На помощь им идут мини-дроны. Другими словами, все мы, подчас того не зная, под бдительным оком «большого брата». На улице, в магазине, больнице, административном учреждении и т.д. Недавно выяснилось: проданные в России после 2018 года автомобили оборудованы системой ЭРА-ГЛОНАСС, которая способна передавать координаты транспортного средства и прослушивать звуки в салоне. Тем временем кремлевские чиновники все уши прожужжали о «цифровой экономике». Им не в толк слова, произнесенные Святейшим Патриархом Кириллом в Рождественском интервью центральным телеканалам в 2019 году.

«Контроль из одной точки — это предвестие пришествия антихриста, если говорить о христианском взгляде. Антихрист — это та личность, которая будет во главе всемирной паутины, контролирующей весь человеческий род. Значит, сама по себе структура представляет опасность. Не должно быть единого центра, если мы сами не хотим приблизить Апокалипсис. Поэтому гаджет — это хорошо с точки зрения удобства и удовольствия. Но с точки зрения контроля над человеческой личностью это опасное дело. И вот об этом Церковь должна говорить. Говорить, осознавая, что она навлекает на себя не столько праведный, но сколько очень такой ярко выраженный гнев. Нас будут обвинять в том, что мы против прогресса, что мы ретрограды. А на самом деле, речь идёт не о прогрессе научно-техническом, а о прогрессирующем развитии системы, которая направлена на контроль человеческой личности в глобальном масштабе».

Напомним: стандарты электронной идентификации утверждены в рамках программы «Цифровая экономика». Ее авторы МВФ, Всемирный банк, акционеры ФРС США. Следовательно, в условиях гибридной войны Запада против нашей страны находящаяся под глобалистским контролем «цифровая экономика» опасна для национальных интересов России. «Встраиваться в мировой проект США — цифрового трансгуманизма — это тупик», — считает заместитель директора Института российско-китайского стратегического взаимодействия А.П. Девятов. Специалисты полагают: при сбое программы (умышленном или случайном) может возникнуть хаос, перестанут функционировать важнейшие системы российского жизнеобеспечения, а превращенные в пронумерованный биоматериал российские граждане окажутся без каких-либо документов. Это заставляет думать: те, кто пытается свергнуть Россию в систему глобального цифрового контроля, ис-

ходят не из национальных интересов страны, а выполняют установки глобалистов, в планах которых разрушение национальных государств. Следовательно — и России.

Сознавая опасность происходящего, патриотическая общественность выступает против нарушающей конституционные права граждан антихристовой инновации. До недавнего времени большинство населения, согласно опросам, «цифровую экономику» (в частности, внедрение биопаспортов) не поддерживало. Но коронавирус поменял ситуацию, поставив людей перед выбором: либо согласиться на тотальную слежку, ограничение конституционных прав, либо пасть жертвой инфекции. Она, по мнению части аналитиков, хотя и не является боевым вирусом, но имеет конкретное предназначение. Речь не только об установлении «цифрового контроля» над «физическими лицами», но и о сокращении населения планеты в интересах «золотого миллиарда». Эта цель неоднократно декларировалась институтами мирового правительства («Комитет трехсот», «Римский клуб», «Фонд Сороса», «Фонд Карнеги», «Бильдербергский клуб»).

Телевизионный магнат, участник Бильдербергского клуба Тэд Тернер в 2012 году заявил: *«...необходимо уменьшить численность населения на 2/3 и довести её до 2 миллиардов человек... Слишком много человеческого материала...»* А в докладе Комиссии ООН по глобальному управлению и сотрудничеству под председательством Ингвара Карлссона «Наше глобальное соседство» (1995 г.) отмечалось: *«Для достижения устойчивого развития необходимо не только сокращать численность населения, но и снижать уровень потребления»* (последнее нас тоже ожидает). Есть основания предполагать, что помимо коронавируса в распоряжении США и глобалистов имеются и другие, более смертельные вирусы. Об этом сообщалось в открытой печати.

Выступая в 2003 году в Центре по изучению проблем разрушения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте на тему «Биологическое оружие и проблемы экологической безопасности» уже упомянутый генерал-лейтенант запаса, член национального совета экологической безопасности В.И. Евстигнеев подчёркивал: *«В перечне наименее контролируемых и наиболее опасных угроз человечеству подавляющее большинство экспертов называет биоагрессию, биотерроризм и «экологические войны»... Революция в биологии на рубеже второго и третьего тысячелетий... создала научно-технологические предпосылки для разработки усовершенствованных биологических средств массового поражения, что, в свою очередь, делает их привлекательными для*

достижения превосходства и поставленных целей. Анализ доступной информации показывает, что только интеллектуальные, психологические, но не технико-экономические барьеры ограничивают использование террористами и криминальными структурами биологических средств как для устранения отдельных личностей, так и для массовых террористических акций. Однако в ближайшей перспективе эти барьеры, очевидно, будут преодолены.

Мне довелось неоднократно беседовать с В.И. Евстигнеевым (в 2004 году за создание уникальной вакцины его удостоили Государственной премии РФ), о грозящих миру биологических опасностях. Предвидение генерала воплотилось в реальность, которая и используется ныне для обоснования тотальной слежки. Согласно заявлению мэра Москвы Сергея Собянина, «в столице уже отработана «система контроля за перемещением лиц». Видимо, на очереди присвоение каждому, как в Китае, цветовой метки. В случае неблагонадежности (красная метка) вас не допустят в транспорт, магазин, банк, т.е. сделают изгоем.

Более того, с мировой «пандемией» приблизилось осуществление давней мечты глобалистов — отмены денег. Определенные действия в этом направлении в России уже предпринимаются. Но что такое отмена денег? Если вы проявили нелояльность к действиям власти, допустим, отказались от принудительного чипирования (оно, судя по всему, дело недалёкого будущего), вашу электронную карточку могут элементарно заблокировать, и вы не сможете «ни купить, ни продать».

Т.н. «коронавирусом» можно прикрыть не только «цифровой концлагерь», но и многие российские проблемы. К примеру, три десятка лет наша власть на словах проявляет озабоченность демографическим кризисом, вносит разного рода инициативы вроде «дальневосточного гектара», «национальных проектов». Но ничего по существу не меняется, потому что реально власть последовательно действует в глобалистском тренде. Посему население России, прежде всего русские, продолжает убывать, что и требуется мировому правительству (за 2019 год население сократилось на 360 тыс. чел.).

Народ требует: «Надо строить одноэтажную Россию! Пахать землю, сеять хлеб, развивать местную промышленность. Это повысит рождаемость». Но «асфальтовые начальники» рассуждают о «15 миллионах лишних людей» в провинции и претворяют в жизнь порочную идею развития мегаполисов (городской «цивилизации»). Между тем рождаемость в городах, в силу преобладания потребительских настроений и образа жизни, крайне низка. Теперь процесс вымирания уско-

рится. И за счет прямых потерь от коронавирусных «выходных» месяцев, и по причине усилившегося пессимизма и неверия населения России в собственное будущее.

В сложившейся обстановке (нагнетаемой зависимыми от мегакорпораций российскими СМИ) явление глобального антихриста в виде «спасителя», якобы способного победить любую пандемию и другие пороки современной жизни, может показаться обывателю единственным выходом. «Я готов подчиниться хоть дьяволу, принять любую «цифровую экономику», любое чипирование, лишь бы спастись», — скажет он себе. Но это будет «спасение», равное погибели. Ибо в управление дьяволу будет передано то, что всегда отличало человека от животного, — сознание и душа. Таких обывателей, признаемся, немало.

Как избежать худшего? Каким способом кардинально изменить экономику, политическую систему, духовное состояние общества, чтобы они отвечали национальным интересам? Способен ли на решительные шаги в подобном направлении президент Владимир Путин? И мы все, вместе взятые?

Владимир ПРОХВАТИЛОВ

ПРАВДА О КОРОНАВИРУСЕ

Ведущие вирусологи и эпидемиологи приходят к выводу, что официальная информация о коронавирусе не соответствует действительности. Профессор вирусологии, эпидемиологии и статистики Стэнфордского университета Джон Иоаннидис считает, что *«собранные к настоящему времени данные о том, сколько людей заражено и как развивается эпидемия, крайне ненадёжны»*. Сведения о распространении вируса, говорит Иоаннидис, представляют собой *«фиаско доказательств»*.

«Через три месяца после вспышки эпидемии большинство стран, включая США, не имеют возможности проверить большое количество людей, и ни в одной стране нет надежных данных о распространённости вируса в репрезентативной случайной выборке среди населения в целом. Это фиаско доказательств создает огромную неясность в отношении определения степени летальности COVID-19. Сообщаемые Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) показатели смертности в 3,4% вызывают ужас и не имеют смысла», — пишет учёный.

Единственным случаем, когда тестировалось всё население, был круизный лайнер *Diamond Princess* и его пассажиры, посаженные в карантин. По тем тестам показатель смертности составил 1,0%; в основном это были пожилые люди.

Группа французских врачей подтвердила расчёты Иоаннидиса, придя к выводу, что летальность COVID-19 существенно не отличается от ОРВИ, вызванных ранее известными коронавирусами. Проблема COVID-19, «вероятно, переоценена», считают французские вирусологи, отмечая, что в настоящее время в мире распространяются четыре разных коронавируса, которые заразили, часто бессимптомно, миллионы людей, но которые при этом отличаются низкой летальностью.

Группа американских и китайских вирусологов в статье, опубликованной в самом авторитетном медицинском журнале мира *Nature Medicine*, представила данные по китайскому городу Ухань (провинция Хубэй), где COVID-19 был зафиксирован впервые. Риск летального исхода в районах за пределами провинции Хубэй составлял 0,85% и 1,2—1,4% для города Ухань, что хорошо коррелирует с данными профессора Иоаннидиса.

Ведущие вирусологи ставят под сомнение и утверждения о том, что население не приобретает иммунитет от COVID-19. Международный медицинский портал *BMJ*, ссылаясь на исследования ведущих международных учёных, пишет, что подавляющее большинство коронавирусных инфекций не приводит к появлению симптомов. Серджио Романьяни, профессор клинической иммунологии Флорентийского университета, говорит, что у большинства людей, инфицированных коронавирусом, симптомы не проявляются. Данные Романьяни основаны на исследовании, проведённом в полностью изолированной деревне с населением около трёх тысяч человек на севере Италии.

Директор Центра доказательной медицины Оксфордского университета Карл Хенеган уверен: «Не может быть ни-

каких сомнений в том, что COVID-19 способен распространяться и гораздо шире... Однако карантин обанкротит всех нас и наших потомков, и вряд ли это замедлит или остановит распространение вируса, поскольку джин уже выпущен из бутылки».

Категорично высказывается профессор Кнут Витковски, в течение 20 лет возглавлявший кафедру биостатистики и эпидемиологии Университета Рокфеллера. По его данным, «более 90% людей с положительным результатом теста обходятся без тяжелых симптомов, поэтому нет повода говорить об отсутствии иммунитета у населения». С ним солидарны австрийские медики. В Центре медицинской статистики Венского университета проанализировали данные по смертности в Австрии на первую декаду апреля и пришли к выводу, что кривая летальных исходов от COVID-19 «приблизительно соответствует «нормальной» смертности среди мужчин и женщин в отдельных возрастных группах». Иными словами, большинство людей, имевших положительный результат теста на коронавирус, умерли, что называется, от старости.

«Сообщения о молодых и здоровых людях, скончавшихся от коронавируса, при ближайшем рассмотрении оказались ложными», — говорят представители независимой швейцарской исследовательской группы Swiss Propaganda Research (SPR). Многие из этих людей либо умерли не от COVID-19, либо у них были серьёзные предпосылки (например, недиагностированный лейкоз). О том же пишут британская *The Guardian* и испанский портал *Gool.com*.

По состоянию на середину апреля общая смертность в США и большинстве европейских стран остаётся в пределах серьёзных сезонных эпидемий ОРВИ и гриппа. Что касается сильно возросших показателей смертности, например, в северной Италии, то учёные склоняются к выводу, что причина этого — в загрязнении воздуха и заражении легионеллой (бактерией, вызывающей острую инфекцию), а также в низком уровне развития системы здравоохранения и ухода за престарелыми, в том числе из-за паники.

Перегрузка систем здравоохранения в США, Великобритании, Испании и Италии, наблюдаемая в этом году, не является чем-то необычным. В 2018 году больницы по всей территории США были заполнены больными обычным вирусным гриппом; в штате Алабама было объявлено чрезвычайное положение (ЧП). Плановые операции в местных больницах были отменены, пациенты с другими заболеваниями не принимались. Калифорнию объявили «зоной военных дей-

ствий», заболевших гриппом лечили в наспех поставленных палатках.

В том же 2018 году отделения интенсивной терапии в Милане были «полностью забиты» гриппозными больными.

В декабре 2019 года Национальная служба здравоохранения Великобритании поставила дополнительные «временные кровати» в 52% своих больниц, чтобы справиться с наплывом заболевших гриппом. У большинства этих больниц временные кровати остались с прошлого года. В ноябре 2019 года британские эксперты предупреждали, что Национальная служба здравоохранения Великобритании не может справиться с сезонным гриппом.

В Испании грипп переполняет больницы почти каждый год. В 2015 году пациенты лежали в коридорах. В марте 2019 года испанские больницы были заполнены более чем на 200%.

Откуда же берутся устрашающие цифры смертей от коронавируса?

Президент немецкого Института Роберта Коха Лотар Вилер на пресс-конференции 20 марта заявил, что причиной смерти умерших с положительным результатом теста в Германии власти официально считают коронавирус, невзирая на наличие других болезней. То, что в Германии дела обстоят именно так, подтвердил немецкий вирусолог Хендрик Стрик, приведя пример 78-летнего мужчины, который умер от сердечной недостаточности без малейшего поражения лёгких, но был включен в статистику смертей от коронавируса. *«Официальные данные из лабораторий показывают, что вирус распространяется гораздо медленнее, чем утверждалось... Власти и правительство отказываются проводить необходимые расследования и усложняют информацию»*, — пишут немецкие СМИ.

Но как быть с якобы ростом числа заражений коронавирусом? Дело в том, что число тестирований во многих странах увеличивается в геометрической прогрессии. В большинстве стран соотношение положительных тестов к общему количеству тестов либо является постоянным (5—15%), либо растёт очень медленно. Швейцарский медик Феликс Штолькман приводит соответствующие данные по США, Германии и Швейцарии.

Позицию ведущих вирусологов поддержала ВОЗ. Вопреки своим первоначальным заявлениям, в конце марта ВОЗ определила, что никаких свидетельств распространения вируса воздушно-капельным путём нет. А ведущий немецкий вирусолог Хендрик Штрек не обнаружил ни воздушно-капельного, ни контактного пути передачи.

О причинах устрашающей статистики заболеваний поведал американский врач Скотт Дженсен, который является сенатором от штата Миннесота. 8 апреля в эфире Fox News он рассказал о том, что в свидетельствах о смерти причиной смерти врачи указывают COVID-19, что, по его мнению, является «полным бредом». Дело в том, что американская страховая система *Medicare* выплачивает 13 тыс. дол. за пациента с коронавирусом и 39 тыс. дол., если этого пациента подключают к аппарату искусственной вентиляции лёгких.

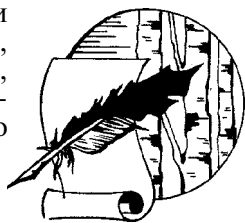
Дженсен сказал, что получил документ на 7 страницах с инструкцией, указывающей, как надо заполнять свидетельства о смерти с диагнозом COVID-19 без лабораторного теста, подтверждающего, что у пациента действительно был вирус. Врач должен написать, что смерть пациента произошла, возможно или предположительно, от коронавируса. Те больницы, которые будут следовать инструкции, получают в три раза больше денег. Дженсен продемонстрировал инструкцию в прямом эфире.

Независимая швейцарская исследовательская группа *Swiss Propaganda Research* опубликовала специальное расследование, в котором сообщается о многочисленных случаях ничем не подкреплённой драматизации эпидемии коронавируса в мировых СМИ. Эпиграфом к своему расследованию швейцарцы поставили слова Альбера Камю: «*Единственным средством борьбы с чумой является честность*».

«У МЕНЯ ЕСТЬ ДАР»

В год 160-летия А.П. Чехова

«Если у меня есть дар, который следует уважать, то, каюсь перед чистотою Вашего сердца, я доселе не уважал его. Я чувствовал, что он у меня есть, но привык считать его ничтожным». Так писал в 1886 году молодой, 26-летний писатель Антон Павлович Чехов в своём ответе на письмо старого (65-летнего!) маститого литератора Дмитрия Васильевича Григоровича. Письмо Григоровича было очень лестным и неожиданным для начинающего таланта. Чем был известен Чехов до этого? Он был широко известен как автор небольших сатирических и юмористических рассказов, зарисовок «из жизни», потешных сценок, так любимых тогдашней публикой, печатавшихся в «бульварных», что называется, изданиях, хотя «бульварная» пресса того времени представляла собой довольно интересное и своеобразное явление, пышно расцветшее в эпоху «великих реформ» 60—70-х годов XIX века. Это было время своего рода «оттепели», странно повторившейся в России почти точно через сто лет уже в веке XX. Время, когда в ходу были либеральные нравы, старое отжившее подвергалось осмеянию, все ждали чего-то нового, каких-то

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

новых свобод, даже конституции, которую, как сказывали, писал в тиши царского дворца неуклонный проводник реформ, ближайший советник либерального императора Александра II граф Лорис-Меликов.

Только что отгремела Русско-турецкая война 1877—1878 гг. за освобождение славян, но Константинополь не был взят из-за происков Англии, да и на трон нового Болгарского царства был посажен немецкий принц. В обществе поднялась волна разочарования, дело принятия конституции тоже как-то застопорилось, и тут подняли голову террористы из «Народной воли», покушения на царя следовали одно за другим. Революционеры из интеллигенции хотели ускорить процесс освободительных реформ, покушаясь при этом на главного проводника этих реформ — либерального императора!.. Уже из этого видно, какой хаос царил в мозгах тогдашней российской интеллигенции, и умным людям было понятно, к чему всё это должно привести.

Чехов был умным. В отличие от многих «свободомыслящих» интеллигентов он хорошо знал жизнь, он знал, что такое — борьба за кусок хлеба, так как вышел из семьи мелкого лавочника, добившегося относительного благосостояния упорным трудом, а дед его ещё был крепостным крестьянином из чернозёмных воронежских земель. Он был третьим сыном в большой и небогатой семье, хотя его отец Павел Егорович Чехов и сумел дать детям достойное образование — Антон окончил гимназию в провинциальном Таганроге, но с детства был приучён к труду — работал в бакалейной лавке отца, изучил ремесло портного, пел в церковном хоре. В общем, белоручкой он не был, а при живом, бойком и несколько насмешливом уме учение давалось ему легко, хотя он и разбрасывался — увлекался театром, писал стихи, издавал даже рукописный журнал.

Провинциальная жизнь России давала много пищи живому уму. Тут можно было увидеть разгульного купца, просаживающего лихие деньги, и затянутого в виц-мундир строгого преподавателя гимназии, ментора с его вечным: «Как бы чего не вышло». Богомольцев, бредущих босиком по выжженной степи и мальчигов, едущих «в учение» в ближний губернский город. Нескладная страна Россия, вся сотканная из противоречий: дикой тоски и светлых озарений, буйных нравов и молитвенной покорности судьбе... И всё это, весь этот пёстрый мир органически войдёт в плоть и кровь, в ткань чеховской прозы. Но до этого было ещё далеко, пока надо было элементарно выживать. Отец Антона Чехова и всего его многочисленного семейства разорился, наделал дол-

гов и принуждён был бежать из пыльного Таганрога, бросив всё своё хозяйство на сына Антона, и неслучайно! У Антона уже была деловая хватка, он, при всём своём увлечении литературой, имел очень практический житейский ум и цену деньгам знал. В шестнадцать лет он смог разобраться со всеми кредиторами своего отца, продал последнее наличное имущество, успел при этом сдать выпускные экзамены в гимназии и укатить в Москву!.. Да, такой паренёк в жизни не пропадёт — сказал бы всякий, знавший Антона.

А в Москве — медицинский факультет Московского университета, место престижнейшее, профессия врача могла обеспечить безбедное существование, и Антон идёт учиться на врача и, кажется, только из соображений меркантильных — надо выживать, надо зарабатывать, чтобы тянуть разорившегося отца, и мать, и младших братьев. Но есть ведь ещё и старший брат Александр, а он, что называется, «пописывает» в журналы, в эту самую «бульварную» прессу, которой к концу эпохи реформ развелось немерено. И Александр советует брату: «А ты попробуй». И Антон попробовал и вскоре на первые копейки, заработанные на рассказах о похождениях досужих бонвиванов и гулящих дамочек, на сценках из бестолковой городской жизни, которые он так хорошо умел подмечать, он зарабатывает на хлеб и молоко и на скромное жильё в трущобах на Сухаревке. Рассказывают, что в это время приходится ему работать и «литературным негром» — заниматься неблагодарным трудом по продвижению чьей-то литературной славы... Чьей? — так и осталось тайной, сам Антон Павлович не любил вспоминать такие мрачные страницы своей ранней творческой жизни, ведь это грех большой — продавать свой талант в услужение кому-то...

Да, не знал всего этого Дмитрий Васильевич Григорович, такой литературный барин, из помещиков, потомственный российский дворянин по отцу (мать — француженка, дочь погибшего на гильотине сторонника короля), когда писал покровительственное письмо молодому таланту, советуя ему даже «голодать», но не писать пошлостей, а создавать серьёзные, достойные произведения.

«Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий. Для этого вот что нужно: уважение к таланту, который даётся так редко. Бросьте срочную работу. Я не знаю Ваших средств; если у Вас их мало, голодайте лучше, как мы, в свое время, голодали, поберегите Ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного, писанного не в

один присест, но писанного в счастливые часы внутреннего настроения. Один такой труд будет во сто раз выше оценен сотни прекрасных рассказов, разбросанных в разное время по газетам».

При всём уважении к Дмитрию Васильевичу, автору незабвенного «Антон-горемыки», нельзя не сказать: не голодал он так, как голодал юный Антоша Чехонте, и не стояли у него за плечами голодные отец и мать... Но это уже был 1886 год, закончено ученье в университете и Антон Павлович Чехов, молодой доктор, служит заведующим городской земской больничкой в подмосковном Звенигороде и не оставляет литературу, хотя и считает её лишь своей «любовницей» в отличие от «законной жены» — медицины. Вообще медицина, конечно, наложила неизгладимый отпечаток на творчество Чехова. Сколько героев его произведений болели — кто туберкулёзом, кто психическими расстройствами, кто умирал от старческой немощи, но все они были поражены ещё и одним странным недугом, мотив которого так часто повторяется в произведениях доктора-литератора, недуг этот — отсутствие «общей идеи», то есть отсутствие осмысленности своего существования, невозможности толково ответить на вопрос: «Зачем я живу?» Время, видимо, было такое. Пока молодой Чехов учился в университете и зарабатывал, где мог, себе на жизнь, в России прошли грозные и судьбоносные события. В марте 1881 года народовольцами был убит царь Александр II. Убит был накануне подписания нового закона, той самой «конституции», которую написал Лорис-Меликов. Вопрос был уже решённый, уже назначен был съезд народных представителей, «нотаблей», как несколько скептически называл их император, имея в виду тех французских депутатов, которые свергли монархию во Франции и казнили своего короля. Сам император с ужасом предвидел, что и он в результате его реформ может оказаться на гильотине, но не оставлял, отдадим ему должное, курс на кардинальные реформы, хотя консервативное окружение императора, его двор буквально волками выли, предостерегая царя о возможных губительных последствиях для монархии такого курса. Но Александр Николаевич неуклонно шёл этим путём, как теперь понятно, тем путём, который единственно и мог спасти Россию от грядущих революционных сломов. Вот у него-то и была эта пресловутая «общая идея», о которой так много пёкся Чехов, но тогда этого не поняли самые передовые люди своего времени и убили императора на радость всем держимордам и «унтерам пришибеевым» Российской империи. Сразу после убийства «царя-освободителя» курс на реформы был

сломан, в России устанавливалась общественная реакция, и в рамках такой реакции и развивалось в дальнейшем творчество Антона Павловича Чехова.

Без осмысления тогдашней политической жизни России невозможно понять тайных струн и мотивов творчества нашего великого писателя. Хотя, вот странность, политические вопросы почти не поднимаются в произведениях Чехова. Писатель словно намеренно старательно обходит стороной всякую политику в своих повестях, рассказах и пьесах, сосредотачиваясь в основном на морально-нравственных вопросах. Случайно ли это? Случайно ли Антон Чехов, начиная с переломного для него 1886 года, начинает активно сотрудничать с консервативным в политическом плане журналом «Новое время», издаваемым небезызвестным Алексеем Сувориным и принимает от Суворина предложение стать сотрудником этого издания. Там же, у Суворина, в Санкт-Петербурге, он выпускает и первые свои книги рассказов, подписываясь сначала Антоша Чехонте, а потом, после критики Григоровича, призывающего его стать серьёзным писателем, отказывается от всяких ёрнических псевдонимов и окончательно становится Антоном Чеховым. Повесть «Степь» из южно-русской народной жизни приносит ему заслуженную литературную славу и вкупе с первыми сборниками рассказов — половинную Пушкинскую премию, присуждаемую Академией Наук. Наконец-то его начинают широко публиковать виднейшие издания России, такие, к примеру, как журнал «Нива», где талантливым авторам платят по тысяче рублей гонорара за печатный лист. Навсегда уходит от Чехова материальная нужда, он снимает себе дом в Москве на Малой Дмитровке, где сейчас известный литературный музей Чехова, а потом — покупает и подмосковное имение Мелихово вблизи Лопасни на юге Московской губернии. Будет у него и дом в Ялте, в Крыму, где он принуждён будет жить в последние годы своей недолгой жизни из-за тяжёлой болезни.

Исключительно литературным трудом добился Антон Чехов материального благосостояния и смог обеспечить свою семью. Правда, самому ему этот тяжёлый труд вылился в реальную кровь, выкашливаемую из лёгких, — приступы горлового кровотечения стали повторяться у него всё чаще и чаще, он лечился, но не долечивался, вновь принимался за упорную литературную работу, не оставляя (вот что удивительно!) и медицину, хотя страшный диагноз — туберкулёз лёгких, как проклятие, уже висел над ним и рано увлёк в могилу.

Антон Чехов не был революционером, в общественной жизни сторонился политики, сотрудничал с консервативными изданиями, но, положив руку на сердце, разве не революционны и бескомпромиссны были его взгляды на тогдашнюю российскую действительность? Его борьба с общественными пороками развивалась, в основном, в морально-нравственной личностной сфере, объектом его критики становились нравы тогдашней российской интеллигенции, и в этой критике он был бескомпромиссен и до предела резок. Широко известны стали его взгляды на пороки интеллигенции, высказанные в письмах к брату Николаю, талантливому художнику, другу Левитана, но человеку распущенному, спивающемуся, проматывающему свой талант и свою жизнь. Вот что писал Антон Чехов брату в 1886 году.

«Ты часто жаловался мне, что тебя «не понимают!» На это даже Гёте и Ньютон не жаловались... Жаловался только Христос, но тот говорил не о своём «я», а о своём учении... Тебя отлично понимают... Если же ты сам себя не понимаешь, то это не вина других...

Уверяю тебя, что как брат и близкий к тебе человек я тебя понимаю и от всей души тебе сочувствую... Все твои хорошие качества я знаю, как свои пять пальцев, ценю их и отношусь к ним с самым глубоким уважением. Я, если хочешь, в доказательство того, что понимаю тебя, могу даже перечислить эти качества. По-моему, ты добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, делишься последней копейкой, искренен; ты чужд зависти и ненависти, простодушен, жалеешь людей и животных, не ехиден, незлопамятен, доверчив... Ты одарён свыше тем, чего нет у других: у тебя талант. Этот талант ставит тебя выше миллионов людей, ибо на земле один художник приходится только на 2 000 000...

Талант ставит тебя в обособленное положение: будь ты жабой или тарантулом, то и тогда бы тебя уважали, ибо таланту всё прощается. Недостаток же у тебя только один. В нем и твоя ложная почва, и твоё горе, и твой катар кишок. Это — твоя крайняя невоспитанность. Извини, пожалуйста... Дело в том, что жизнь имеет свои условия... Чтобы чувствовать себя в своей тарелке в интеллигентной среде, чтобы не быть среди неё чужим и самому не тяготиться ею, нужно быть известным образом воспитанным... Талант занёс тебя в эту среду, ты принадлежишь ей, но... тебя тянет от неё, и тебе приходится балансировать между культурной публикой и жильцами *vis-a-vis*. Сказывается плоть мешанская, выросшая на розгах, у рейнскового погребя, на подачках. Победить её трудно, ужасно трудно.

Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям:

1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилье посторонних...

2. Они сострадательны не к одним только нищим и кошам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом...

3. Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4. Они чистосердечны и боятся лжи как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам они чаще молчат.

5. Они не уничтожают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие и помощь. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят: меня не понимают!..

6. Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомство со знаменитостями...

7. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой...

8. Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплётанному полу, питаться из керосинки. Они стараются, возможно, укротить и облагородить половой инстинкт... Воспитанные же в этом отношении не так кухонны. Им нужны от женщины не постель, не лошадиный пот, не ум, выражающийся в умении надуть фальшивой беременностью и лгать без устали... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность... Они не трескают, походя, водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи. Пьют они только, когда свободны, при случае...

И т.д. Таковы воспитанные... Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только Пиквика и вы зубрить монолог из Фауста. Недостаточно сесть на извозчика и поехать на Якиманку, чтобы через неделю удрать оттуда...

Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час... Поездки на Якиманку и обратно не помогут. Надо смело плюнуть и резко рвануть... Иди к нам, разбей графин с водкой и ложись читать... хотя бы Тургенева, которого ты не читал».

Из этих страстных энциклик понятно, что Чехов хотел бы видеть в российских интеллигентах своего рода духовных борцов, этаких рыцарей духа, призванных к общественному служению, при этом абсолютно безгрешных и морально непорочных. Это был чистой воды идеализм, таких людей в России не было, или было мало, но в этих взглядах и проявлялась скрытая революционность Чехова, перенесённая из сферы политики в область нравственную. Надо честно признать: подобные моральные проповеди не помогли исправить ни одно общество в мире, что подспудно признаёт и сам Чехов, когда замечает, что даже Христос жаловался, что его учение не понимают...

Не помогли эти моральные проповеди и брату Николаю, он окончательно спился и умер в 1889 году... Тут вспоминается судьба другого замечательного русского писателя Всеволода Гаршина, который ведь тоже писал удивительно пронзительные рассказы, криком кричал о моральных язвах, терзающих общество России, пытался повлиять на души людей, исправить нравы... В результате он надорвался, сошёл с ума и кончил жизнь самоубийством. Но не таков был Антон Павлович Чехов, он крепко стоял на русской почве, хотел лучше узнать страну Россию, что раскинулась на полсвета от Атлантического до Тихого океанов, и после смерти брата Николая он не впадает в уныние, а отправляется в путешествии через всю Россию, через всю Сибирь на Дальний Восток, на остров Сахалин — страшную политическую и уголовную тюрьму тогдашней Российской империи.

Для чего ему нужно было это путешествие? Его никто не посылал в эту самочинную командировку. В кармане у него лежало удостоверение корреспондента суворинского «Нового времени», но ехал он в это кругосветное, как потом оказалось, странствие на свой счёт, никто ему ничего не оплачивал. Он ехал в путешествие больным человеком, у него уже случались кровохарканья, но, странное дело, в поездке болезнь оставила его. Словно та «общая идея» узнать Россию, которую преследовал он, в этом хождении энергетически питала его, придавала сил. И он узнал Россию! Он увидел совсем новый край, так не похожий на русские центральные губернии. Когда он плыл по Амуру на пароходе, видел неизмеримое богатство природы и те промыслительные челове-

ческие характеры, этих новых активных русских людей, которые в окружении гиляков и китайцев пытались осваивать эти непочтатые земли, ему казалось, что он попал куда-то в Техас или Калифорнию во времена освоения и заселения Дикого Запада, во времена индейцев и ковбоев. Та же целеустремлённость, энергичность, но в то же время нахрапистость, жадность, моральная распущенность, что уж там скрывать... Плывая по Амуру он видел громадные леса, тайгу, охваченную пожаром, когда на сотнях тысяч гектаров сгорало огромное богатство, и он страдал от того, что это никто не тушит, что все, в основном, озабочены только желанием урвать что-то от природы... Эх, Антон Павлович, дорогой! Оказался бы ты в нашем времени в году, этак, 2019-м и увидел бы совершенно ту же картину вселенских пожаров, которые начинают тушить только тогда, когда в Сибирь прибывает лично сам президент, глава государства и пытается хоть как-то расшевелить местных чиновников... «До Бога высоко, до царя далеко, авось сойдёт!» — извечная мудрость российских провинциальных властей, что при царе-батюшке, что при Советах, что при современном чиновно-олигархическом строе...

И на этом фоне обстановка на острове Сахалине, куда, наконец-то, добрался неутомимый путешественник, пройдя на пароходе «Байкал» мелководным Татарским проливом, поразила его своей гораздо большей организованностью и налаженностью жизни. Это была тюрьма, когда весь огромный остров представлял собой единое хозяйство, управляемое центральной администрацией. Этой тюремной администрации генерала Кононовича, «начальника острова», была подчинена вся хозяйственная и бытовая жизнь острова. Порядок на тюремном острове были совсем уж не так строги. Барон Корф, генерал-губернатор, принимая прибывшего писателя, сразу похвалился, что на острове «нет цепей», почти нет телесных наказаний, «не бреют лбы». Заключённые, в основном, находятся на положении ссыльно-поселенцев, могут жить в относительной свободе, заниматься подсобным хозяйством, ремёслами. Многие создают семьи, Чехов не раз с удивлением видел, что к осуждённым уголовным преступникам часто приезжают жёны с большой земли, или наоборот — мужья к осуждённым жёнам. Создаются и новые семьи.

Природа острова довольно мягкая, растительность пышная, климат умеренный, способствующий земледелию. Урожайи бывают «сам 40», как хвалились ему. На острове всё на учёте — администрация острова сразу же загрузила приехавшего писателя работой по переписи населения острова — за-

ведению на каждого жителя, будь-то «вольный» или заключённый, специальной учётной карточки, так что это не инициатива самого Чехова по заведению карточек, как часто пишут в биографиях писателя, а порученная ему служба, которую тот с тщательностью выполнял, ведь это входило и в его планы лучшего знакомства с людьми. Лишь одно не позволялось писателю — это общение с политическими заключёнными, это было под строжайшим табу, политические противники власти были и здесь, на далёкой окраине России словно «одеты камнем», они были прокляты и забыты. И Чехов не писал о них, здесь его грустная муза замолкала...

Вообще, если взглянуть широко на время, когда жил и творил Чехов, на его лучшие творческие годы, то видно, что пришлись эти годы на относительно стабильное и мирное время в истории России, на годы правления императора Александра III (прозванного «Миротворцем») — воспитанника и верного почитателя такого реакционного политика, как незабвенный Победоносцев, обер-прокурор святаейшего синода, ревностный гонитель всякого свободомыслия. «В те годы давние, глухие в сердцах царили сон и мгла: Победоносцев над Россией простёр совиные крыла», — писал впоследствии Александр Блок. И вот противоречия, свойственные этому времени, — с одной стороны, стабильность в политике, отсутствие войн, возможность мирного развития, когда, к примеру, через всю Сибирь прокладывалась великая железнодорожная магистраль, её ещё не застал Чехов в своём необыкновенном путешествии, он почти три месяца ехал через Сибирь на лошадях до Амура, но он видел уже развёртывание этой грандиозной стройки, он мог ощутить масштаб преобразований!.. Но таково уж, видно, было зрение писателя, что он больше обращал внимание на моральные проблемы русского человека, на нужды и чаяния маленьких людей. А положение этих людей было поистине отчаянное — везде грязь, непроезжие дороги, моральная нечистота, грубость нравов и бедность, бедность — повальная бедность и какая-то беспросветность существования. Таковой встаёт Россия того времени со страниц чеховских книг. Увы.

Вернувшись из своего необыкновенного путешествия в 1891 году океанским пароходом с Сахалина через Индийский океан с недельной остановкой на острове Цейлон, где наш путешественник ощутил себя словно в раю (это после российской-то каторги!), где он, по собственному его признанию, занимался любовью с какой-то местной туземкой в роще тропических пальм, Чехов почувствовал себя совершенно здоровым, наполненным силами для новой творчес-

кой работы. И пожалуй, вершиной его творчества стала повесть «Дуэль», написанная в 1891 году. Она как-то выбивается из общего строя обычных, довольно пессимистических чеховских произведений. Действие повести происходит, якобы, на Кавказе в какой-то пустынной местности на побережье Чёрного моря, вдалеке от России, где живёт, заброшенная в это место колония русских людей — в основном мелких чиновников, торговцев, военных. Приезжает сюда и какой-то исследователь, учёный из России, зоолог с немецкой фамилией фон Корен. За всеми этими реалиями угадывается всё-таки не Кавказ, а всё тот же Сахалин с глубокой оторванностью от России, с безнадежной провинциальной скукой. Действует в этой повести и мелкий провинциальный чиновник Лаевский, давно опустившейся, потерявший себя, хотя ещё молодой человек. Когда-то он соблазнил замужнюю женщину и увёз её на этот далёкий берег. А теперь он разлюбил эту женщину и, наделав долгов, мечтает только о том, чтобы сбежать из скучной провинциальной дыры обратно в Россию. Его обвиняют в разврате, в моральном разложении, а он и сам не отрицает всего этого, но внутренне мучается своими пороками и осуждает себя. И вот фон Корен вызывает его на дуэль. Фон Корен — человек уверенный в себе, в своей правоте, он считает возможным для себя карать и убивать виновных, лишних, так сказать, людей, не приносящих пользу обществу, полагая, что он спасает таким образом «цивилизацию» от разложения. За этими взглядами уже угадывается будущий фашизм, так гениально предсказанный Чеховым, то течение, которое наберёт силу в Европе уже в будущем XX веке. Вот фон Корен откровенно высказывает свои взгляды на дело спасения «цивилизации»: «...мы должны сами позаботиться об уничтожении хилых и негодных, иначе, когда Лаевские размножатся, цивилизация погибнет и человечество выродится совершенно. Мы будем виноваты».

Ему возражает доктор Самойленко — простой добрый человек, грубоватый, но честный служака: «Если людей топить и вешать... то к чёрту твою цивилизацию, к чёрту человечество. К чёрту! Вот что я тебе скажу: ты учёнейший, величайшего ума человек и гордость отечества, но тебя немцы испортили. Да, немцы! Немцы!» Ну разве не гениальное предвидение Чехова?

В конце концов фон Корен вызывает Лаевского на дуэль, и Лаевский, этот окончательно запутывшийся жалкий человек оказывается перед последним роковым вопросом: «За чем я жил?» И сам себе отвечает на этот вопрос, вынося себе нелицеприятный приговор. И может быть, от того, что Лаев-

ский смог подняться до осуждения самого себя, сумел сам себе признаться, что он вёл ничтожную паразитическую жизнь и вполне достоин смерти, может быть, это и спасает его, в чём-то он становится лучше, выше, честнее самоуверенного фон Корена. И Бог отводит от его головы роковую пулю... В конце повести мы видим дружеское прощание двух героев-антиподов этого произведения: натянуто, но уже вполне по-человечески они пожимают друг другу руки, расставаясь на краю бушующего моря. Так и Чехов, как его герой фон Корен в повести, покидал мрачный остров Сахалин, направляясь в шлюпке к океанскому пароходу. «Дуэль», пожалуй, самое оптимистическое произведение Чехова последнего (послесахалинского) периода его творческой жизни.

И как же удивительно и печально, что уже через год после «Дуэли» в 1892 году Чехов, так возвысившийся в глазах российского читающего общества, приобретший заслуженную славу публициста после выхода своих очерков о путешествии на Сахалин и по Сибири, пишет самую мрачную, самую безнадежную свою вещь, знаменитую «Палату №6»... Провинциальная больница. Психиатрическое отделение, где держат насильно вполне здоровых, только немного странных людей, умеющих рассуждать и осуждать окружающую действительность. В этом, собственно, и есть их сумасшествие, за это их и держат под замком. И сам доктор, заведующий этим странным лечебным заведением, Андрей Ефимыч Рагин напоминает собой сумасшедшего, абсолютно потерянного, постепенно теряющего человеческий облик человека. В конце повести он сам становится пациентом своего собственного учреждения и тихо умирает на грязной больничной постели. Ужасающей смертной тоской веет со страниц этого чеховского творения. Ни одного светлого места в описании нравов провинциального русского города, ни одного положительного живого характера, ни проблеска мысли и здравого действия собственного ума... И возникает невольно вопрос: а неужели такова действительно страна Россия? Неужели вы, доктор Чехов, когда были заведующим земской больницей в подмосковном Звенигороде, были таким же вот доктором Рагиным и так же держали здоровых или немного больных людей под замком, постепенно превращая их в животных?.. Нет, конечно. О вас, доктор Чехов, всегда шла хорошая слава, вы лечили и часто бескорыстно помогали людям, вы делали жизнь лучше вокруг себя, вы облагораживали Россию... Где же вы отыскиали этот гнусный заштатный городишко на просторах своей родной страны, наполненный словно не людьми, а монстрами — тупыми, безразличными ко всему типа-

ми... Да, Чехов болел душой за Россию, но здесь он перешёл некую грань, какую нельзя всё-таки переходить, даже руководствуясь благородной идеей выставить напоказ все язвы своей родной страны для того, чтобы их излечить. Можно лечить язвы, но нельзя бередить их, растравлять без всякой надежды на исцеление. А такой надежды в «Палате №6» у Чехова нет. Надо честно в этом признаться, тут эстетическое и нравственное чутьё изменило нашему великому писателю. Впрочем, он и сам мучился подобными вопросами, он и сам сократил себе жизнь, пытаясь поднять на свои неширокие плечи весь груз российских тягостных проблем.

Дар Чехова вёл его по жизни. Дар этот был не только даром великого художника и бытописателя. Это был дар Человека, Человека с большой буквы, всегда болевшего болями своей родной страны. Чехов вывел на страницы своих произведений образы удивительных русских людей, часто неловких по жизни, но честных и чистых душой. Он видел, как отравленная атмосфера бездушия и лицемерия калечит эти чистые души, и он сделал, кажется, всё, что мог сделать русский писатель, чтобы поднять и облагородить их. Не всегда это у него получалось, надежда, иной раз, оставляла писателя, но удивительная вера в человека всегда присутствовала в Чехове.

Как-то раз, разговорившись с Львом Толстым, Антон Павлович услышал от него сентенцию: что нужно человеку? — два аршина земли и всего-то... И возразил ему: это трупу нужно два аршина, а человеку нужен весь мир... Дар Чехова протестовал против смерти. Уже лёжа на смертном одре, понимая, что через несколько минут он отойдёт в вечность, Чехов попросил принести ему шампанского и выпил это шампанское словно за здоровье всех добрых людей этого несовершенного, но единственного и неповторимого нашего мира.

СВИРЕЛЬ

РАССКАЗ

Разморенный духотою еловой чащи, весь в паутине и в хвойных иглах, пробирался с ружьем к опушке приказчик из Дементьева хутора, Мелитон Шишкин. Его Дамка — помесь дворняги с сеттером — необыкновенно худая и беременная, поджимая под себя мокрый хвост, плелась за хозяином и всячески старалась не наколоть себе носа. Утро было нехорошее, пасмурное. С деревьев, окутанных легким туманом, и с папоротника сыпались крупные брызги, лесная сырость издавала острый запах гнили.

Впереди, где кончалась чаща, стояли березы, а сквозь их стволы и ветви видна была туманная даль. Кто-то за березами играл на самодельковой, пастушеской свирели. Игрок брал не более пяти-шести нот, лениво тянул их, не стараясь связать их в мотив, но тем не менее в его писке слышалось что-то суровое и чрезвычайно тоскливое.

Когда чаща поредела и елки уже мешались с молодой березой, Мелитон увидел стадо. Спутанные лошади, коровы и овцы бродили между кустов и, потрескивая сучьями, обнюхивали лесную траву. На опушке,

ЛАРЕЦ

прислонившись к мокрой березке, стоял старик пастух, тощий, в рваной сермяге и без шапки. Он глядел в землю, о чем-то думал и играл на свирели, по-видимому, машинально.

— Здравствуй, дед! Бог помошь! — приветствовал его Мелитон тонким, сиплым голоском, который совсем не шел к его громадному росту и большому, мясистому лицу. — А ловко ты на дудочке дудишь! Чье стадо пасешь?

— Артамоновское, — нехотя ответил пастух и сунул свирель за пазуху.

— Стало быть, и лес артамоновский? — спросил Мелитон, оглядываясь. — И впрямь артамоновский, скажи на милость... Совсем было заблудился. Всю харю себе в чепыге исцарапал.

Он сел на мокрую землю и стал лепить из газетной бумаги папиросу.

Подобно жиденькому голоску, всё у этого человека было мелко и не соответствовало его росту, ширине и мясистому лицу: и улыбка, и глазки, и пуговки, и картузик, едва державшийся на жирной стриженной голове. Когда он говорил и улыбался, то в его бритом, пухлом лице и во всей фигуре чувствовалось что-то бабье, робкое и смиренное.

— Ну, погода, не дай бог! — сказал он и покрутил головой. — Люди еще овса не убрали, а дождик словно нанялся, бог с ним.

Пастух поглядел на небо, откуда моросил дождь, на лес, на мокрую одежду приказчика, подумал и ничего не сказал.

— Всё лето такое было... — вздохнул Мелитон. — И мужикам плохо, и господам никакого удовольствия.

Пастух еще раз поглядел на небо, подумал и сказал с растановкой, точно разжевывая каждое слово:

— Всё к одному клонится... Добра не жди.

— Как у вас тут? — спросил Мелитон, закуривая. — Не видал в Артамоновской сечи тетеревиных выводков?

Пастух ответил не сразу. Он опять поглядел на небо и в стороны, подумал, поморгал глазами... По-видимому, своим словам придавал он немалое значение и, чтобы усугубить им цену, старался произносить их вразяжку, с некоторою торжественностью. Выражение лица его было старчески острое, степенное и, оттого что нос перехвачен поперек седлообразной выемкой и ноздри глядели кверху, казалось хитрым и насмешливым.

— Нет, кажись, не видал, — ответил он. — Наш охотник, Ерёмка, сказывал, будто на Ильин день согнал около Пустошья один выводок, да, должно, брешет. Мало птицы.

— Да, брат, мало... Везде мало! Охота, ежели здравомысленно рассудить, ничтожная и несостоящая. Дичи совсем нет,

а которая есть, так об ту сейчас нечего и рук марать — не выросла еще! Такая еще мелочь, что глядеть совестно.

Мелитон усмехнулся и махнул рукой.

— Такое делается на этом свете, что просто смех да и только! Птица нынче стала несообразная, поздно на яйца садится, и есть такие, которые еще на Петров день с яиц не вставали. Ей-богу!

— Всё к одному клонится, — сказал пастух, поднимая вверх лицо. Летошний год мало дичи было, в этом году еще меньше, а лет через пять, почитай, ее вовсе не будет. Я так примечаю, что скоро не то что дичи, а никакой птицы не останется.

— Да, — согласился Мелитон, подумав. — Это верно.

Пастух горько усмехнулся и покачал головой.

— Удивление! — сказал он. — И куда оно всё девалось? Лет двадцать назад, помню, тут и гуси были, и журавли, и утки, и тетерева — туча тучей! Бывало, съедутся господа на охоту, так только и слышишь: пу-пу-пу! пу-пу-пу! Дупелям, бекасам да кроншипиям переводу не было, а мелкие чирята да кулики все равно, как скворцы, или, скажем, воробцы — видимо-невидимо! И куда оно всё девалось! Даже злой птицы не видать. Пошли прахом и орлы, и соколы, и филины... Меньше стало и всякого зверья. Нынче, брат, волк и лисица в диковинку, а не то что медведь или норка. А ведь прежде даже лоси были! Лет сорок я примечаю из года в год божьи дела и так понимаю, что всё к одному клонится.

— К чему?

— К худу, паря. Надо думать, к гибели... Пришла пора божьему миру погибать.

Старик надел картуз и стал глядеть на небо.

— Жалко! — вздохнул он после некоторого молчания. — И, боже, как жалко! Оно, конечно, божья воля, не нами мир сотворен, а все-таки, братушка, жалко. Ежели одно дерево высохнет или, скажем, одна корова падет, и то жалость берет, а каково, добрый человек, глядеть, коли весь мир идет прахом? Сколько добра, господи Иисусе! И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари — всё ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и свое место знает. И всему этому пропадать надо!

На лице пастуха вспыхнула грустная улыбка, и веки его заморгали.

— Ты говоришь — миру погибель... — сказал Мелитон, думая. — Может, и скоро конец света, а только нельзя, по птице судя. Это навряд, чтобы птица могла обозначать.

— Не одни птицы, — сказал пастух. — И звери тоже, и скотина, и пчелы, и рыба... Мне не веришь, спроси стари-

ков; каждый тебе скажет, что рыба теперь совсем не та, что была. И в морях, и в озёрах, и в реках рыбы из года в год всё меньше и меньше. В нашей Песчанке, помню, щука в аршин ловилась, и налимы водились; и язь, и лещ, и у каждой рыбьины видимость была, а нынче, ежели и поймал шуренка или окунька в четверть, то благодари бога. Даже ерша настоящего нет. С каждым годом всё хуже и хуже, а погоди немного, так и совсем рыбы не будет. А взять таперя реки... Реки-то, небось, сохнут!

— Это верно, что сохнут.

— То-то вот и есть. С каждым годом всё мельче и мельче, и уж, братушка, нет тех омутов, что были. Эвона, видишь кусты? — спросил старик, указывая в сторону. — За ними старое русло, заводиною называется: при отце моем там Песчанка текла, а таперя погляди, куда ее нечистые занесли! Меняет русло и, гляди, доменяется до той поры, покуда совсем высохнет. За Кургасовым болота и пруда были, а нынче где они? А куда ручьи девались? У нас вот в этом самом лесу ручей тёк, и такой ручей, что мужики в нем верши ставили и щук ловили, дикая утка около него зимовала, а нынче в нем и в половодье не бывает путевой воды. Да, брат, куда ни взглянь, везде худо. Везде!

Наступило молчание. Мелитон задумался и уставил глаза в одну точку. Ему хотелось вспомнить хоть одно место в природе, которого еще не коснулась всеохватывающая гибель. По туману и косым дождевым полосам, как по матовым стеклам, заскользили светлые пятна, но тотчас же угасли — это восходившее солнце старалось пробиться сквозь облака и взглянуть на землю.

— Да и леса тоже... — пробормотал Мелитон.

— И леса тоже... — повторил пастух. — И рубят их, и горят они, и сохнут, а новое не растёт. Что и вырастет, то сейчас его рубят; сегодня взошло, а завтра, гляди, и срубили люди — так без конца-краю, покуда ничего не останется. Я, добрый человек, с самой воли хожу с общественным стадом, до воли тоже был у господ в пастухах, пас на этом самом месте и, покуда живу, не помню того летнего дня, чтобы меня тут не было. И всё время я божьи дела примечаю. Пригляделся я, брат, за свой век и так теперь понимаю, что всякая растения на убыль пошла. Рожь ли взять, овощ ли, цветик ли какой, всё к одному клонится.

— Зато народ лучше стал, — заметил приказчик.

— Чем это лучше?

— Умней.

— Умней-то умней, это верно, паря, да что с того толку? На кой прах людям ум перед погибелью-то? Пропадать и без вся-

кого ума можно. К чему охотнику ум, коли дичи нет? Я так рассуждаю, что бог человеку ум дал, а силу взял. Слаб народ стал, до чрезвычайности слаб. К примеру меня взять... Грош мне цена, во всей деревне я самый последний мужик, а все-таки, паря, сила есть. Ты вот гляди, мне седьмой десяток, а я день-деньской пасу, да еще ночное стерегу за двугривенный и спать не сплю, и не зябну; сын мой умней меня, а поставь его вместо меня, так он завтра же прибавки запросит или лечиться пойдет. Так-тось. Я, акроме хлебушка, ничего не потребляю, потому хлеб наш насущный даждь нам днесь, и отец мой, акроме хлеба, ничего не ел, и дед, а нынешнему мужику и чаю давай, и водки, и булки, и чтобы спать ему от зари до зари, и лечиться, и всякое баловство. А почему? Слаб стал, силы в нем нет вытерпеть. Он и рад бы не спать, да глаза липнут — ничего не поделаешь.

— Это верно, — согласился Мелитон. — Нестоящий нынче мужик.

— Нечего греха таить, плошаем из года в год. Ежели теперича в рассуждении господ, то те пуще мужика ослабли. Нынешний барин всё превзошел, такое знает, чего бы и знать не надо, а что толку? Поглядеть на него, так жалость берет... Худенький, мозглявенький, словно венгерец какой или француз, ни важности в нем, ни вида — одно только звание, что барин. Нет у него, сердешного, ни места, ни дела, и не разберешь, что ему надо. Али оно с удочкой сидит и рыбку ловит, али оно лежит вверх пузом и книжку читает, али промеж мужиков топчется и разные слова говорит, а которое голодное, то в писаря нанимается. Так и живет пустяком, и нет того в уме, чтобы себя к настоящему делу приспособить. Прежние баре наполовину генералы были, а нынешние — сплошной мездрюшка!

— Обедняли сильно, — сказал Мелитон.

— Потому и обедняли, что бог силу отнял. Супротив богато не пойдешь.

Мелитон опять уставился в одну точку. Подумав немного, он вздохнул, как вздыхают степенные, рассудительные люди, покачал головой и сказал:

— А всё отчего? Грешим много, бога забыли... И такое, значит, время подошло, чтобы всему конец. И то сказать, не век же миру вековать — пора и честь знать.

Пастух вздохнул и, как бы желая прекратить неприятный разговор, отошел от березы и стал считать глазами коров.

— Ге-ге-гей! — крикнул он. — Ге-ге-гей! А чтоб вас, нет на вас переводу! Занесла в чепыгу нечистая сила! Тю-лю-лю!

Он сделал сердитое лицо и пошел к кустам собирать стадо. Мелитон поднялся и тихо побрел по опушке. Он глядел себе

под ноги и думал; ему всё еще хотелось вспомнить хоть что-нибудь, чего еще не коснулась бы смерть. По косым дождевым полосам опять поползли светлые пятна; они прыгнули на верхушки леса и угасли в мокрой листве. Дамка нашла под кустом ежа и, желая обратить на него внимание хозяина, подняла воющий лай.

— Было у вас затмение аль нет? — крикнул из-за кустов пастух.

— Было! — ответил Мелитон.

— Так. Везде народ жалуется, что было. Значит, братушка, и в небе непорядок-то! Недаром оно... Ге-ге-гей! гей!

Согнав стадо на опушку, пастух прислонился к березе, поглядел на небо, не спеша вытащил из-за пазухи свирель и заиграл. По-прежнему играл он машинально и брал не больше пяти-шести нот; как будто свирель попала ему в руки только первый раз, звуки вылетали из нее нерешительно, в беспорядке, не сливаясь в мотив, но Мелитону, думавшему о погибели мира, слышалось в игре что-то очень тоскливое и противное, чего бы он охотно не слушал. Самые высокие пискливые ноты, которые дрожали и обрывались, казалось, неутешно плакали, точно свирель была больна и испугана, а самые нижние ноты почему-то напоминали туман, унылые деревья, серое небо. Такая музыка казалась к лицу и погоде, и старику, и его речам.

Мелитону захотелось жаловаться. Он подошел к старику и, глядя на его грустное, насмешливое лицо и на свирель, забормотал:

— И жить хуже стало, дед. Совсем неумоготу жить. Неурожай, бедность... падежи то и дело, болезни... Одолела нужда.

Пухлое лицо приказчика побагровело и приняло тоскующее, бабье выражение. Он пошевелил пальцами, как бы ища слов, чтобы передать свое неопределенное чувство, и продолжал:

— Восемь человек детей, жена... и мать еще живая, а жалованья всего-навсего десять рублей в месяц на своих харчах. От бедности жена осатанела... сам я запоем. Человек я рассудительный, степенный, образование имею. Мне бы дома сидеть, в спокойствии, а я целый день, как собака, с ружьем, потому нет никакой моей возможности: опротивел дом!

Чувствуя, что язык бормочет вовсе не то, что хотелось бы высказать, приказчик махнул рукой и сказал с горечью:

— Коли погибать миру, так уж скорей бы! Нечего канитель и людей попусту мучить...

Старик отнял от губ свирель и, прищурив один глаз, поглядел в ее малое отверстие. Лицо его было грустное и, как слезами, покрыто крупными брызгами. Он улыбнулся и сказал:

— Жалко, братушка! И, боже, как жалко! Земля, лес, небо... тварь всякая — всё ведь это сотворено, приспособлено, во всем умственность есть. Пропадает всё ни за грош. А пуще всего людей жалко.

В лесу, приближаясь к опушке, зашумел крупный дождь. Мелитон поглядел в сторону шума, застегнулся на все пуговицы и сказал:

— Пойду на деревню. Прощай, дед. Тебя как звать?

— Лука Бедный.

— Ну, прощай, Лука! Спасибо на добром слове. Дамка, иси!

Простившись с пастухом, Мелитон поплелся по опушке, а потом вниз по лугу, который постепенно переходил в болото. Под ногами всхлипывала вода, и ржавая осока, всё еще зеленая и сочная, склонялась к земле, как бы боясь, что ее затопчут ногами. За болотом на берегу Песчанки, о которой говорил дед, стояли ивы, а за ивами в тумане синела господская рига. Чувствовалась близость того несчастного, ничем не предостережимого времени, когда поля станут темны, земля грязна и холодна, когда плакучая ива кажется еще печальнее и по стволу ее ползут слезы, и лишь одни журавли уходят от общей беды, да и те, точно боясь оскорбить унылую природу выражением своего счастья, оглашают поднебесье грустной, тоскливой песней.

Мелитон плелся к реке и слушал, как позади него мало-помалу замирали звуки свирели. Ему всё еще хотелось жаловаться. Печально поглядывал он по сторонам, и ему становилось невыносимо жаль и небо, и землю, и солнце, и лес, и свою Дамку, а когда самая высокая нотка свирели пронеслась протяжно в воздухе и задрожала, как голос плачущего человека, ему стало чрезвычайно горько и обидно на непорядок, который замечался в природе.

Высокая нотка задрожала, оборвалась, и свирель смолкла.

1887

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2020 год
(Март — апрель)

Вот выжимка из того, что сказал Путин 10 марта в Госдуме: для всех других будущих президентов России должна быть сменяемость власти, а для него — нет, не должна, ему надо позволить властвовать пожизненно. Откуда у него, с чего вдруг такая безоглядная самоуверенность? И почему в других ветвях власти почти все с этим согласилось? Вот где настоящий культ личности! А нам всё Сталина в нос суют. Сталин в 70 лет просился в отставку, но его не отпустили, а Путин держится за власть с таким остервенением, словно она для него — единственная мать родная. И он, похоже, сам себе внушил, что он незаменим. Власть — это бремя, данное человеку Свыше. А властолюбие, переступающее закон, — это грех великий и это черта малодушного человека.

Тяготение к власти у нынешнего Путина настолько велико, что он уже не понимает или не хочет понимать, что очень скоро именно это ему все начнут ставить в вину. При любых государственных проблемах в ближайшем будущем сами же

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

депутаты будут искать их причину в несменяемой президентской власти.

А ведь фактически голосование за обновленную Конституцию — это голосование за «обнулённого» Путина. И мы все (уточню для объективности: почти все) являемся участниками или молчаливыми свидетелями этого лицемерия. И нам всем (или почти всем) со временем станет за это стыдно. Открыто в этом не признаемся, но в душе будем это понимать.

* * *

Так же, как при Ельцине, нам вновь из всех говорящих ящиков настойчиво внушают эту глупость: «Акто вместо него? Кто? Назовите! Ему нет альтернативы!» И ради оправдания и затуманивания очевидного мошенничества — упорно внушают, вдалбливают еще одну не бесспорную мысль: «Народ за Путина!» Однако «народ» — понятие непостоянное. Сегодня он кому-то поклоняется, а завтра кричит: «Распни его!» Но дело-то вовсе не в этом. Сам факт поправки закона о двух президентских сроках — позорный и лицемерный. А все те, кто оправдывают «обнуление» путинских президентских сроков, — это люди, готовые к сделке с совестью.

Представьте себе, если бы нечто подобное решил проделать Трамп. С каким благородным негодованием и возмущением вопили бы думские пропутинские «патриоты»! Более того, Трамп получил бы мгновенный импичмент. А у нас ни одна из думских партий пальцем не пошевелила, чтобы не допустить такого беззакония. И после этого «избранники народа» будут вновь разглагольствовать о какой-то честности, законности, совести, демократии...

Путин уже имеет четыре президентских срока, что само по себе является нарушением закона о президентских выборах. Однако и этого ему показалось мало. Одно беззаконие всегда влечет за собой другое.

* * *

Путин до 2036 года — это значит, до 2036 года будет литься кровь на Донбассе. Это значит, до 2036 года Донбасс не войдет в состав России. Это значит, до 2036 года будет существовать фашистский режим на Украине, финансируемый Россией. Это значит, до 2036 года не будет русских в российской Конституции. Это значит, до 2036 года Россию будут заполнять азиаты, а русский народ будет и дальше вымирать. Это значит, до 2036 года сибирский лес будут гнать в Китай (для этого в 2019 году построили новый железнодоро-

рожный мост в Китай через Амур). Это значит, до 2036 года русских будут судить по 280-й и 282-й статьям УК. Это значит, до 2036 года русских детей-сирот, согласно подписанному М.Мишустинным договору, будут сбывать в Израиль. Это значит, до 2036 года мошеннические фирмы в стране будут плодиться, как грибы. Это значит, до 2036 года цены ежедневно будут расти на всё, и олигархи будут процветать и грабить нишающий народ. Вот что значит — Путин до 2036 года. Такой ли «стабильности» мы все хотели? Но мы ее получим.

После зачитанного в Думе по бумажке предложения В.В. Терешковой об отмене президентских сроков для В.В. Путина не лишне будет вспомнить и прочитать ее выступление во Дворце съездов 43-летней давности, текст которого был опубликован в газете «Известия» 6 октября 1977 года:

«Товарищи депутаты! Разрешите от имени миллионов женщин нашей страны выразить глубокую благодарность Коммунистической партии, ее Центральному Комитету, Политбюро, лично Вам, дорогой Леонид Ильич, за постоянную заботу о труженицах нашей страны. Ваша забота о советских женщинах нашла яркое выражение в проекте новой Конституции.

В канун 60-летия Великого Октября, обращаясь к проекту Конституции, мы, советские женщины, не только сознаем свои права, но и ясно видим свои обязанности полноправных членов социалистического общества. С новым энтузиазмом мы будем трудиться во имя процветания нашей великой Родины, активно участвовать в выполнении величественных планов построения коммунистического общества в нашей стране» (*бурные аплодисменты*).

Находящимся под крылом власти и имеющим от этого баснословные привилегии, видимо, не составляет никакого труда безвозвратно заглушить в себе то, что некоторые архаичные люди продолжают называть совестью.

С начала марта все политические шоу на ТВ на 90 процентов касаются только одной темы — коронавируса. И всерьёз уже почти не трогают темы обнуления президентских сроков. Словно ничего в стране особенного не произошло. Словно сверху кто-то запретил обсуждать эту тему. Мол, ничего не было. Забудьте. Это так себе, ерунда: подумаешь, депутаты проголосовали за предложение Терешковой о внесении еще

одной поправки к Конституции... Нечего тут обсуждать и ломать копыя. Вот коронавирус — это да! Это важно! Это опасно! Это главная сейчас наша проблема! Это первая и важнейшая тема всех политических телешоу! Обсасывайте, кричите, спорьте, сколько влезет!

А ведь у нас на глазах произошла узурпация власти одним человеком. Причем надолго. И об этом на всех радиоканалах — молчок. Запрещено обсуждать и публично анализировать. А то еще наговорят лишнего... Даже т.н. «либеральной оппозиции» заткнули рот. Ни Гозмана, ни Сванидзе, ни Венедиктова, ни Амнуэля, ни Гербер, ни Альбац на экранах не видно и не слышно. Даже им перекрыли кислород... И послушный Соловьев этой опасной теме у себя касается очень осторожно и очень верноподданнически. Украина, коронавирус, Италия, США, отмена чемпионатов мира — это пожалуйста. А то, что произошло у себя в стране, — молча проглотите и смиритесь...

Вот это и есть элементарная технология прикрытия захвата власти.

И что интересно: Запад «обнулению» путинских сроков проглотил без истерик, тихо и спокойно. То есть Путин, на самом деле, их, западных функционеров, в целом устраивает. И никаких других президентов в России им, на самом деле, не надо.

* * *

Да, для упившихся властью и для не мыслящих себя вне ее — страшно терять власть. Сама мысль об этом приводит в ужас. И они готовы идти на всё, чтобы свою власть сохранить. А закон, как говорит русская поговорка, — что дышло... Для одних он один, для других — другой. И Путину до конца своих дней придется жить с этим — с фактом изменения закона под себя. И даже через 50 и через 100 лет о нём будут писать как об узурпаторе власти. Таким он в конце концов и войдет в историю. Даже возвращение Крыма ему не поможет. Фактически Путин без шума, без пыли и без танков повторил ельцинский трюк 1993 года... Тогда Конституционный суд выступил против Ельцина, но он с помощью БТРов и танков подавил протест. Что-то будет теперь?.. Тихая фальсификация голосования 22 апреля, если его не перенесут или вообще не отменяют?.. Вопрос, как говорится, риторический...

Кстати, сказать, становится понятно, почему слово «бог», внесенное Путиным в Конституцию, — с маленькой буквы. Понятно и то, *чей* это и *что* это за «бог»...

* * *

Потрясающая властная казуистика! Президентом России можно быть два срока. Но при желании можно и три, и четыре, и пять... И это будет записано в Конституции. Где еще такое возможно? Небывалое лицемерие. И всё это — ради одного человека. И Матвиенко с Володиным по ящику нам ежедневно пытаются это оправдать. Но получается как-то глупо и смешно. Смотришь на них и понимаешь, что они относятся к нам как к недоразвитым идиотам.

Почему происходит такое? Да потому что сама должность президента в России изначально была противозаконна. С тех пор и посыпалось: власть по своему усмотрению может гнуть любой, утвержденный ею же закон в любую сторону.

* * *

16 марта Конституционный суд, в чём никто и не сомневался, одобрил все новые поправки к Конституции. В том числе и самую важную, ради которой и затевалась вся эта мышьячая возня вокруг Основного Закона, принятого после танковых залпов по «Белому дому», ради чего и закручивалась вся эта игра в путинскую «конституционную реформу». Ограничение президентских сроков для Путина Конституционным судом было отменено. С лёгкостью невероятной. Собрались и в течение одного заседания всё одобрили. Но придет время, когда тот же Конституционный суд, правда, с другими судьями, признает «ошибочность» данного решения. И даже покается в малодушном судебском грехе, случившемся 16 марта 2020 года. Но нам неизвестно, сколько лет с этим «конституционным» грехом придется жить.

Как и следовало ожидать, раскрученный, обласканный и распиаренный властью «писатель» Захар Прилепин (Е.Лавлинский) тоже публично поддержал «обнуление» сроков «сильного» президента. Что лишний раз доказывает его приспособленческую, конъюнктурную сущность. Как правило, подобные слишком велеречивые, безумно популярные в обывательской среде и, как правило, бритые под ноль кумиры экранов печально заканчивают свою карьеру «властителей дум». Ни в литературе от них ничего достойного не остается, ни в памяти серьезных и совестливых русских людей.

* * *

Русский язык в качестве государственного в Конституции присутствует. А народ, этот язык создавший, в российской Конституции отсутствует. Как говорят в таких случаях, — это нонсенс! Как можно вновь голосовать за такую Конститу-

цию? Один раз за нее многие русские уже проголосовали — в 1993 году. После расстрела парламента. К сожалению, они же проголосуют и во второй раз.

Путин играет роль патриота. Но за ним прячутся олигархи. Вот кому более всего нужна эта новая Конституция, которая навсегда закрепит их власть в России. Это им нужнее всего бессрочный президент, играющий роль патриота.

* * *

Глядя в телевизор, мы порой действительно узнаём для себя много нового, чего прежде не знали. Например, то, что «царь в России только шапку примеривал и в зеркало смотрелся», или то, что «в СССР ничего не производили, кроме галош». А ведь это сказал по ящику на всю страну нынешний президент, который собирается властвовать пожизненно. По всей видимости, он сказал такое про Иоанна Грозного, Петра Первого или про Александра Третьего. А немецкие танки мы галошами закидали, потому и победили. И русские люди побегут за него голосовать. То бишь — за «обновлённую» Конституцию.

* * *

Кстати сказать, Швеция забила на эту всемирную аферу под названием «коронавирус». Там вообще нет ни карантинных, ни самоизоляции, всё работает, как обычно, люди гуляют по улицам без дурацких масок, ходят на работу, сидят в кафе... Никто им не вдалбливает в уши призывы отстоять друг от друга на два метра... И самое главное — заболеваемость там на обычном уровне. Вот это и есть не что иное, как наглядное подтверждение **искусственности ажиотажа** вокруг «смертельно опасной эпидемии».

* * *

Но для них, для этой власти, есть, оказывается, и привилегированные субъекты, живущие как бы сами по себе — т.н. гастарбайтеры. Они по-прежнему кладут плитку и бордюр, метут асфальт, как ни в чем не бывало, ходят толпами и смотрят на нас свысока и ухмыляясь. Никакая самоизоляция им не писана и никакие запреты на них не действуют. Спят вповалку в подвале или в общежитии, и никакой вирус их не волнует.

* * *

Наши догадки с каждым днем обретают всё более реальные очертания. 4 апреля в эфире канала «Россия-1»

академик РАН Виталий Зверев заявил о том, что коронавирус COVID-19 «пришел в человечество навсегда». Занавес Божественной пьесы приподнимается всё выше и выше.

Любые реальные события в мире, так или иначе связанные с именем, последними днями земной жизни и воскресением Христа, **не бывают случайными**. Поэтому не случайно, а точнее говоря — **промыслительно** и то, что апрель в нашей стране объявлен выходным и одновременно карантинным месяцем. Апрель в этом году — месяц Пасхи. И, как видно, тоже не случайно властями накануне апреля приняты столь жесткие меры для нарушителей принудительной «самоизоляции». По электронным СМИ звучат призывы не посещать храмы, чтобы не заразиться коронавирусом. Причем эти призывы исходят в том числе и со стороны некоторых церковных иерархов. Более того, озвучивается идея «Пасхи дома». Подобных призывов не было ни во времена чумных и холерных карантинных в России XIX века, ни в блокадном Ленинграде при ежедневных обстрелах и бомбежках. Но такие призывы начались с самого начала апреля, когда от вируса гриппа во всей России умерло людей даже меньше, чем в прошлом году.

Коронавирус — это всемирный бес, выпущенный на свободу отцом лжи. И его цель — **сорвать Пасху**. Христос ради нас умер и воскрес, «смертию смерть поправ». И если мы «дисциплинированно» испугаемся беса лжи и покорно отсидимся ради «Пасхи дома», то последние времена начнутся уже на следующий день.

3 апреля, в разгар всемирной пропаганды «коронавируса», в Праге под шумок демонтировали памятник маршалу Коневу, освобождавшему Чехословакию. И наше посольство в Чехии, и российский МИД что-то невнятное пробубнили себе под нос, и на этом их реакция была исчерпана. Конечно же, для народа и для оставшихся в живых победителей Войны куда важнее было сидеть дома и никуда не высовываться, о чём ежесекундно в этот день трубили и голосили абсолютно все радио и телеканалы. Не до Конева им было. Почему во всей Европе стала возможна ликвидация памятников советским героям? По единственной причине: потому что это допускает российская власть.

Правительство Мишустина выделило полтора триллиона рублей на поддержку среднего бизнеса, в первую очередь — иностранных фирм, действующих на нашей территории, а также офшорных, в том числе и предприятий, производящих алкоголь. А о том, как в нынешних условиях будут существовать российские литературные журналы, когда в президентский выходной месяц срывается подписка на второе полугодие, эту власть, конечно же, не интересует.

Когда уляжется ядовитая пыль, поднятая в результате безумной медиапропаганды т.н. «коронавируса», наиболее ответственным аналитикам станет окончательно ясно, что мы имели дело с настоящей информационной диверсией как частью глобальной информационной войны не только против населения России, но и против всего человечества. И вольной или невольной участницей этой информационной диверсии стала российская власть снизу доверху. К сожалению, врачи тоже поучаствовали в «коронавирусной» истерии. А самыми оторванными исполнителями этой информационной диверсии были, конечно же, как им и положено, ведущие политических программ на центральных каналах российского ТВ — беспринципные, демагогически развязные, хорошо заплаченные, крикливые и хамоватые. Первым номером среди этих «коронавирусных» горлопанов выступал Владимир Рудольфович Соловьев, «чистокровный еврей», как он множество раз неоднократно подчеркивал. Сколько людей стали жертвами этой диверсии — мы в точности никогда не узнаем, эта цифра будет надежно утрабована в опавшую ядовитую пыль всеми телевизионными «коронавирусными» соловьями. Но можно не сомневаться, что жертв этих было (и еще будет) гораздо больше количества печальных жертв самой коронавирусной пневмонии. Депрессия от двухмесячного заточения в своих квартирах уже жестоко сказалась и еще скажется на физическом и душевном состоянии как старых людей, так и молодых. Творцы поголовной депрессии нашего населения с помощью информационной диверсии своего добились — достигли желаемых результатов. Из этой моральной депрессии люди не смогут выйти очень долго. Кого-то придется продолжительно лечить психиатрам, кто-то из неё не выйдет никогда. И сколько пожилых людей в этих затворнических днях значительно постарело!

По всей видимости, изоляционная весна 2020 года была спланирована заранее к началу «коронавирусной» атаки — и отставка правительства, и поправки к Конституции, и отмена президентских сроков, и вирусный карантин под видом принудительной самоизоляции, и жесткие карательные меры за нарушение карантинных указов. Данная *пенетрация* будущих апокалиптических событий показала, что народ в основной своей массе готов и к более жестким воздействиям на его сознание. Большинство согласилось с тем, что власть «заботится о его благе». Всё ведь делается «ради нашего здоровья»... И совсем скоро нам предложат вакцину от «коронавируса»... Российскому обывателю так хочется в это верить!

На самоизолированном совещании с главами регионов В.В. Путин обратился к нашим гражданам и призвал их пережить коронавирус так же, как русский народ пережил в свое время нашествие печенегов и половцев. Одного только не учел наш президент. Современные «печенеги» и «половцы», то бишь тюркские народы, вновь заполонили Россию, захватив и подчинив себе очень многие сферы нашей жизни: в первую очередь, всю торговлю, большую часть медицины, ресторанный и гостиничный бизнес, не говоря уже о строительных и дорожных работах. Так что, г-н президент, коронавирус-то мы, может быть, как-нибудь и переживем, но вот нашествие новых «печенегов» и «половцев» теперь уже, при вашей «обнулённой» власти, — вряд ли.

Вот уже второй месяц все новостные радиопрограммы и телепередачи — только о коронавирусе. Причем во всём мире. Цель этой вакханалии — запугать народы. После чего придет тот, который пообещает всем спасение. И большинство пойдет за ним. Это будет антихрист. Он скажет: «Ваши боги вас не спасли, а я спасу». И все разговоры о мировой пандемии будут мгновенно прекращены.

«Коронавирус» — это общемировая провокация страха. И Путин в ней тоже поучаствовал. Провокация удалась. Теперь можно действовать дальше.

Люди лишены медицинского и социального обслуживания. Поликлиники не работают. В больничные стационары

принимают только с диагнозом «коронавирус». Все запланированные операции отложены на неопределенное время. МФЦ, Собесы и отделения Пенсионного фонда не работают. Тысячи людей ежедневно лишаются жизни, не получив помощи из-за пресловутой психозидемии, внедренной в нашу жизнь неадекватной властью и нанятыми для этой цели СМИ.

Каждый нормальный врач знает, что любой грипп боится солнца, точнее, ультра-фиолетовых лучей. Именно солнце повышает иммунитет от простудных заболеваний и гриппозных инфекций. Поэтому насильственное удержание людей в квартирах есть не что иное, как сознательное (или дураломное) торможение угасания эпидемии гриппа. С какой целью — это уже вопрос не из области медицины.

Всё, господа, свобода кончилась. Я писал об этом многие годы. Вот мы и пришли к промежуточному итогу: демократические игры уже обернулись персональными цифровыми номерами и контролем за передвижением каждого из вас. Вскоре они завершатся поголовной вакцинацией якобы от коронавируса, которая одновременно станет поголовной чипизацией. Иного уже не будет. Отныне мир стал другим. То, во что вы не верили, произошло. И то, о чём я писал в своих статьях на протяжении 30 лет, свершилось. «Демократия» выродилась в диктатуру, как и было запланировано изначально.

То, что еще в начале года казалось невозможным в стране, нам спокойно навязали и внедрили. А мы оказались послушными и покорными. То есть **любой** сценарий событий вполне реален и стопроцентно возможен.

Нас замуровали в своих жилищах и круглосуточно всеми центральными телерадиоканалами долбят по мозгам тенденциозными цифрами заболевших и умерших. Власть с помощью подконтрольных ей СМИ устроила нам моральную пытку, которая не что иное, как преступление по отношению к народу. То, что она, власть, творит, — это не просто издевательство над населением, это самый настоящий информационный фашизм.

Старики еще не знают, что из своего заточения они выйдут очень не скоро. Многие из них до освобождения не доживут. Цель всей этой искусственно созданной информационной «пандемии» — сокращение населения Земли и ликвидация

обременительного старшего поколения. Под ширмой заботы о здоровье молодых и старых. Программа, разработанная Биллом Гейтсом и озвученная Чубайсом еще в 2011 году.

Очень многие из нас надеются, что т.н. «самоизоляция» скоро кончится. Наивные и несчастные! Они будут верить в возврат свободы даже еще через месяц. Но свобода уже не вернется. Мы будем последними, кто знал свободу. Сейчас в ящике торчат нанятые пропагандисты «коронавируса». Через месяц они исчезнут с экрана. Их заменят нанятые пропагандисты несвободы, которые до хрипоты будут доказывать нам необходимость, полезность и законность тирании власти.

Т.н. этно-либеральные «оппозиционеры», ухмыляясь, молчат.

Честные врачи всего мира публикуют статистику, согласно которой количество умерших от вируса гриппа в странах Европы и США в этом году **меньше**, чем количество умерших от вируса гриппа за то же время прошлого года.

Всякий здравомыслящий человек уже не может не задать себе вопроса: «Для чего разжигается эта истерическая паника под названием «пандемия коронавируса» мировыми СМИ и основными мировыми властями? Зачем это делается? И для чего российская власть включилась в эту общемировую пропаганду нагнетания страха?»

Власть сама возбудила ненависть населения против полиции и против себя самой. Стоила ли эта ненависть всей той «заботы» власти о нашем «здоровье»? Ясно же, что «забота» эта убила тысячи наших людей, имеющих проблемы со здоровьем, не связанные с т.н. «коронавирусом», и вытравила остатки уважения к власти у миллионов россиян.

Двухмесячные строжайшие противовирусные меры, принятые Собяниным по отношению к москвичам под видом заботы об их здоровье, в конце концов привели к собянинским баснословным очередям в московском метро утром 15 апреля. Сколько людей, даже получивших мэрский электронный пропуск для проезда по Москве, заразилось в этих душегубных очередях на станциях метро — никто никогда не узнает. Но вина за их заражение будет лежать исключительно

но на московском мэре, который именно **за это** своим указом ввел полумиллионные штрафы и уголовное наказание сроком заключения до 7 лет. И как тут московскому мэру не задать вопрос: чем же шашлыки на природе, с таким благородным пафосом заклеянные вами, хуже ваших заразных электронно-пропускных очередей в московском метрополитене? Кстати сказать, до этих дурацких и незаконных пропусков московское метро в течение двух месяцев было полупустым. И если вы, г-н градоначальник, действительно заботились о здоровье москвичей, то нужно было и оставить таковым еще на месяц режим работы метро — до угасания эпидемии гриппа, и на этом закончить ваши эксперименты по мордованию столичного населения. Но, видимо, идея электронного концлагеря стала поистине вашей идеей-фикс, и вы теперь уже не остановитесь ни перед чем ради ее реализации в нашей жизни.

Глава Роспотребнадзора Анна Попова наконец-то призналась, за счет кого в основном происходит ежедневное увеличение числа заболевших т.н. «коронавирусом». Оказывается, за счет тех, у кого эта болезнь протекает «бессимптомно». То есть за счет здоровых людей. И таковых среди «заболевших», как оказалось, 50%. Таким вот способом можно бесконечно увеличивать количество ежедневно выявляемых «носителей вируса» и до бесконечности страшить население этими всё более растущими цифрами «бессимптомных» больных.

Что, разве в прошлые годы люди не умирали, в том числе и от гриппа? Однако почему-то в прошлые годы нам не сообщали ежедневно число умерших от тех или иных болезней — число, которое было ничуть не меньше количества умерших от вируса гриппа в этом году. Но отчего же теперь не только ежедневно, а ежечасно все новости в электронных СМИ начинаются с этой темы, и дикторы бодрыми голосами нам вдалбливают в мозги цифры умерших от якобы «пандемии гриппа»? Вновь и вновь приходится задавать этот вопрос: зачем это делается? Или, может быть, ежечасно озвученными цифрами умерших и заболевших власти хотят отогнать болезнь?..

Пасха без храма и День Победы без парада. Это называется: «Приплыли». «Коронавирус» всех победил. Сначала от-

менил Олимпийские игры, весь мировой футбол и все зрелищные представления, а потом покусился и на наши главные праздники. Но сам ли он это сделал?.. Не стал ли он очень успешным орудием в известных руках?.. Во всяком случае враг рода человеческого сегодня празднует свою победу.

Напрасно, ох как напрасно российская власть смалодушничала и решила отмежевать себя и весь наш народ от Пасхи и Дня Победы 9 Мая. Не стоило ей это делать. Ведь наши отцы и деды не заботились о своем здоровье и о своей жизни, приближая день 9 Мая. А вот мы теперь не выйдем на площади в этот день, заботясь о своем здоровье... По призыву властей. Более того — по настоящему запрету властей появляться на площадях. И более того — под страхом наказания...

Иисус Христос отдал себя в жертву ради нашего спасения, испытав физические муки, не сравнимые ни с какими болезнями. А вот нас теперь опять же под страхом наказания заставляют озаботиться о своем здоровье и не идти в храм к Христу, чтобы мы все вместе не возрадовались о Его Воскресении и не возгласили вместе с батюшками: «Христос Воскрес!» Наше здоровье нашим властям важнее...

Что-то случилось с властями... Давно ли они стояли под свечниками в храмах на ночных пасхальных богослужениях... И Собянин, и Медведев, и Путин... Что-то сломалось в этих подсвечниках, закачались они, стали нестойкими... И вера их куда-то подевалась... Испугались «Коронавируса»... А заодно и нас решили им запугать. Ради нашего же здоровья...

И Христос, и наши ушедшие в лучший мир отцы и деды смотрят на нас с тихой грустью и большим удивлением...

Кстати сказать, на белорусов «Коронавирус» не действует. Они парад проведут.

Наконец-то! Дождались! Все российские новостные каналы с утра 17 апреля начали свою информационную долбежку с этого невероятного события — в Республике Алтай обнаружили первого человека, заболевшего гриппом! Дикторы телерадионовостей с невероятным пафосом сообщали об этом, захлебываясь от восторга. Наверное, в их голосе не будет столько радости даже и тогда, когда мы высадимся на Луну или на Марс... А то ведь нам тут все уши просвистели о захватившем весь мир «Коронавирусе», но, оказывается, есть на земле место, куда он почему-то еще не добрался...

Теперь всё нормально, всё как положено, справедливость восстановлена — и на Алтае появился заражённый. Теперь можно с облегчением рассказывать об этом с утра до ночи через каждый час!

Но уже вечером того же дня, 17 апреля, широко известный детский врач Леонид Рошаль сказал в эфире Первого канала ТВ, что никакой пандемии нет, что не нужно сеять панику и что надо наказывать тех, кто вводит страну в заблуждение. Если так, то наказывать придется очень многих...

Нашим правителям, видимо, надоело стоять в храмах в виде подсвечников, и они вознамерились церкви загнать в телевизор и компьютер. Вот так и Церковь у нас становится виртуальной. Мол, сидите у экранов, православные, хватит с вас и этого. Через Сеть теперь можно жениться и развестись, познакомиться, похоронить родственника, получить пенсию, оплатить коммуналку, зайти в магазин или аптеку, приобрести ребенка в детдоме... В общем — в «самоизоляции» переходим в виртуальную жизнь.

Похоже, время властных подсвечников прошло. Оно и к лучшему, а то уж больно это выглядело лицемерно. А Собянин уже, наверное, вообще никогда в церкви не появится, чтобы не встречать глаза прихожан...

Президент на Пасху решил ограничиться свечкой в часовне. Оно и правильно: если храм — без народа, то и без президента.

Собянин с Путиным, как видно, решили, что жизнь нам дана для того, чтобы бороться с гриппом. И чтобы на дорогах не было машин, а на улицах и в парках — не было людей.

7 ноября 1941 года парад на Красной площади состоялся. Мороз стоял под тридцать. Все воины, участники того парада, знали, что с Красной площади они идут в бой, на смерть. Радиотрансляция с парада шла на весь мир. Гитлер приказал этот парад разбомбить. 37 бомбардировщиков тем же утром поднялись в воздух и взяли курс на Москву. Но не долетели. Половина из них была сбита, остальные повернули назад. И парад прошел. Дивизии, сформированные из московских ополченцев, полегли под Москвой практически все.

Но теперь, через 79 лет, теплым майским победным днем нам велели подумать о своем здоровье и никуда не ходить. Парад отменен из-за наступления на нас «непобедимой» вражеской армии под названием «Коронавирус», которую к тому

же детский врач Леонид Рошаль на всю страну по ящику назвал фейком паникёров.

Наши предки и Сталин, стоявший в шинели и в фуражке в тридцатиградусный мороз на трибуне мавзолея, не испугались танков Гудериана и «Юнкерсов» германского Люфтваффе. А мы и наши, условно говоря, *главнокомандующие* испугались фейковой армии какого-то забугорного «Коронавируса»... Позорище. И кто-то из этих *главнокомандующих* смеет что-то вякать о Сталине.

Садизм власти по отношению к народу уже переходит все рамки разумности: полицейские начальники установили своим подчиненным разнарядку на количество штрафов для автомобилистов и вышедших из дома граждан без цифровых пропусков. Мало того, что власти оставили людей без работы, так еще и решили их грабануть.

Мэр Собянин, а затем и Путин пригрозили москвичам вводом в город армии, если будут плохо себя вести, то бишь выйдут погреться на весеннем солнышке...

Немецкие ученые лишний раз доказали и всему миру объявили, что т.н. «коронавирус» не живет на поверхности предметов — на поручнях в транспорте, на ручках дверей, а тем более на шоссе, скамейках, автобусных остановках... (Что, в общем-то, давно было известно.) А так же и то, что маски на свежем воздухе здоровым людям больше вредны, чем полезны. И демонстративная, с показом по ТВ, дезинфекция поручней, скамеек, стекол автобусных остановок и уличных дорог — это глупость или пыль в глаза доверчивому населению, а также — раскрутка властного ажиотажа вокруг фантазийной вирусной эпидемии.

В последний день апреля в ежечасных телерадионовостях нам привычно вдалбливали в голову эту цифру: «Сегодня в нашей стране от коронавируса умерли 65 человек». Но не говоря о том, что на самом деле эти люди умерли от других, сопутствующих коронавирусу болезней. И вот так — третий месяц непрерывной долбежки о пострадавших и умерших от этой болезни. Словно весь смысл нашей жизни сузился, сжался до одной-единственной темы: как бы нам всем не подвергнуться нападению этого якобы нового, экзотического и непобедимого вируса. (Кстати сказать, газеты о нём, коронавирусе, писали еще 17 лет назад.)

Но в то же самое время в России ежедневно от онкологии умирает 740 человек. От СПИДа в среднем ежедневно умирает

не менее ста человек. Более половины всех смертей в России — от сердечно-сосудистых заболеваний. В среднем в день от них умирает 2200 человек. От туберкулеза — около ста человек.

Отчего же эти цифры никто не озвучивает ни в каких ежедневных новостях? Может, эти болезни для нас менее опасны? Или, может, эти цифры менее интересны нашим властям? Потому что на основании этих цифр в стране невозможно ввести общегосударственный карантин...

Поневоле приходишь к мысли о том, что беспробудная долбёжка во всех СМИ «коронавируса» преследует какие-то другие цели, не относящиеся к нашему здоровью...

В 90-е годы прошлого века Россия ежегодно вымирала на миллион человек. В начале двухтысячных это вымирание продолжилось. И что-то никто из властей предрежащих в нашей стране особо по этому поводу не парился и не трубил на «всю Ивановскую» о сохранении здоровья населения. А тут вдруг «коронавирус» открыл им глаза, они ужаснулись и начали нам ежечасно вдалбливать в мозги статистику заразившихся им и умерших от него. И вдруг кинулись строить новые противовирусные лечебные корпуса, вводить повсеместно новые «койко-места» после упорного закрытия тысяч больниц по всей стране и сокращения армии врачей. Как-то всё это очень странно... Более того — начали перепрофилировать онкологические, офтальмологические, сердечно-сосудистые и другие клиники под коронавирусные. И даже роддома. Ну как же, ведь «ужасающая» статистика смертности от «нового» вируса у нас значительно превышает статистику смертности от рака, инфарктов, инсультов, СПИДа, туберкулеза и т.д... Здоровье людей, страдающих от этих болезней, теперь не в счёт. Теперь у нас в стране более всего и сильнее всего страдают от пневмонии и гриппа... И тяжелее всего... Не сравнить с тяжестью страданий и смертей от рака, инсульта или СПИДа...

Одновременно ящик нам каждый день с придыханием рассказывает о баснословной смертности от коронавируса в США. И цифры, которые озвучиваются, действительно впечатляют — более 2000 человек в день. Но вот что удивительно: отчего-то общая смертность в США в этом году не отличается за тот же период от прошлогодней и позапрошлогодней. Кто бы мне объяснил: почему это?.. Может, я чего-то не понимаю?..

Или, может быть, наши власти включились в некую общемировую игру?.. Но ради чего? И озвучат ли когда-нибудь хорошо заплаченные центральные СМИ цифру смертности инвалидов и глубоких пенсионеров, на три месяца запертых в четырех стенах?..

Уже в конце апреля было ясно, что как минимум до лета люди не будут выпущены из квартирного заточения.

ПО ВОЛНАМ «ТИХОГО ДОНА»

Что заставляет современников обращаться к бессмертному роману Михаила Шолохова?

Первое, и очень важное, впечатление от прочтения монографии доктора филологических наук, профессора ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского Людмилы Сатаровой «Православный тихий Дон в творчестве М.А. Шолохова и его предшественников» – искренняя, не сугубо «научная», любовь автора к обозначенной теме. Хотя это и научное издание, но по постановке проблематики, подходам, анализу, выстраиванию системы ценностных доказательств, наконец, по сюжету – монография воспринимается как произведение, близкое к художественно-просветительскому.

Поэтому сразу же возникает мысль: а почему бы автору не найти время, чтобы воплотить огромный корпус материалов, представленных в научном издании, в книгу для широких читательских кругов. Хотя, повторим, и без того труд читается на «одном дыхании» и неугасающем интересе.

Да ведь и тема исследований – особая, она поднимает огромный

КРУГ ЧТЕНИЯ

заповедный пласт, формировавший судьбу казачества и воплощенный в вершинном произведении русской литературы — «Тихом доне». Работа основывается на глубоком осмыслении творчества плеяды донских писателей, произведения которых малоизвестны широкому кругу читателей. «Из памяти поколений, живших при советской власти, — пишет автор, — были вычеркнуты имена многих писателей, внесших свою лепту в художественное изображение своего края и получивших всероссийское и даже всемирное признание». Напомним эти имена: С. Арефин, Ф. Крюков, Р. Кумов, И. Родионов, И. Сазонов, мощный поэт-эмигрант Н. Туроверов и другие. Произведения их — своего рода кирпичики, фундамент, на котором выстраивалось величественное здание «Донской Илиады». Надо отметить, идейные течения донских художников слова, при безусловной любви к великой русской реке, были противоречивы. Одни, как например Федор Крюков, пришли в либерально-демократический стан и немало своим пером и публичной деятельностью способствовали гибели государства Российского. Эмигрант Петр Краснов до своей трагической гибели в стенах НКВД оставался преданным монархистом.

Но в идейных исканиях все-таки оставался у большинства писателей (как и в самом низовом казачестве Дона) один идеал — христианский. Именно он определил бессмертие и высоту шолоховского «Тихого Дона». Именно с позиций православия величественная эпопея раскрывается в своей сущностной целостности и глубине.

И вот что важно, отмечает автор: и леворадикальные, и консервативно-монархические писатели «были движимы благими целями и своеобразным донским патриотизмом, в котором преобладали боль и скорбь за судьбу казачества. Однако выбор казака был впереди, и он разочарует как демократов, так и консерваторов».

Мы знаем, казачество было расколото. Часть его ушла в изгнание (исход), часть пошла воевать, говоря словами песни Игоря Талькова, «за народную власть — со своим же народом». Этот раскол, так пронзительно изображенный Шолоховым в судьбе Григория Мелехова, закончился большевистским геноцидом казачества, оберегавшего рубежи России.

Этой теме посвящена вторая часть монографии — «Донцы в творчестве М.А. Шолохова 1920 годов», в которой дан развернутый анализ романов Краснова, Родионова, Шолохова. И особо прослеживается судьба мятущегося главного героя «Тихого Дона». Ставится главный вопрос: с Богом ли ты, ка-

зак, или нет? Помните финал романа: Григорий бросает в Дон оружие, но куда следует путь героя? Для него выбора нет, кроме религиозного смирения и возвращения к органичной, а значит, христианской жизни.

Когда в наши дни мы наблюдаем медленное, непростое, отчасти театрализованное, возрождение казачества, то невольно думаемся о судьбе Григория: только с Богом, на вековом православном фундаменте и возможно возрождение славного сословия русского народа, его традиций и своеобразной культуры. В этом — суть талантливо написанной монографии Людмилы Сатаровой. Для современных казаков этот труд поистине бесценен, ибо он напоминает о том, что составляет непоколебимую суть духовного мира казачества: Вера, Отечество, Царь. Последняя ипостась не слово только, а суть устройства и выживания России, которой нужна сильная и любящая свой народ власть. Которой и послужить не грех.

г. Липецк

Николай ОЛЬКОВ

200 РУССКИХ ГЕНИЕВ

Журнал «Молодая гвардия» выпустил уникальную книгу Валерия Габрусенко о выдающихся деятелях науки, техники и медицины.

Сегодня изобретателем велосипеда могут назвать каждого, кто будто бы заново придумал то, что давно и успешно работает. Ефим Михеевич Артамонов действительно придумал велосипед. Крепостной мастер Пожвинского завода (Пермский край) в 1800 году создал прообраз современного велосипеда, сколько бы он ни видоизменялся: два колеса, рама, руль и сиденье. В Ильин день 1800 года Ефимка ездил

на диковинном самокате, пугая людей и лошадей, за что был бит розгами. А в следующем году хозяин завода отправил его на самокате в Москву, на коронацию Александра Первого.

Двенадцать лет спустя немец Дранс «изобретает велосипед» — уродливую копию Артамоновского, но предприимчивый немец сумел оформить нужную бумагу и вроде как считается автором. Такова судьба многих русских самородков, намного опередивших время и создавших машины, приборы, сделавших открытия задолго до иноземных коллег. Не знали русские гении, что надо кому-то доказывать, что паровоз сделал Иван Ползунов, зерноуборочный комбайн создал наш Александр Власенко, причем, машина была экономичнее и в восемь раз производительнее американской жнейки. Врачи-офтальмологи Святослав Федоров и Владимир Филатов в разные годы разработали уникальные методики лечения и восстановления зрения, которыми пользуется весь мир.

До сегодняшнего дня среди газовиков и нефтяников живет пословица: «Недра не подведут, если не подведут люди». Не все знают, чьи это слова, но автора гениального Ивана Михайловича Губкина знают все. Он научно обосновал мощные залежи нефти в Азербайджане, между Волгой и Уралом, предсказал огромные перспективы Тюменского региона.

В пятидесятые годы в моем родном районе на Тюменщине жил и работал уникальный человек. Он строил аэросани и гусеничные снегоходы, вертолет с мотоциклетным двигателем, лодку на крыльях, которая летела над водой, как глиссер. Его звали Кулибиным. Едва ли он сам знал, что был у него гениальный предшественник, ученый-механик, создатель большого количества уникальных для своего времени машин и механизмов: прожектор, подшипники качения, лифт в Зимнем дворце, сеялку и даже фортепиано. Увы, многие его работы были «приватизированы» предприимчивыми иностранцами, и дошло до того, что арочная конструкция современного моста, им рассчитанная, называется «американской».

Мне, крестьянину и деревенскому писателю, было приятно встретить в этой книге имя великого ученого, основателя науки о крестьянском труде Александра Васильевича Чаянова. Он был противником как капиталистической формы хозяйствования, так и кооперации в форме коммун и колхозов. Чаянов стоял на том, что кооперация возможна, но с учетом экономического и технического состояния кооперируемых объектов. Потому предлагал простую и экономически просчитанную методику: сначала кооперируются первичная

переработка продукции, налаживается ее сбыт, и уже по мере накопления средств — происходит приобретение техники, необходимой в работе с землей. Конечно, заявленная программа, идущая вразрез с решениями XV съезда ВКП(б), была признана вредительской. Чаянов был расстрелян в 1937 году. Печально, что труды нашего ученого активно изучаются в Индии, в Америке, в европейских странах. В нынешнем российском Минсельхозе едва ли изучают труды этого человека.

В известном смысле Чаянов стал учеником и последователем основоположника почвоведения Василия Васильевича Докучаева. По словам современников, «он дал могучий толчок научной мысли и практической работе». Докучаевские исследования пахотных земель Воронежской и других губерний Черноземья помогли поднять урожайность и избежать еще более сурового голода конца девятнадцатого века.

В книге большое количество материалов о русских оружейниках, о советских инженерах и конструкторах космических объектов, о создателях сверхмощных атомных и водородных бомб. И всюду эта фраза: «Впервые в мире». Действительно, эта фраза применима к каждому герою этой уникальной книжки.